

СОДЕРЖАНИЕ

Том 90, номер 9, 2020

Специальный выпуск журнала “Вестник Российской академии наук”, посвящённый вопросам истории России

Вступительная статья	803
<i>В. Г. Вовина-Лебедева</i>	
Угасший мир древнерусских летописей	805
<i>Н. М. Рогожин</i>	
Государственность России XVI–XVII веков: власть и общество	822
<i>О. В. Волобуев</i>	
В.И. Ленин в оценках современников — участников революционного движения	828
<i>С. В. Леонов</i>	
Гражданская война в России на весах столетия	835
<i>В. Б. Жиромская, В. А. Исупов, Г. Е. Корнилов</i>	
Население России в 1939–1945 гг.	845
<i>О. В. Хлевнюк</i>	
Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны	858
<i>Е. Т. Артёмов</i>	
Слагаемые успеха советского атомного проекта	870
<i>Е. Ю. Зубкова</i>	
Советская жизнь как предмет исторической реконструкции	882

Размышления над новой книгой

<i>Г. Ю. Канарш</i>	
Настоящее и будущее социального государства в России	891

Официальный отдел

Награды и премии	899
------------------	-----

CONTENTS

Vol. 90, No. 9, 2020

**Special issue of the journal “Herald of the Russian Academy of Sciences”,
dedicated to the history of Russia**

Introductory Article 803

V. G. Vovina-Lebedeva

The extinct world of old Russian Chronicles 805

N. M. Rogozhin

Russian statehood of the XVI–XVII centuries: power and society 822

O. V. Volobuev

V. I. Lenin in the assessments of contemporaries–participants
of the revolutionary movement 828

S. V. Leonov

Civil war in Russia on the scales of the century 835

B. V. Zhiromskaja, V. A. Isupov, G. E. Kornilov

The population of Russia in 1939–1945 845

O. V. Khlevniuk

Soviet People’s Commissariats and decentralization of economic management
during the Great Patriotic War 858

E. T. Artemov

Components of the success of the Soviet nuclear project 870

E. Yu. Zubkova

Soviet life as a subject of historical reconstruction 882

Reflections on a New Book

G. Yu. Kanarsh

Present and future of the social state in Russia 891

Official Section

Awards and prizes 899

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА
“ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК”,
ПОСВЯЩЁННЫЙ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ РОССИИ**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Нынешний специальный выпуск журнала “Вестник Российской академии наук” посвящён истории и историографическим исследованиям. В нём по решению Научно-издательского совета РАН, включённого в работу по популяризации и пропаганде науки, научных знаний с учётом новых законодательно закреплённых целей и задач Российской академии наук, представлены лучшие статьи социально-гуманитарного профиля, опубликованные в последнее время в русскоязычных журналах.

Выпуск скомпонован из материалов, отражающих историю России в её многообразных аспектах — политическом, социально-экономическом и культурном. Это серьёзные публикации, основанные на анализе фактов, событий и процессов, происходивших в отечественной истории в разные эпохи, обобщении хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников, использовании введённых в научный оборот неизвестных ранее архивных документов. Часть этих работ затрагивает наиболее интересные периоды развития нашей страны, которые до сих пор находятся в центре академических дискуссий.

Выпуск открывает статья доктора исторических наук **В.Г. Вовиной-Лебедевой**, представляющая петербургскую школу исследования русского летописания. В статье “Угасший мир древнерусских летописей” она рассматривает основные проблемы, всегда стоявшие перед учёными, — достоверность летописи как исторического источника и поиск скрытого смысла летописных текстов. Автор также освещает наиболее спорные вопросы текстологии древних памятников.

В статье доктора исторических наук **Н.М. Рогожина** представлены результаты исследования актов и делопроизводства системы центрального государственного управления России XVI–XVII вв. Один из выводов автора состоит в том, что в силу протяжённой территории, многоэтничности, поликонфессиональности России сильную централизованную власть следует рассматривать как неизбежный фактор существования нашей страны.

Подробный обзор публицистических материалов, вышедших в 1924 г., в год смерти В.И. Ленина, предпринял доктор исторических наук **О.В. Волобуев**. Изучив некрологи и статьи современников Владимира Ильича, которые в разное время были его партнёрами и противниками по революционной деятельности, учёный определил, какие черты личности вождя большевиков они считали наиболее значимыми для понимания его политических успехов и неудач, роли в революционных событиях.

Дискуссионные проблемы сущности и периодизации Гражданской войны в России, а также её схожесть и различие с гражданскими войнами в Европе, Америке, Азии — эти вопросы стали центральными в статье доктора исторических наук **С.В. Леонова**. Автор не только анализирует сложившиеся в отечественной и зарубежной историографии концепции гражданской войны, но и вводит в употребление новые дефиниции. В частности, гражданской войной он предлагает считать продолжительную вооружённую борьбу за власть внутри страны различных политических сил, социальных и этноконфессиональных групп с использованием государства, государственных образований и военных соединений (армий).

Статья докторов исторических наук **В.Б. Жиромской, В.А. Исупова и Г.Е. Корнилова** “Население России в 1939–1945 гг.” посвящена оценке людских потерь в годы Великой Отечественной войны. На базе значительного корпуса историко-демографических источников (переписей населения, данных учёта естественного движения населения, миграционного учёта) они исследуют динамику численности населения РСФСР, её областей, краёв и автономных республик. Особый интерес представляет та часть работы, где представлена погодная численность российского населения с 1939 по 1945 г.

С иного — экономического — ракурса рассматривает Великую Отечественную войну доктор исторических наук **О.В. Хлевнюк**. В его статье, базирующейся на архивных документах, прежде всего постановлениях Государственного комитета обороны СССР, препарируется малоисследованный феномен сочетания централизации и децентрализации в управлении советской экономикой в условиях Великой Отечественной войны. Децентрализацию управления автор квалифицирует как механизм корректировки противоречий централизованного планирования и расширения самостоятельности производителей. Он приводит убедительные примеры оперативной деятельности советских наркоматов, их взаимодействия между собой и с высшим руководством СССР.

В статье доктора исторических наук **Е.Т. Артёмова** отражены важные аспекты отечественного Атомного проекта — одного из самых амбициозных в истории СССР. Сам проект начался с государственного решения по “проблеме урана”, принятого в разгар Великой Отечественной войны 28 сентября 1942 г. Предметом исследования учёного стали факторы, обеспечившие успешную реализацию этого решения. Завершение проекта относят к концу 1950-х годов, однако основное внимание автор уделяет периоду с 1945 по 1953 г. С одной стороны, именно тогда были созданы научно-технические, материальные и организационные предпосылки для производства ядерного оружия, а с другой — это время можно назвать “золотым веком командной экономики”, когда её возможности проявились во всей полноте.

Завершается выпуск работой доктора исторических наук **Е.Ю. Зубковой**, в которой любопытный феномен “советской жизни” рассматривается как интегральная модель социальной истории России. По каким критериям можно структурировать/реконструировать “советскую жизнь”? Насколько удачным/неудачным оказался прошлый опыт создания интегральных моделей советской социальной реальности? Как он помогает оценить перспективы изучения советского проекта в целом? Отвечая на эти и другие вопросы, автор демонстрирует интегральный подход к обобщению наших знаний о советском периоде и приглашает к дальнейшему изучению истории “советского социума” со всеми его типичными и меняющимися характеристиками.

Составитель номера — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Р.Г. Пихоя**, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

УГАСШИЙ МИР ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ¹

© 2020 г. В. Г. Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: varvara_yovina@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся критериев оценки изложенного в летописях материала. Разбираются основные проблемы, всегда стоявшие перед исследователями древнерусского летописания: достоверность летописи как исторического источника (дан обзор работ ряда исследователей, включая недавнюю книгу А.П. Толочко) и поиск скрытого смысла летописных текстов (анализ взглядов И.П. Ерёмкина, С.Я. Сендеровича, И.Н. Данилевского). Рассмотрены наиболее спорные вопросы текстологии летописания, в частности, значение дошахматовского периода, оценка трудов А.А. Шахматова современными исследователями (А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон и др.), критика А.А. Шахматова и отказ от одних звеньев его схемы и укрепление других, соотношение летописных сводов и погодных записей, особенности летописания на пергамене, анализ языка летописей, признаки заимствования текста в летописи.

Ключевые слова: летопись как исторический источник, Повесть временных лет, средневековые хроники, история русского летописания, текстологические исследования, сравнительно-исторические исследования, источниковедение, историография.

DOI: 10.31857/S0869587320090078

Известный исследователь древней Москвы и русского средневекового быта И.Е. Забелин писал: “И что ж непосредственно вводит нас в этот угасший мир, где всё спуталось, переплелось, стёрлось и, главное, утратило запах жизни, если так можно выразиться, стало всё каким-то безразличным отвлечением?” [1, с. 63]. Образ “угасшего мира”, утратившего “запах жизни”, кажется удачным. Проводя историческое исследование, мы как будто оживляем навсегда ушедший в не-

бытие мир, используя сохранившиеся следы его, которые называем источниками, а также нашу логику, профессиональные навыки, жизненный опыт, здравый смысл и, наконец, воображение. Мы не можем отделить всё это от процесса исследования. Стоит ли удивляться, что у каждого из нас ожившие фигуры “угасшего мира” двигаются по-разному и выглядят не всегда похоже? В каком-то смысле это и должны быть разные миры. Но мы можем показать друг другу наши ожившие картинки, объяснить, как именно мы их оживляли.

Судьба историков, изучающих русские древности, навсегда определена тем, что имеются подробные и обширные рассказы о начальной истории Руси в летописях, и нет достаточного количества других источников, чтобы подтвердить или опровергнуть их. Неудивительно, что все главные вопросы о сути древнейших периодов русской истории, да и более поздних, вплоть до XVII в., вращаются вокруг оценки летописных известий как исторического источника.

Это было ясно с самого возникновения науки о русских древностях, и основные вопросы, касающиеся летописания, стали очевидными уже тогда. В конце XIX — начале XX в. трудами А.А. Шахматова исследование летописей подня-

ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА Варвара Гелиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2019. № 4. С. 3–27).

лось на новый уровень. И любопытно, что сегодня, когда мы становимся свидетелями очередного подъёма интереса к летописям, наука во многом движется на новом уровне по сходным траекториям. Попробуем выделить эти постоянно существующие научные дискуссии. Здесь пойдёт речь только о некоторых авторах из большого числа тех, кто писал и пишет о летописях и кто внёс в их исследование значительный вклад: я не могу даже перечислить всех и заранее приношу извинения. Не имея возможности привести обширную литературу по истории изучения летописания, в том числе посвящённую А.А. Шахматову и его методу, отмечу лишь, что недавно эта тема стала предметом нового монографического исследования [2].

Первый вопрос состоит в том, что представляет собой русское летописание как исторический источник. То, что тут есть проблема, стало ясно уже из работ А.Л. Шлёцера и Й. Добровского [3, с. 59–106]. По мысли Шлёцера, древнейшая русская летопись, которую он именовал “Нестором”, а мы обычно называем Повестью временных лет (ПВЛ), – выдающийся памятник, равно которому нет у других народов. Ни одну европейскую средневековую хронику он не мог поставить рядом. Шлёцер называл ПВЛ “первым, древнейшим, единственным, по крайней мере, главным источником” для всей славянской истории [4, с. 425]. В противоположность этому Й. Добровский вообще не считал средневековые хроники о древних временах, включая ПВЛ, ценными, полагая, что в них заключено слишком много “басен” и народных сказаний, выставляющих народы в древности более известными, чем они были на самом деле. Если Шлёцер ценил присутствие в ПВЛ преданий языческих времён (он так и не довёл своё критическое издание “Нестора” до крещения Руси), то Добровский иронически писал о “языческой теологии” у Шлёцера и высказывал сомнения относительно трактовки последним некоторых фактов славянского прошлого, сделанных на основании ПВЛ. Шлёцер был протестантом и к “средневековью”, то есть к христианской католической культуре, относился критически, считая удачей для России то, что она такой этап не переживала. В противоположность этому носитель католической традиции Добровский предпочитал тексты учёных средневековых книжников, в особенности византийских авторов, любым изложениям “славянской мифологии”, а славян до крещения считал диким и примитивным народом, отрицал “дунайскую теорию” их происхождения по ПВЛ и славянские древности в Европе.

Последняя линия в отношении ПВЛ нашла выражение в статьях М.Т. Каченовского и других скептиков. Филолог-классик Каченовский находился под впечатлением от трудов Б.Г. Нибура по истории Древнего Рима. Опираясь на теорию по-

следнего, Каченовский (который первым перевёл на русский язык одну из статей немецкого учёного) считал, что сообщения ПВЛ о древнейшем периоде истории носят баснословный характер и не заслуживают доверия [5]. Однако если Нибур полагал, что после критики баснословных известий необходимо провести работу по восстановлению текста первоначальных источников, отделяя вымысел от того, что заслуживает доверия, то его русские адепты сосредоточились главным образом на ниспровержении древних летописцев, на борьбе с “Нестором”. Позиция Каченовского вызвала волнение и раздражение большинства историков. У него появилось много антагонистов. Среди них – М.П. Погодин, одним из аргументов которого в защиту ПВЛ стало сравнение её с византийскими источниками. По мнению Погодина, если бы из употребления могла быть убрана ПВЛ, наши знания по древнейшему периоду истории Руси оказались бы беднее, но не противоречили бы теперешним, полученным на основании летописей, что свидетельствует о достоверности летописных известий [6, с. 78, 79; 7, с. 155–172; 8]. Спор между скептиками и антискептиками вскоре зашёл в тупик, поскольку и те, и другие использовали в качестве аргументов здравый смысл, и доводы обеих сторон вскоре истощились.

После появления работ А.А. Шахматова вопрос о достоверности летописных известий уже ставился иначе: речь шла о достоверности воссоздания древнейших этапов летописной работы на основании нового подхода, им предложенного. Весь XX в. прошёл под знаком шахматовской концепции: или принятия и развития его взглядов, или борьбы с ними. Трудно найти другое научное направление, споры вокруг которого не утихали бы столь долго. Уже одно это говорит о незаурядности его создателя.

В советской исторической науке идеи Шахматова и его метод часто понимались упрощённо или даже искажённо. Многим историкам, занимавшимся русскими древностями, таким как М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и др., хотелось получить от текстологов точный ответ на некоторые вопросы: на какие летописи (или части летописей) опираться, исследуя социальную или политическую историю Древней Руси? Когда они созданы и кем? Какова идеологическая концепция летописцев и как это можно использовать при исторических построениях? В принципе, это же волнует нас и сейчас. Но проблема в том, что текстология, включая построения Шахматова, не могла дать точного ответа на эти вопросы.

В последнее время скепсис возродился. Новым скептиком оказался киевский историк А.П. Толочко. Он предпринял критическую атаку на предшествующую историографию, представшую цепью смешных ослеплений или неудачных

подтасовок. Автор пишет, что его книга — не научная монография, а курс лекций (что вовсе не даёт права на скидку в глазах читателя) [9].

Действительно, в работах Шахматова и построенной им схеме истории русского летописания много уязвимых мест, о чём хорошо известно всем, кто занимался этим предметом. Это сознавали ученики Шахматова — историки (так сложилось, что именно историки стали его первыми последователями), это всегда понимали и филологи. Много написано о том, что метод исследования летописей, предложенный Шахматовым, лучше всего проявил себя при работе с летописанием более позднего времени, от которого у нас сохранились многочисленные летописные списки, и поэтому там “радость сравнения”, как называл это Добровский, может проявиться в полной мере. Об этом писал Я.С. Лурье, научный “внук” Шахматова [10, с. 185–195]. В связи с продолжением шахматовской линии в исследовании общерусского и местного летописания XIV–XVI вв. назову лишь некоторые имена: М.Д. Присёлков, А.Н. Насонов, Я.С. Лурье, Б.М. Клосс, Г.М. Прохоров, А.Г. Бобров, Е.Л. Конявская, А.В. Сиренов. Этот список может быть значительно увеличен. Шахматов одни части своей схемы русского летописания набросал эскизно, другие проработал лучше, поскольку считал, что сохранившиеся летописи являют собой родственную семью, связанную общей генеалогией. Кроме того, Шахматов был учёным, в целом склонным к построению предположений, гипотез и догадок (Я.С. Лурье чётко разграничивал в научном исследовании гипотезы и догадки, в значительной степени для того, чтобы показать, как они различаются в работах Шахматова. Он считал реконструкцию начального этапа летописания не лучшей частью системы, построенной Шахматовым, поскольку при её создании автор не мог по-настоящему использовать сравнительный метод. Но сам Шахматов рассматривал анализ именно ранних летописей в качестве своей главной задачи, а к исследованию летописания более поздних текстов пришёл прежде всего потому, что в них содержался текст ПВЛ). Он и при малом количестве материала не отказывался от них, считая, что даже ошибочные предположения всё же оказываются полезными [2, с. 188–190]. Поэтому схема истории летописания XIV–XVI вв., созданная Шахматовым, сейчас многократно уточнена, из неё убраны наиболее слабые звенья. Но в целом она устояла на протяжении столетия.

А.П. Толочко не принимал этого в расчёт. У него А.А. Шахматов в работах по раннему летописанию выглядит утрированно непрофессиональным фантазёром. В “мире Шахматова” (выражение Толочко) якобы не работают обычные законы логики, всё вывернуто каким-то сложным образом наизнанку в угоду непонятному ходу мыслей создателя этого мира. Согласно Толочко,

весь XX в. прошёл в обстановке странной пассивности остальных учёных, входивших в шахматовский мир и подпадавших под очарование его сложных построений настолько, что они уже не могли воспринимать их критически. Это представляется неверным и несправедливым не только по отношению к Шахматову, но и к его продолжателям. Реконструкция древнейших летописных сводов, предпринятая исследователем, давно уже подвергнута тщательному разбору. Многие историки и филологи ставили её под сомнение. Фактически, во второй половине XX в. произошёл отказ от большинства начальных звеньев шахматовской схемы. И если другие элементы её до сих пор уцелели, хотя получили во многом уже другое наполнение, то это значит, что они работают (по крайней мере в глазах значительного числа исследователей). И эти исследователи — учёные нового поколения, наши современники, которых нельзя заподозрить в том, что они находятся под гипнозом шахматовских построений более чем столетней давности (увлекшись критикой предшественников, Толочко, как это часто бывает, фактически придумал себе оппонента, который, слепо веря Шахматову, просто использует его выводы, стараясь их лучше запомнить и не вдумываясь в аргументацию [9, с. 27, 28]).

Главная идея А.П. Толочко состоит в том, что рассказ ПВЛ, отстоящий более чем на 200 лет от событий, с которых начинается изложение истории Руси, не следует принимать во внимание как источник. Именно так расцениваются и легендарные начала некоторых европейских хроник. Но тогда необходимо опровергнуть идею Шахматова о том, что в ПВЛ отразились более древние летописные произведения, наиболее ранние из которых исследователь датировал временем княжения Ярослава Мудрого. С раздражением против “безнадёжно поздней” ПВЛ Толочко пишет о задаче, якобы поставленной Шахматовым: «Своими впечатляющими разысканиями о древнейших русских летописных сводах Шахматов предложил науке выход из кризиса и создал методологическую ситуацию, при которой вновь можно было практиковать “летописную историю” без смущения и внутреннего конфликта». Тем же стремлением были охвачены, по мнению Толочко, и другие учёные. Сложные вопросы, над которыми задумывалось не одно поколение текстологов, например, о методе работы древнерусских книжников, о том, как составлялись летописные компиляции, как проводилась правка рукописей, — всё это Толочко решает легко, объявив, что у древних книжников просто не было пространства, подобного современному письменному столу, где они могли бы разложить для сличения сразу несколько пергаменных рукописей [9, с. 30, 32–34].

Сама мысль о том, что “пергаменный” и “бумажный” этапы в истории книжности следует

изучать, учитывая их специфику, справедлива. Толочко вообще ставит немало закономерных вопросов, например, почему пергаменная рукопись Начального свода (Нсв), по Шахматову — источника ПВЛ, не сохранилась в Киево-Печерском монастыре, где она была создана? “Как случилось, что печеряне вмиг перестали интересоваться собственной книгой, никогда не переписывали её и не делали выписок, без сопротивления покорившись традиции, исходящей из соседнего — гораздо менее авторитетного — монастыря?” Этот вопрос, действительно, не может не приходиться в голову. Варианты ответов на него предлагались и Шахматовым, и современными учёными, например, А.А. Гиппиусом. Однако Толочко их даже не рассматривает, уверенно замечая: «Похоже, в Печерском монастыре тоже не знали о “Начальном своде”». Кстати, в историографическом плане интересно, что Толочко тем самым примкнул к учёным, видящим летописание не единым генеалогическим древом (подобно А.А. Шахматову и его последователям), а рошей отдельных деревьев (как считал, например, А.Г. Кузьмин). Одно из таких деревьев могло расти от корня Нсв, минуя ПВЛ. И то, что это дерево, по мнению Толочко, не выросло, для исследователя — аргумент в пользу того, что и самого корня, такого как Нсв, не было.

Картина древнейшей истории Руси без ПВЛ, нарисованная А.П. Толочко, конечно, имеет право на существование. Но, как и другие варианты объяснений летописного текста, она уязвима. У Толочко автор ПВЛ (Сильвестр, как он полагает) оказался человеком, мало что знавшим о прошлом Киева и княжеского рода. Зато он был искусным книжником, “создавшим потрясающую историю и замечательное литературное произведение”. В некоторых случаях Толочко этому тексту доверяет, упоминая, например, “династическое предание киевских князей, общему смыслу которого можно доверять” [9, с. 98, 100, 105, 217, 225]. Ещё одним уязвимым моментом можно считать то, что, проявляя гиперкритицизм в отношении ПВЛ, автор почему-то абсолютно доверчиво относится к византийским и арабским источникам, хотя иностранные известия всегда содержат многочисленные искажения, даже если они писались очевидцами. И, как это почти всегда бывает, критикуя других за недостаток аргументов, Толочко сам предаётся фантазиям, например, предполагая, откуда в летописи могли появиться Аскольд и Дир и почему летописцу пришлось создать «две отдельные “княжеские” биографии» и “предполагать их совместное правление, совместный поход и одновременную смерть”. Непонятно, чем эта серия нанизанных одно на другое предположений лучше того, что предлагали учёные шахматовской школы. Это яркий пример серии догадок, которые Я.С. Лурье называл рассуж-

дениями по принципу “почему бы и нет?” В другом месте автор обвиняет предшественников, в частности Шахматова, в том, что они аргументируют свои предположения, прибегая к “тонким подтасовкам”, например, приписывая себе знание хода действий летописца, который “подумал так-то”, решил сделать то-то, ошибся там-то [9, с. 48, 62, примеч. 70]. Но и сам Толочко часто действует аналогично и точно так же, как и предшественники, опирается в рассуждениях на собственные гипотезы и догадки. При ответе на вопрос, как появилась хронология начальной части ПВЛ, он рассуждает следующим образом: поскольку древнейшая история “рассчитана при помощи дат византийско-русских договоров” (предположение, продвигаемое в книге, но здесь фигурирующее уже как некая истина), а «ни один из предполагаемых “предшествовавших” сводов не знал о существовании договоров», то там же впервые возникла и хронология. Перед нами пример построения, где одно предположение подкрепляет другое и наоборот. Предложив новую схему построения ПВЛ, Толочко в основу её кладёт “хронологическую симметрию”, показывающую, что промежутки между важными по летописи событиями оказываются одинаковыми или симметричными (кратными трём или несущими другой символический смысл). В целом та часть книги Толочко, где он предлагает смотреть на тексты договоров с греками как на ядро, из которого вышел весь древнейший текст ПВЛ, представляет интерес, вне зависимости от того, соглашаться с выводами автора или нет. По мнению Толочко, “даты трёх договоров разместили пространство X века”, в том числе определили первую дату ПВЛ 852 г. Конечно, это лишь одно из возможных объяснений, поэтому непримиримость к сторонникам других трактовок указанной даты (достигали своего “путём тонких подгонок в рассуждениях”) вызывает изумление.

Нам сейчас трудно понять замысел летописца и, вероятно, ни у кого не может быть монополии на его истолкование. Вывод об искусственности всей начальной хронологии ПВЛ не нов, но продолжает играть важную роль при обращении к памятнику. Давно замечено, что князья, по летописи, живут подозрительно одинаковое число лет, умирают сразу после похода и заключения договора, что в договорах упомянуты отсутствующие в летописи родственники князей. Рюриковичи, видимо, действительно, были лишь одним из скандинавских родов, которые боролись за господство на речных путях, истребляя своих соперников. Дата 882 г. (захват князем Олегом Киева), и тем более дата 862 г. (“призвание варягов”), никогда серьёзными исследователями не принималась буквально. Древнерусская культура до принятия христианства была бесписьменной, следовательно, все даты до конца X в. хотя бы по этой

причине должны приниматься как дань традиции. И сразу же после крещения не могли возникнуть исторические записи с датами, ведь их ещё следовало как-то определить, а сразу перейти от отсутствия письменности к составлению исторических хроник — задача почти фантастическая.

А.П. Толочко, возмущаясь против того, что он воспринимает как засилье шахматовской традиции, довольно дидактично указывает в эпилоге: “Древнейшее прошлое Восточной Европы нельзя излагать так, как заведено — пересказывая Повесть временных лет” [9, с. 305]. Но, вопреки Толочко, историки обычно так и не делают, и картина ранней истории Руси, нарисованная им, во многих аспектах уже написана его предшественниками. Начиная со времён В.О. Ключевского решающее значение в становлении Древнерусской державы придают торговле; эта точка зрения подкреплена данными археологии [11, с. 151–163]. О значении рабства в Древней Руси и о работорговле также давно писали (см., например, работы Б.А. Романова, С.В. Юшкова, И.Я. Фроянова и др.). Между тем Толочко критикует С.М. Соловьёва, как будто более новой историографии не существует. “Хронологическая” же гипотеза Толочко объясняет некоторые части текста ПВЛ, но далеко не все, как не все подробности летописного рассказа могут быть выведены из договоров Руси с Византией или из киевских топонимов. Объявить остальное просто “баснословием” — тоже не решение вопроса, ведь тогда мы должны понять, откуда и как возникло именно данное “баснословие”. Толочко отмечает эту проблему и просто пишет о тексте ПВЛ, «“засорённом” известиями самыми разнообразными, хаотичность которых скрывает первоначальный рисунок» [9, с. 65, 66].

В книге, как уже говорилось, можно найти интересные замечания, согласующиеся с подходами к ПВЛ, которые свойственны некоторым предшественникам. Анализируя легенду о посещении будущей Руси апостолом Андреем и констатируя, что она не согласуется с другими утверждениями летописца (о том, что Русь не знала апостольской проповеди, или что проповедовал апостол Павел), Толочко замечает: “Читателю современной выучки кажется, что подобные утверждения несовместимы в одном тексте, но, вероятно, средневековый автор не рассматривал их как совершенно исключают друг друга” [9, с. 90]. Это предположение в очередной раз отделяет Толочко от шахматовского направления, всегда исходившего из того, что изначальный текст должен быть логичным и связным и что нарушение логики, как правило, — показатель вставки или соединения в этом месте нескольких источников [12]. Таким образом, выход книги Толочко — весьма интересное явление, показывающее, что скептическое направление, возникшее в самом начале исследования древнейших русских летописей,

продолжает существовать, и к нему нужно относиться серьёзно. Как любой совершенно иной, по сравнению с большинством существующих подходов, взгляд, он очень полезен, поскольку обнаруживает слабые места других концепций.

Думаю, вряд ли стоит подробно писать о том, что по вопросу достоверности летописей как историка большинство исследователей истории Древней Руси стоят сейчас на позиции, противоположной позиции Толочко. Учёные разных направлений, часто совершенно не сходящиеся друг с другом в концепциях (М.Б. Свердлов, В.А. Кучкин, И.Я. Фроянов, А.В. Назаренко, А.Ю. Дворниченко, П.С. Стефанович, П.В. Лукин и многие другие) равно опираются на летописные тексты, зачастую предлагая собственные интерпретации рассказов ПВЛ и Новгородской первой летописи (Н1), а также взгляды на историю их текстов. В ряде случаев исторический анализ даёт неожиданные аргументы в пользу достоверности сообщений летописи. Так, в работах Назаренко среди многих оригинальных гипотез по поводу летописных сообщений я бы обратила внимание на мысль, касающуюся сообщений летописи о княжениях Святослава Игоревича, Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, то есть тех известий ПВЛ, которые как раз ставятся под сомнение в книге Толочко. В ряде статей Назаренко сопоставил княжеские разделы означенного времени по ПВЛ и соответствующие явления из истории Франкского государства VI–IX вв., обнаружив явное типологическое сходство. По его мнению, с точки зрения типологии, содержание, например, “ряда” Ярослава Мудрого (так, как он изложен в ПВЛ) не вызывает сомнений. Летопись здесь “сохраняет характер делового распоряжения и вполне узнаваемые черты завещающего формуляра”, что (даже при учёте того, что всё это “преломляется через призму политических представлений летописца рубежа XI–XII вв.”) является “косвенным свидетельством достоверности летописного рассказа” [13, с. 8, 14, 69, 70, 73–75, 82; 14, с. 593–654]. Таким образом, сравнительно-исторические исследования могут дать дополнительный материал для суждений об исторической ценности рассказов ПВЛ.

Проблема достоверности летописных известий связана с трактовкой летописных текстов и поисками скрытого в них смысла. Написанная 60 лет назад небольшая книжка И.П. Ерёмкина, одного из наиболее талантливых филологов школы В.Н. Перетца, не потерялась в массе научной литературы, посвящённой ПВЛ [15, 16]. Он подверг критике ту сторону шахматовской школы, которая всегда ценилась историками: “критерий политических суждений”, то есть утверждение, что летописец был политиком, а не беспристрастным наблюдателем событий. Ерёмкин попытался воссоздать особую картину мира летописца, отлич-

ную от современного человека. По его мысли, первый, как правило, просто регистрировал события факт за фактом, иногда сопровождая это краткой моральной оценкой, напоминая, особенно в некоторых случаях, что всё в мире происходит по воле Божьей. Поскольку события подчиняются непостижимой божественной воле, летописцу не было нужды логически связывать их. И поэтому летопись представляет “ряд фактов, выпавших из своего реального, конкретного в каждом отдельном случае, причинно-следственного контекста”, но эта фрагментарность и внутренняя противоречивость летописного повествования, по Ерёмину, были естественно присущими ему особенностями. Каждая оценка летописца (события или же человека) — “особая замкнутая в себе система показа”, и с этим связаны известные противоречия в оценках летописью одного и того же героя.

Рисуя картину внутреннего мира “летописного человека”, Ерёмин намного опередил своё время, в ней уже проявлялись черты герменевтического исследования. Книга подверглась критике, в том числе со стороны Д.С. Лихачёва. Позиция Ерёмина в отношении ПВЛ противоположна шахматовской: хотя он и не касался вопроса о предшествующих ПВЛ сводах, по сути, подходил к её тексту как к созданному единовременно. Противоречия в тексте, которые Шахматову представлялись признаками вставки, по Ерёмину были следствием особой философии истории, присущей летописцу.

Через много лет после смерти И.П. Ерёмина отчасти родственный ему подход к раннему летописанию предложил С.Я. Сендерович, полагавший, что исследование ПВЛ зашло в тупик: “В отношении начального летописания для послешахматовского периода приходится признать отсутствие серьёзного прогресса, а может быть, и состояние кризиса, возрастающего в течение всей второй половины XX в.”. Поскольку “эмпирический материал настолько сложен, противоречив и кардинально недостаточен”, каждый исследователь “создаёт свою собственную фрагментацию текстов на основе выбранных им ограниченных критериев или выбирает некоторый набор аргументов в массе возможных” [17]. Фактически Сендерович отказался от восстановления первоначального вида ПВЛ и изучения истории её текста, прямо заявив, что “попытки расслоения ПВЛ, выяснения последовательности фаз её складывания, различение в ней более ранних сводов, принадлежащих определённым летописцам, выделение ядер и протоядер — всё это представляет собой сегодня поле разноречивых спекуляций, опирающихся на остроту ума исследователя”, которые можно охарактеризовать как “перетасовки аргументов” или “неверифицируемые гипотезы о безнадежно утраченных фактах”. По мнению Сендеровича, провести границы между текстами разных

летописцев нельзя, ибо каждый последующий составитель свода “не просто добавлял свой материал, но нередко подвергал обработке весь переписываемый материал”, становясь участником “единой работы”.

Особое внимание С.Я. Сендерович уделил необходимости для ранних летописцев подключить историю своего народа ко всеобщей, что потребовало особых историософских схем, и вот их, по его мнению, можно выделить в ПВЛ. Он, например, увидел в ней “двоичность построения”, проявившуюся в постоянном сопоставлении двух Владимиров (Владимира Святого и Владимира Мономаха), при том что история каждого из них также делилась надвое, и каждая часть сопровождалась пересказом всеобщей истории. Сендерович нашёл в тексте ПВЛ оппозицию героев с противоположными по смыслу корнями в именах: Святополка и Владимира. Оба Владимира — младшие ветви рода, отобравшие власть у старшего брата (подобно библейскому Иакову), поэтому в тексте осуждаются убийства старшими младших (Святополком Бориса и Глеба как Каином Авеля). Как и в случае с Ерёминым, текст ПВЛ воспринимается Сендеровичем как единый, поскольку “дело совсем не в том, что разные статьи о Святополке написаны, возможно, разными летописцами”, а в том, почему редактор “счёл возможным сохранить” эти звенья одной концепции.

Желание пересмотреть отношение к традиционной текстологии летописания на рубеже столетий носилось в воздухе. Тогда же начали выходить статьи И.Н. Данилевского, а затем его итоговая монография, наиболее ярко демонстрирующая герменевтический подход к русскому летописанию [18, 19]. Автор провозгласил обращение “к неоригинальным сведениям источника”, к “общим местам”, с принципиальным уходом от разработки проблемы достоверности летописных сообщений. Как и Ерёмин, Данилевский принял в качестве аксиомы то, что “наш образ мира принципиально отличается от образа мира древнерусского автора”, и “способы описания его различны”. В отличие от Сендеровича, он не отмежевывался от критического метода и высоко оценил достижения школы Шахматова, хотя фактически на них не основывался. Но Данилевский не согласился с Д.С. Лихачёвым и Я.С. Лурье, полагавшими, что у людей прошлого не было особого мышления (в противном случае мы не могли бы понимать сочинения средневековых авторов).

Если И.П. Ерёмин полагал, что поиски обязательных логических связей в летописном рассказе излишни, поскольку летописец описывал всё, что знал или слышал, ничего не пропуская, то Данилевский поставил целью обнаружить замысел летописца и вскрыть его подтекст [18, с. 13, 29]. Для этого он, в частности, исследовал ориента-

цию летописца на образцы и устойчивые клише, провозгласив себя преемником в этом смысле Д.С. Лихачёва и О.В. Творогова [20–22], и сам привёл впечатляющие примеры таких клише [18, с. 52, примеч. 116–119]. Данилевский объявил, что летописи составлены по “центонно-параллельному принципу”: текст складывался из частичек другого текста как своего рода коллаж, подобно тому, как христианские памятники архитектуры включали при постройке античные колонны, а иконы ориентировались на готовые иконописные подлинники. Поскольку в случае летописания такими частичками были в основном тексты Писания, по мнению Данилевского, подавляющее большинство из них можно установить. Возможно, всё это было связано с приёмами обучения книжности, при которых священные тексты заучивались наизусть.

По Данилевскому, летописец — искусный составитель коллажа, играющий отрывками известных ему и читателю текстов, составляющий из них мозаику, имеющую подчас другой, нежели изначальные отрывки, смысл. Невольно возникает впечатление, что речь идёт не о средневековом книжнике, а об авторе эпохи постмодернизма. Ориентация на образцы — действительно важный момент древнерусской культуры, хотя приводимые Данилевским примеры касаются в основном поворотных моментов летописного повествования. В изложении же рядовых событий виден, скорее, более простой приём: писать, как в старых текстах, которые летописец когда-то видел или читал. И хотя на первый взгляд кажется, что предложенный Данилевским подход несёт очевидную пользу историкам (если что-то в тексте оказывается цитатой из Писания, это следует выявить, чтобы не принимать символ за действительность), и многие наблюдения Данилевского были поддержаны коллегами, не все они убедительны. Например, трактовка слов “на Руси есть веселие пити, не можем без того быти” как параллель с Книгой Премудрости Иисуса, сына Сирахова (“что за жизнь без вина? оно сотворено на веселие людям”) кажется интересным наблюдением. Но далее рассуждения историка представляются неоправданно усложнёнными: по его мнению, истинный смысл реплики открывается при обращении к Толковой Палее и образу вина как крови Христовой, так что “ответ Владимира прообразует принятие им христианства” [18, с. 98]. Другие приводимые Данилевским случаи прямого или косвенного цитирования также не могут быть интерпретированы однозначно. Что касается “невидимых библеизмов”, как называет их исследователь, то тут наиболее интересно введение им элементов, которые ранее представлялись пришедшими из устных источников, в поле письменной традиции, хотя не все примеры одинаково удачны. Так, вывод о том, что слова

“Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет” связаны с фразой 111 псалма (“обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек”) не кажется очевидным. Также не слишком убеждает, что библеизм виден в требовании волхвов: “Нама стати пред Святославомъ, а ты не можешь створити ничтоже”, поскольку здесь «можно видеть не только ссылку на статью Русской Правды, запрещающую мучить смердов “без княжьего слова”», но и слова апостола Павла: “Разве вам положено бичевать римского гражданина, да и без суда?” [18, с. 106]. О мнимости библеизмов, найденных И.Н. Данилевским в ПВЛ, уже писали [23]. Трактовка рассказа о хазарской дани, где “меч обоюдоострый” есть признак богоизбранного народа, и значит, в летописном рассказе заложена идея преимущества христианства над иудаизмом, тоже порождает ощущение неуверенности. Автор не приводит прямых текстуальных заимствований, построение летописного рассказа и библейских текстов различны, и традиционный взгляд, согласно которому здесь перед нами устное предание, попавшее в летопись, на этом фоне не проигрывает.

А вот ответ варяга-мученика о языческих идолах (“Не суть то бози, н[о] древо... не ядят бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣхъ”) действительно наводит на мысль о цитате из Ветхого завета (“И будете... служить богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят, и не обоняют”). Тут Данилевский, как кажется, нашёл источник летописца, будь это использование текста или запомнившиеся летописцу когда-то слова. Также удачно вскрыто уподобление Владимира, строящего храм, библейскому Соломону [18, с. 109].

Таким образом, мы выходим на главную проблему такого рода исследований: каковы критерии при оценке убедительности параллелей? Беда в том, что интерпретаций можно придумывать множество, особенно, когда речь идёт о так называемых бродячих сюжетах. Так, Данилевский считает, что в рассказе ПВЛ о сожжении Искоростена маленький Святослав бросил в сторону древлян копьё, подобно библейскому Иисусу Навину, а между тем можно с таким же и даже большим успехом предположить, что это знаменитое “копье Одина”, которым начинали битву древние скандинавы. Другая параллель, приводимая Данилевским, — о сходстве описания смерти Святослава и чаши, изготовленной из его черепа, с рассказами хроник Манассии и Георгия Амартола о смерти императора Никифора I — кажется более удачной. Однако что она нам даёт? Данилевский сам не может сказать, является ли это “описанием сходных событий, литературным заимствованием или же культурной традицией тюркоязычных народов” [18, с. 125]. По его мнению, разыскать завуалированные цитаты текстологически невозможно. И это говорит о том, что мы возвра-

щаемся к интуиции, хотя Данилевский и пишет, что “насущной задачей становится разработка методики разыскания и доказательства подобных репрезентаций библейских текстов в древнерусских литературных произведениях”.

В книге проводится мысль, что Писание для летописца служило “семантическим фондом, из которого оставалось лишь выбрать готовые клише для восприятия, описания и одновременной оценки происходящего”, тогда как “индивидуальное творчество затрагивало главным образом форму и в гораздо меньшей степени — содержание летописного сообщения” [18, с. 139]. Но мы знаем (правда, из более поздних летописных текстов), что как раз форма летописного сообщения была зачастую весьма традиционна, и словесные сочетания, синтаксические конструкции кочевали из одного текста в другой, причём содержание сообщений могло совершенно различаться (под поздним летописанием я подразумеваю тексты XV–XVII вв. Сознаю, что проведение тут параллелей с ПВЛ не вполне корректно, однако, поскольку традиции древнерусской книжности были очень устойчивыми, это должно стать предметом специального исследования). И.Н. Данилевский сам привёл выразительный пример того, как события в летописи описываются одними и теми же словесными формулами при различном содержании: речь идёт о жестоких действиях руси в окрестностях Константинополя во время похода князя Олега, то же — во время похода князя Игоря, и то же — в Лаврентьевской летописи при описании монгольского нашествия на Рязань. Все три случая восходят к Откровению Мефодия Патарского и Житию Василия Нового.

По мнению И.Н. Данилевского, летописец был охвачен творческой идеей: показать Русскую землю как Землю Обетованную, описать князей определённым символическим образом, подать Киев и Переяславец на Дунае как Новый Иерусалим, Святослава как Кира, Владимира как Соломона, Ярослава как Иакова (кстати, оба хромые) и проч. И уже непонятно, зачем этому изощрённому экзегету, озабоченному тем, чтобы создать “полисемантический текст”, вообще было вести повествование по годам, скучно перечисляя, кто, на кого и когда “пошёл”? К тому же требуется объяснить, почему ранние летописцы, которые, по-видимому, действительно отличались от позднейших хотя бы тем, что у них ещё не было предшествующих летописей как образцов и они должны были всё делать впервые (на что справедливо указывают С.Я. Сендерович и А.П. Толочко), сразу оказались опытными экзегетами, а их наследники — сплошь и рядом просто компиляторами. Кажется, должно быть наоборот, поскольку первоначально не было устойчивой традиции, существовало меньше книжных людей, и всё шло по линии накопления, а не утраты навыков. Видимо, мы должны смириться с тем, что только в

некоторых случаях можно понять “полисеманτικότητα” летописи (тем более я не разделяю уверенности Данилевского в том, что она была неотъемлемым признаком летописной книжности). Похоже, исследователь поддался действительно великому соблазну, всегда возникающему после одного или нескольких удачных сопоставлений, рассматривать весь доступный материал под сложившимся один раз углом зрения, то есть действовать по принципу “всё, что встретим на пути, может в пищу нам идти” (этой фразой из Давида Бурлюка Я.С. Лурье однажды с юмором охарактеризовал научное творчество своего друга А.А. Зимина в письме к последнему. Неопубликованные письма Лурье и копии писем Зимина хранятся в Архиве СПбИИ РАН). Представляется, что расценивать весь текст ПВЛ как “вариации на библейскую тему” пока нет оснований.

И, конечно, очень сомнительна идея, что летописец сознательно свои мысли не высказал прямо, чтобы читатель дошёл до них окольным путём. И.Н. Данилевский полагает, что текст летописи писался “для посвящённых”, которые должны были разгадать авторскую загадку. Поэтому библейские параллели вставлялись изначально скрытно, и летописец “посредством таких сокровенных характеристик всегда имел возможность провести в создаваемом им тексте свою, отличную от заказанной (если, конечно, такой заказ был), точку зрения” [18, с. 177]. Получается, что даже от “заказчика” летописец тайл смысл своего текста. Невольно хочется спросить вместе с героем А.С. Грибоедова: “Зачем же так секретно?” К тому же, согласно Данилевскому, летописец заимствовал не просто части текстов, а отдельные идеи из Библии, а потом творчески эти идеи перерабатывал, накладывал на материал, непонятно откуда взятый. Ведь если рассказ о хазарской дани — не местная легенда, значит, летописец его специально придумал для того, чтобы таким сложным путём провести мысль о торжестве христианства (хотя почему-то поместил в том месте, где речь шла ещё о язычниках-полянах). Как мы знаем по более поздним текстам, уже в XV–XVII вв. свои источники летописцы обычно так не камуфлировали: они чаще просто переписывали их, порой дословно, иногда с сокращением или, наоборот, амплификациями.

И.Н. Данилевский заимствовал у Ю.М. Лотмана понятие “многоярусной семантики”, но нужно помнить, что книга, на которую он ссылается, называется “Структура художественного текста”. Второе слово тут определяющее. Является ли текст летописи в полном смысле “художественным текстом”? По Данилевскому получается, что да, поскольку “форма, в которую облечён буквальный смысл, может представлять аллюзию, соотносящую описываемое с известными библейскими персонажами, ситуациями и сюжетами, и таким образом придавать летописному

тексту дополнительную глубину, намекать на сущность происходящего”. Но так ли это? Зачем намекать, если можно прямо сказать? И если в ряде случаев приводятся прямые отсылки к тексту Писания, тогда почему в других — намёки? Ведь в ПВЛ речь идёт о серьёзном: о создании княжеской державы, о войнах и власти, о крещении и первых святых, о понимании новой веры, о новой морали. Не специальная же это, в самом деле, литературная игра — не очень характерная вещь для Средневековья!

Наконец, вызывает вопросы трактовка И.Н. Данилевским названия ПВЛ. Это одно из наиболее известных мест книги, и данному сюжету сначала была посвящена отдельная статья [24]. Автор сумел предложить действительно свежий взгляд на, казалось бы, заезженный фрагмент текста. Момент с избранием Руси “на последние времена” и чтение “временных”, а не “временных” лет — интересный вариант трактовки. Но построен ли весь текст ПВЛ под углом эсхатологии? То, что “временные лета” можно понимать как “последние времена”, возможно, и достойная внимания идея. Но стоит ли относиться к ней как к “программе ПВЛ”? Тут, как во всяком хорошем деле, нужно уметь вовремя остановиться. По Данилевскому, летопись считалась «специфическим “документом”, который должен был фигурировать на Страшном суде», и предназначалась Тому, “Кому, в конце концов, должны были попасть летописные тексты”, а «уж Он-то, вне всякого сомнения, мог разобраться с любым “ребусом”, созданным человеком» [18, с. 239, 267]. Но неужели летописец мог думать, что Спасителю, чтобы произвести суд, нужна летопись или любые другие письменные донесения? Разве Он и так не знает всё и намного больше? Создаётся впечатление, что опытный экзегет-летописец Данилевского слишком буквально понимал выражение “небесная канцелярия”.

В целом герменевтический подход И.Н. Данилевского демонстрирует нам дополнительные возможности в исследовании летописания. Это направление уже дало и ещё даст много важного и полезного материала, хотя и не может считаться единственным при обращении к летописи. Историки в значительной мере не могут принять подход Данилевского, поскольку им нужен более надёжный материал. Они, в большинстве своём, полагаются на результаты текстологических работ, надеясь таким образом получить первоначальный (что расценивается как правильный) текст, на который затем можно будет опираться.

Я.С. Лурье показал, что, если основываться на летописании позднем и официальном, реконструируется одна история Руси, а если на раннем и независимом — совершенно другая [25, 26]. Соответственно, летописный текст, перед тем как

стать историческим источником, должен пройти предварительную обработку с целью выделения в нём ранних и поздних слоёв. Это понимали уже в XVIII в. За А.Л. Шлёцером стояла школа геттингенских библеистов. Тогда исследование текстов рассматривалось прежде всего как необходимый этап подготовки их издания. Считалось, что издавать нужно изначальный текст, а не то, что испорчено в результате многовековой традиции переписывания. В соответствии с этим Шлёцер, считавший ПВЛ авторским сочинением, составленным монахом Нестором, задачу видел в воссоздании первоначальной летописи, искажённой в результате рукописной традиции. Остальные напластования (поздние списки и проч.) — лишь материал, позволяющий добраться до основ. Шлёцер полагал, что это возможно, и ПВЛ стала первым в истории науки не библейским и не классическим текстом, к которому применили приёмы, разработанные для последних. Но сам он, как известно, работу до конца не довёл и последователей среди русских учёных не имел. Предложенный И. Добровским метод сравнения летописных вариантов, ведущий от более поздних к более ранним, вплоть до того, который можно назвать *das Urtext* [27, предисл.], связан с опытом его лингвистических классификаций. По сути, он первым применил на материале летописания те же приёмы, что и при работе с материалом языка [2, с. 87, 88], но не был оценён современниками по достоинству. Шлёцер и Добровский были лингвистами, а летописи в России считались епархией историков, подходивших к ним совсем иначе. События летописцев, иногда довольно туманные, допускали разную интерпретацию и построение на этой основе многочисленных исторических концепций. Кроме того, следовало ещё освоить огромный материал летописных списков. Требовалось их издать, чем и занялась Императорская археографическая комиссия. По мере опубликования томов Полного собрания русских летописей картина, предстающая перед историками, оказывалась всё более и более запутанной. Поэтому было важно совершенствовать приёмы обращения с летописями и найти не слишком сложный метод, чтобы как-то подступиться к этому морю противоречивой информации.

Во второй половине XIX в. после работ Н.К. Бестужева-Рюмина [28; 2, с. 150–173] историки стали текст летописи расслаивать на две составляющие: погодные (анналистические) записи и отдельные летописные сказания. Этот приём был обязательным вплоть до начала XX в. В сохранившихся анналистических фрагментах летописи принято было видеть следы древних летописей отдельных княжеств. Предполагалось, что эти летописи когда-то соединили (свели) друг с другом и дополнили более пространственными историческими сказаниями о наиболее важных, с точки зрения

летописцев-сводчиков, событиях. Понятие “летописного свода” у П.М. Строева и его учителя М.Т. Каченовского, вероятно, служило отражением идей, пришедших из европейской текстологии, например, от Фридриха Вольфа и Готфрида Германа. Эти два немецких филолога, изучавшие тексты “Илиады” и “Одиссеи”, пришли к выводу, что дошедшие до нас редакции не отражают первоначальную структуру произведений, а являются собранием разновременных и разнонаправленных текстов, сведённых воедино в гораздо более позднее время [2, с. 134–143; 29, с. 3–12]. То, что сохранившиеся и дошедшие до нас памятники представляют собой не изначальные анналы, а продукт их вторичной обработки, то есть “летописные своды”, считалось главным достижением науки XIX в. в определении природы летописания. Но понятие “свода” использовал и тот, кто разрушил данный метод, объявив его устаревшим и ненаучным. Учёный совершенно другой выучки, А.А. Шахматов подошёл к летописям как к чистому полю, как к материалу, не затронутому до того анализом, (он был лингвистом-компаративистом, учеником Ф.Ф. Фортунатова и нёс в себе почти все главные признаки фортунатовской школы [30, с. 76–88]).

История летописания по А.А. Шахматову — это история летописных сводов, связанных друг с другом. В основе сводов, по его мнению, лежали не первичные летописи (как полагали ранее), а такие же, но более ранние своды, то есть картина оказалась гораздо более сложной. Такие своды-матрешки сохранились в основе всех дошедших до нас списков летописей, но их ещё требовалось воссоздать, поскольку они существовали в чистом виде (без дополнений и переработки) лишь в короткий момент после своего составления. Затем, как днища старинных кораблей, своды постепенно обрастали дополнениями, погодными записями о дальнейших событиях и в таком виде в какой-то момент опять использовались новым сводчиком. Из последователей Шахматова особенно строго к использованию понятия “свод” подходил Лурье, неоднократно говоривший на лекциях и писавший, что “летописный свод” в шахматовском понимании можно лишь реконструировать, но неправильно, например, называть “сводами” при публикации реальные летописные памятники. Издать можно лишь конкретную летопись, например, Лаврентьевскую, внутри которой сокрыт свод 1305 г. и другие более древние своды, и воссоздать их можно в результате реконструкции.

Настоящим этапом летописной работы и актом творчества Шахматов считал только составление сводов, а не ведение погодных записей. Понять историю этих этапных моментов можно, по его мнению, сопоставляя между собой дошедшие до нас списки летописей, чтобы добраться до их

общих протографов (сводов) сначала первого ряда, а потом, сличая между собой уже последние, доходя до протографов второго ряда и т.д. Шахматов продемонстрировал это в своих работах, связав в единую схему (через своды-протографы) практически все известные в его время летописи.

Критика начальной части этой схемы, в том числе признание или непризнание всех древнейших сводов по Шахматову, включая Нсв, долгое время носила частный характер. Исключение составляют работы А.Г. Кузьмина. Продолжая линию своего учителя М.Н. Тихомирова (последний в конце жизни предпринял наступление на схему А.А. Шахматова и его метод, что наиболее полно отразилось в оставшейся незаконченной монографии о “начале русской историографии” [2, с. 824–864]), Кузьмин подверг критике сам шахматовский метод. Он выступил против тезиса о том, что только источник служит единственной основой знаний об истории, апеллируя к так называемому внеисточниковому знанию и критикуя “источниковедческий монизм” и “рафинированный позитивизм” филологов и текстологов, например, Лурье. Я.С. Лурье оценил подход А.Г. Кузьмина как ненаучный, написав об этом в ряде специальных статей по методологии источниковедения [31]. Позиция Кузьмина подверглась критике, например, в совместной статье Д.С. Лихачёва, В.Л. Янина и Я.С. Лурье [32]. Кузьмин предложил “отказ от реконструкции текстов и жёстких приурочений времени и места создания предполагаемых исторических сочинений”, поскольку Шахматов не увидел “невозможность некоторых построений”, им предложенных, с исторической точки зрения. Кузьмин считал, что Шахматов строил многочисленные гипотезы, желая подчинить “разнородный летописный материал” единой схеме, в результате чего летописание у него стало выглядеть “как единое вековое дерево”, но при этом было “оторвано от породившей его общественной среды, замкнуто в себе самом”. В противоположность этому Кузьмин предложил признать множественность летописных традиций, которые нельзя свести к одной генеалогии, и, как М.Н. Тихомиров, призвал учитывать поздние летописные памятники при реконструкции ранних этапов летописания [33, с. 41–45].

Одновременно с этим спором новый подход к раннему летописанию предложил в конце 1960-х годов М.Х. Алешковский. Полный текст его работы, посвящённой ПВЛ и развивающей идеи Шахматова, опубликован лишь недавно [34]. Алешковский, и на это справедливо указали во вводной статье издатели, обратил внимание не только на своды (их существование он не отрицал, как и Шахматов не отрицал существование в истории летописания погодных записей). Исследователь пришёл к выводу, что в любой летописи сохрани-

лись следы работы как сводчиков, так и анналистов, и последние фрагменты имеют определённые признаки, по которым их можно выделить. Таким образом, Алешковский фактически ликвидировал разрыв в методе, возникший между трудами Шахматова и предшествующей традицией. На основе нового подхода к тексту ПВЛ он сформулировал ряд гипотез, в некотором смысле существенно изменявших схему Шахматова.

После безвременной смерти М.Х. Алешковского прошло немало лет, и предложенный им метод на материале раннего летописания развивало новое поколение исследователей — А.А. Гippiус, Т.В. Гимон, А. Тимберлейк, С.М. Михеев. Двое первых сосредоточили внимание сначала на истории текста Новгородской первой летописи. Гippiус начал с изучения её древнейшего Синодального списка (Син.) и сделал в этой области настоящий прорыв [35, с. 3–72; 36; 37, с. 114–251]. Тимберлейк исследовал Лаврентьевскую летопись [38].

Представляется, что А.А. Гippiус в своих построениях оказался более других близок не только к выводам Шахматова, но и к ходу мысли последнего, хотя и отказался от многих частей его схемы. Взгляд Шахматова на летописание как на исключительно компилятивный процесс, по мнению Гippiуса, ошибочен. Он был обусловлен отсутствием оригиналов древнейших летописей. Между тем мы многое можем сказать об оригинале Новгородской владычной летописи (Нвл), которая представляла долгое время одну пергаменную рукопись, ежегодно пополнявшуюся новыми записями. Отдельные её части и тетради редактировались и даже заменялись. Важно, что А.А. Гippiус, как и Т.В. Гимон, обратили внимание на особенности летописания на пергамене, признавая, что оно отличалось от традиции ведения летописей на бумаге. На это же обратил внимание и А.П. Толочко. Можно считать появление этого сюжета новацией в исследованиях летописания. По Гippiусу, нет оснований полагать, что Нвл широко копировалась в XII–XIV вв., долгое время существовал только оригинал и Син. — список, изготовленный в XIII в. в Юрьевом монастыре и там же пополнявшийся в первой половине XIV в. Позднее Нвл отразилась в списках Н1 младшей редакции (Н1мл).

Хотя Шахматов и был лингвистом, он специально не занимался анализом языка летописи, тогда как Гippiус этот анализ предпринял. Поскольку в основе Син. лежит погодная летопись, которая велась при владычном дворе, и поскольку, согласно Гippiусу, этот список не далеко отстоял по времени от оригинала Нвл., он произвёл анализ языковых различий в тексте Син. и увидел “швы” в летописном повествовании и указания на границы работы одного летописца и на смену его другим. Исследователь предположил, что при

переписывании Нвл лексика, структура текста и его стиль были изменены в небольшой степени и что писцы верно передавали особенность оригинала. В результате специального лингвистического исследования получен впечатляющий результат — разделение текста Син. (значит, согласно А.А. Гippiусу, и Нвл) на сегменты. Из наблюдений над ними сделан важный вывод: границы семи из девяти выделенных учёным сегментов совпадают со временем смены епископов на Новгородской кафедре. Таким образом, если Гippiус прав, то смена новгородского владыки влекла за собой смену летописца, который вёл владычную летопись. Этот вывод пока никем не опровергнут. Разумеется, столь жёсткая связь ведения летописи со сменами владык — только гипотеза. К таким же научным гипотезам относились и построения Шахматова, в которых читателей со временем перестала удовлетворять аргументация то по одному, то по другому вопросу. Не думаю, что А.А. Шахматов был бы против, если бы узнал об этом: он смотрел на науку как на живое дело и никогда не считал свои научные труды последней истиной, о чём, в частности, говорит его переписка с коллегами [39].

При чтении работ А.А. Гippiуса встаёт ещё один старый и спорный вопрос: что служит признаком заимствования текста? Обязательно ли нужно текстуальное совпадение, чтобы говорить о заимствовании? Перерабатывали ли летописцы свои источники, излагали ли их своими словами? Так, в Н1 под 1203–1204 гг. имеется группа известий владимирского происхождения о южнорусских событиях. Гippiус предложил связать их с пребыванием на Новгородской кафедре епископа Митрофана. Е.Л. Коняевская показала, что текстуальные совпадения с северо-восточным летописанием присутствуют лишь у части “южнорусских” статей Н1 за эти годы, в других же совпадает только набор известий [40, с. 98–109; 41, с. 504–506]. Такого рода наблюдения всегда вызывали вопросы, и не только в случае с ранним, но и с поздним летописанием. О чём говорит совпадение сюжетов при отсутствии текстуального тождества? Летописец мельком посмотрел какой-то текст, но не имел возможности скопировать его, затем по памяти и другими словами пересказал его? А может быть, о некоторых важных событиях невозможно было не рассказать? Или это разные варианты записи устных рассказов очевидцев? Случаи, когда это можно проверить, редки. Очевидно, снова приходится смириться с тем, что уверенно ответить на данные вопросы мы никогда не сможем.

Не все построения А.А. Гippiуса, касающиеся истории текста Нвл, кажутся одинаково убедительными. Часто это догадки, что объяснимо: как и Шахматов, Гippiус стремится дать объяснения как можно большему числу летописных данных,

и иногда объяснения построены по следующему принципу: “ничто не мешает” (одно из любимых выражений учёного) предположить то-то и то-то. Здесь в самих приёмах Гиппиус ближе к Шахматову, чем, например, к Лурье, который требовал, чтобы гипотеза была не только возможной, но и необходимой. Я бы отметила ещё один момент сходства подходов к летописям у Шахматова и Гиппиуса. В схеме Шахматова большую роль играло взаимное влияние разных летописей друг на друга. Гиппиус также допускает постоянные изменения, вносимые в летопись то в виде приписок, то вставных листов, то новых тетрадей, содержащих отредактированный текст. Особенно важную роль в концепции Гиппиуса играют вставные листы. Так, наличие в Син. одной из повестей при отсутствии её в Н1мл. объясняется тем, что в их общий протограф вставили лист, и в таком виде этот протограф переписали в Син., а потом этот вставной лист успел потеряться. И, конечно, замечательно, что Гиппиус, как и Шахматов за сто лет до него, постарался восстановить картину ушедшей жизни, в данном случае средневекового Новгорода, и людей, которых можно или назвать по имени, или связать с теми, чьи имена нам известны. В результате сегментирования Син. у нас появилось новое знание о новгородских летописцах. Такое знание всегда гипотетично: например, Нестор стал считаться составителем ПВЛ в XVIII в. также в результате научной гипотезы, поскольку его имя читается в одном (не самом раннем) списке ПВЛ и в Киево-Печерском патерике, но сравнение с другими текстами, ему приписываемыми, согласно исследованиям С.А. Бугославского, показывает, что ПВЛ составлял не он. Другой признанный летописец, Никон, также был поставлен под сомнение А. Тимберлейком.

Т.В. Гимон [41] вслед за А.А. Гиппиусом провёл тщательный анализ текста Син. уже как историк. Он решил ответить на вопрос, заданный ещё Шахматовым: как именно составлялись погодные летописи? Опираясь на выводы Гиппиуса о владычных летописцах, постоянно продолжавших кодекс (пример плодотворного сотрудничества лингвиста и историка), Гимон выделил у каждого летописца “разнообразные манеры”, которые нельзя тем не менее назвать индивидуальными чертами. Это приёмы составления текста: одни летописцы вели бессистемные записи иногда сразу за несколько лет, другие отличались обозначением точных дат (фрагмент с отсутствием дат определяется как указание на перерыв в летописании, когда текст был написан задним числом), есть записи не чаще раза в год, иногда летописцы вели летопись синхронно событиям, иногда делали длительные перерывы.

Достижение Т.В. Гимона состоит в том, что он ввёл, наконец, русские летописи в мировой кон-

текст. Раньше полагалось делать акцент на уникальности русского летописания, на его отличии от западноевропейских и византийских хроник. После книги Гимона можно утверждать, что параллели с определёнными группами средневековых анналов-хроник возможны, хотя не всегда очевидно, что они дают, и можно ли распространять знания о западных анналистических практиках на русский материал. Кстати, любопытно наблюдать о том, что в английских анналах можно увидеть “работу летописца-сводчика, использовавшего в своей работе несколько источников, но при этом в каждой погодной статье опиравшегося только на какой-либо один из них”. Это совпадает с некоторыми наблюдениями над поздним русским летописанием: летописцы составляли компиляции, главным образом не пересказывая источники, но выбирая то один, то другой из них, иногда поясняя, что есть другие варианты (“некие же глаголят”).

Можно отметить ещё одну важную для истории летописания мысль в книге Т.В. Гимона: создатели англо-саксонских сводов “местами механически копировали текст источников, допускали ошибки, оставляли (в заключительной части летописи) пустые места для внесения новой информации”, хотя “в некоторых случаях проявляли творческий подход и даже цельность замысла” [41, с. 513, 521]. Это важное замечание в связи с вопросом о том, должно ли всегда искать в изначальном тексте логичность и связность и всегда ли ошибки и противоречия служат показателем вторичности текста или признаком вставок.

Лингвистическая стратификация Н1 кажется в целом удачно решённой задачей (во всяком случае, на настоящем этапе). А. Тимберлейк предложил, используя лингвистический анализ, выделять “интервалы” в Лаврентьевской летописи [38]. Гиппиус позднее обратился к тексту ПВЛ [42–44], сохранившемуся, в отличие от Нвл, в списках, отстоящих на несколько веков от оригинала, переписывавшегося много раз. Но поскольку вслед за Алешковским Гиппиус полагал, что в Киево-Печерском монастыре (в 1090–1110-х годах) велась погодная летопись, то есть ПВЛ — это не только свод, то лингвистическая стратификация, по его мнению, возможна. Со своей стороны Гимон, имея в виду традиционное исследование приёмов работы летописцев, также утверждает (хотя и с оговоркой), что “изучение приёмов работы создателей ПВЛ — довольно благодарная задача, поскольку в части до начала XI в. в Н1мл сохранился текст непосредственного источника ПВЛ — Начального свода (если, конечно, мы признаём эту гипотезу А.А. Шахматова)” [41, с. 516].

Остановимся на наиболее важных положениях этого нового направления. А.А. Гиппиус принял анализ “языковой гетерогенности летописей”, полагая, что “анналистическая природа

летописи”, создаваемой путём постепенного накопления погодных записей, может отражать “постепенность языковой эволюции” [42]. Он сопоставил старые и новые формы аористов от глагола *реши* в ПВЛ и пришёл к выводу, что в основе ПВЛ лежит некий текст (первоначальное ядро), созданный в первой половине XI в. Таким образом, на совершенно новом основании Гиппиус подкрепил наиболее спорную концепцию Шахматова о составлении Древнейшего свода в первой половине XI в., хотя структуру этого первоначального ядра ПВЛ он видит иначе, чем Шахматов. Новый метод, по Гиппиусу, должен работать в сочетании с традиционными приёмами текстологии. Поэтому, кроме материала языка, вслед за Шахматовым Гиппиус привлёк в качестве аргументов результаты анализа “содержательных противоречий, нарушений последовательности изложения, грамматической и смысловой связности текста”. Полученные при анализе употребления форм аориста от *реши* указания на вставки в первоначальный текст, по его мнению, подкрепляются обнаружением дублирований и нарушений связности изложения, определяемых традиционными способами. Поэтому Гиппиус считает доказанными следующие положения: подтверждается гипотеза Шахматова об отражении в Н1мл более древнего, чем ПВЛ, текста, то есть гипотеза о Нсв; в основе ПВЛ и свода 1090-х годов (Нсв) лежал текст, не разделённый по годам — первоначальное ядро ПВЛ, обросшее более поздними напластованиями, разграничиваемыми лингвистически. Его восстановление — “текстологическая необходимость”, без которой нельзя понять многие особенности текста ПВЛ. Что касается уточнённой датировки этого ядра, то Гиппиус предположил даже, что поскольку его текст распространяется не далее крещения Руси, это “позволяет не исключать возможности появления его ещё в княжение Владимира”.

Итак, предложен новый метод, претендующий на разрешение многих старых проблем в истории текста ПВЛ. Нельзя не признать, что со времён А.А. Шахматова это самый весомый вклад в исследование начала летописания. Он сделан тогда, когда в этой сфере (начиная со второй половины XX в.) наблюдалась определённая стагнация, особенно заметная на фоне серьёзных успехов в исследовании летописания XIV–XVI вв., постоянно дающего новые результаты, на что уже обратил внимание С.Я. Сендерович. Появление работ А.А. Гиппиуса вывело дискуссию на новый уровень и, безусловно, многократно оживило интерес к проблеме. Однако это же оживление привело к появлению альтернативных объяснений и критики со стороны оппонентов.

В наиболее определённой форме результаты лингвотекстологической стратификации ПВЛ, предложенной А.А. Гиппиусом, подвергла крити-

ке О.Б. Страхова [45]. Она отвергла не только конкретные результаты этого исследования, но и сам принцип подобной стратификации, уподобив его присущей учёным XVI–XVII вв. практике объяснения поздними вставками тех языковых элементов, “которые по тем или иным причинам не подходят исследователю”. Взамен предложено признать появление “разновременных и разнородных языковых признаков в пределах одного памятника, особенно такого, который принадлежит *открытой* рукописной традиции”, специфическим явлением текста, а “не явлением языка”, поскольку “здесь мы имеем дело с накоплением языковых характеристик в течение длительной, часто многовековой, переписки памятника”. По мнению Страховой, прямое перенесение выводов истории языка на материал более сложный, то есть материал книжности и истории текста, не даёт надёжных результатов. Сосуществование старых и новых языковых форм (в том числе старых и новых форм аориста от *реши*) часто оказывается явлением, которое прослеживается через всю историю развития церковнославянского языка. А поскольку в Киевской Руси XI в. старые формы аористов от *реши* звучали в богослужении, то “история старых и новых форм аористов — это история их бесконечной вариативности” в памятниках письменности, обусловленной самыми разными причинами. По мнению Страховой, распределение старых и новых языковых форм в памятниках летописания не может быть “детерминирующим хронологическим маркером, позволяющим установить время создания памятника”.

Гиппиус посвятил отдельную работу разбору точки зрения Страховой. Он согласился с тем, что сосуществование старых и новых форм аористов от *реши* сложилось гораздо раньше XI в. и не у восточнославянских книжников. Однако, отметив, что это не влияет на предлагаемый им метод выявления интерполяций в тексте ПВЛ, повторил и даже укрепил свои выводы относительно истории её текста [46]. Сложились две определённо сформулированных позиции по отношению к стратификации летописных текстов на основании данных языка. И мы, надеюсь, будем наблюдать продолжение полемики, в которой примут участие лингвисты. Идеи Гиппиуса получили развитие в монографии С.М. Михеева [47; 48, с. 74–79]. Отмечу также статью Л.Ф. Килиной, рассматривающей предложенное Гиппиусом направление и продвигающей ту точку зрения, что “в качестве минимальной единицы лингвотекстологического анализа” должна рассматриваться фраза и что языковые изменения следует рассматривать “в пределах формул, которыми насыщены летописные тексты” [49].

Жаркие споры развернулись вокруг других вопросов истории текста ПВЛ. Отметим две наиболее интересные дискуссии: о Нсв и о редакциях

ПВЛ. Участники обнаружили незаурядное остроумие и открытость для новых взглядов на летописание. Не имея возможности подробно рассматривать все аргументы сторон, обозначу их позиции. Хотя схема древнейшего летописания Шахматова целиком никем, кроме М.Д. Присёлкова, не была принята, гипотеза о Нсв как общем источнике ПВЛ и Н1мл считалась в XX в. не опровергнутой. Более того, признавалось, что она получила новое подкрепление со стороны О.В. Творогова [50, с. 99–113; 51, с. 3–26]. Гиппиус выступает сторонником существования Нсв и метода Шахматова в целом, хотя и дополняет его собственными приёмами, а гипотезу Шахматова о Нсв. принимает лишь в её главном положении. Ранее сомнения в существовании Нсв высказывали многие учёные, относительно недавно к ним присоединился Д. Островский [52–54], но главным оппонентом гипотезы о Нсв в этом вопросе сейчас выступает киевская исследовательница Т.Л. Вилкул. Она отвергает идею Гиппиуса о том, что гипотеза Шахматова о Нсв текстологически необходима, и предлагает другие объяснения истории и структуры текста ПВЛ без предложенных Шахматовым решений. Вилкул не согласна, что в Н1мл отражён более ранний текст, чем в ПВЛ, полагая, что до статьи 1016 г. Н1мл воспроизводит текст ПВЛ, а после этого — текст Син. [55–61]. В последнее время скепсис по поводу Нсв вызывает положительные отклики [62], но пока проблема не может оцениваться как решённая. И гипотеза Шахматова, и построения его противников в вопросе о Нсв — результат исследований; аргументы нужно ещё подробно анализировать и разбирать. В настоящее время точка не поставлена, несмотря на то, что пока последнее слово за скептиками. Что касается более ранних, чем Нсв, источников ПВЛ, то это по-прежнему наиболее гипотетичное звено схемы. Гиппиус уверенно пишет об их наличии, хотя и здесь он иначе, чем Шахматов, смотрит на изначальное “ядро” ПВЛ и его последующую трансформацию [44; 63, с. 98–112].

Относительно редакций ПВЛ А.А. Шахматов несколько раз менял свою позицию, но в целом, выделял их три: первоначальная редакция, редакция Сильвестра 1116 г., в основном отражённая в Лаврентьевском списке и сходных, и редакция 1118 г., связанная с князем Мстиславом Владимировичем, в основном отражённая в Ипатьевском списке и сходных (Шахматов предполагал взаимное влияние второй и третьей редакций в сохранившихся списках ПВЛ). Критику этого построения начал ещё В.М. Истрин, а затем от третьей редакции ПВЛ предложили отказаться Л. Мюллер и О.В. Творогов [64, с. 225, 226; 65, с. 173–186; 66, с. 203–209; 67]. А.А. Гиппиус пересмотрел проблему, вернувшись к гипотезе о третьей редакции, хотя и видоизменил частично шахматовскую схему редакций ПВЛ, приняв некоторые аргументы

её критиков [68, 69]. В частности, Гиппиус полагает, что контаминированность всех сохранившихся списков ПВЛ Шахматов преувеличил, хотя, безусловно, этим отличается Радзивилловский список. К тому же Гиппиус пошёл дальше Шахматова в определении летописных слоёв ПВЛ, принадлежащих третьей редакции. Его аргументы повлияли на Л. Мюллера, принявшего их и пересмотревшего свою предыдущую точку зрения [70]. Число скептиков тем не менее росло: к ним присоединились И.Н. Данилевский и А.П. Толочко [71, 72]. После выхода работ последних А.А. Гиппиус заново проанализировал летописную статью 1096 г., трактовка которой служит одним из главных оснований в данной полемике, рассмотрел аргументы оппонентов и подтвердил собственный взгляд о верности в целом гипотезы Шахматова, но затем последовала статья Вилкул, занимающей скептическую позицию и по этому вопросу [73, с. 251–264; 74].

Можно привести примеры и других споров относительно истории текста раннего летописания. Но разница подходов, как кажется, уже определена. Представители всех обозначенных выше направлений будут, по-видимому, искать новые аргументы для подтверждения своих гипотез. И это значит, что ПВЛ, Н1 и другим памятникам раннего летописания сегодня необыкновенно повезло. Сто лет назад, когда появились работы Шахматова, у него не оказалось достойного оппонента (возможно, за исключением Истрина), который разбирал бы и проверял все его построения по началу летописания. Многими современниками они принимались на веру. Но сегодня мы оказались свидетелями активной научной полемики, в ходе которой участники подробно взвешивают аргументы друг друга, и, что особенно важно, такие споры ведут представители разных школ, наук и стран. Это всегда идёт на пользу памятникам.

Сейчас, когда столь большую активность в изучении летописания демонстрируют лингвисты, важно чтобы свои методы исследования предложили историки и литературоведы. Необходимо продолжать накопление материала, позволяющего ответить на ряд вопросов. Как быть с особенностями летописания как жанра, его поэтики, о которой писали Д.С. Лихачёв, О.В. Творогов и другие авторы? Как учитывать при расслоении текста летописи тот факт, что летописцы использовали старые конструкции, заменяя имена и названия, приспосабливая под свои нужды готовые штампы, находившиеся в их распоряжении? Важно также понять, можно ли богатый материал более позднего летописания использовать для ответа на эти и другие вопросы в отношении летописания раннего? В какой мере компилятивность есть черта древнерусской культуры в целом,

а может быть, и любой средневековой культуры и как это влияет на подходы к летописанию?

Не следует также забывать, что знание о структуре раннего летописания, его первых этапах, ядре и позднейших напластованиях — это не самоцель и не последнее, что мы хотим получить в результате научного исследования. Вопрос, поставленный когда-то ещё Й. Добровским, остаётся в силе, что показала, в частности, книга А.П. Толочко. Как мы должны воспринимать наши ранние летописи в плане информации, которую они несут? Неслучайно споры о природе политической власти и социальной структуры Древней Руси продолжают до сих пор и идут они не менее остро, чем дискуссии вокруг истории текста древнейших летописей.

Наконец, хочется напомнить, что речь должна идти не только о научных изысканиях как таковых. А.А. Гиппиус, например, убедительно показал, что существующие переводы ПВЛ на современный русский язык несовершенны и нуждаются в уточнении [43]. До сих пор у нас нет критического издания ПВЛ с подробным научным комментарием. Комментирование не было заложено в традицию публикации летописей в Полном собрании русских летописей. Долгие годы роль такого издания исполняла двухтомная публикация ПВЛ в серии “Литературные памятники”, подготовленная Д.С. Лихачёвым под редакцией В.П. Адриановой-Перетц почти 70 лет назад [75]. Недавно появилось ещё одно издание ПВЛ [76]. При некоторых явных его недостатках [77], идущих от того, что привлечённых сил оказалось недостаточно для такой грандиозной работы, это пока единственная современная попытка комментированного издания ПВЛ, и многие из примечаний, например, написанные А.Г. Бобровым, представляются важным вкладом в исследование памятника.

Думаю, что накопленный материал позволяет приступить к академическому изданию ПВЛ с привлечением для написания подробных комментариев лучших сил из разных областей науки: лингвистов, текстологов, историков, историографов, археологов и искусствоведов. Только большому и разностороннему научному коллективу под силу поднять эту работу. В дальнейшем того же заслуживают другие летописные памятники. Представляется, что комментарии могут отражать все (или хотя бы основные) накопившиеся за несколько столетий точки зрения по поводу каждого из чтений летописи, и, возможно, в этом смысле полезно изучить примеры комментирования в академических изданиях памятников права — “Правды Русской” и общерусских судебных под редакцией Б.Д. Грекова [78, 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Ч. 2. М.: Тип. Грачёва и К°, 1873.
2. *Аристов В.Ю.* Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция. Киев: Laurus, 2018.
3. *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
4. *Нестор.* Русские летописи на древнеславянском языке, сличённые, переведённые и объяснённые Августом Лудовиком Шлёцером. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1809.
5. *Умбрашко Е.В.* Исторические труды Б.Г. Нибура в творчестве Н.А. Полевого и “скептической школы” // История и историк. 2002. № 1. С. 245–263.
6. *Погодин М.П.* Нестор, историко-критические рассуждения о начале русских летописей. М.: Университетская типография, 1839.
7. *Погодин М.П.* Обзорение Несторовой летописи по источникам // Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. Т. 1. М.: Университетская типография, 1846.
8. *Погодин М.П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874.
9. *Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб: Laurus, 2015.
10. *Лурье Я.С.* Схема истории летописания А.А. Шахматова и М.Д. Присёлкова и задачи дальнейшего исследования летописей // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 44. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1990.
11. *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1999.
12. *Вовина-Лебедева В.Г.* К. Лахман и А.А. Шахматов // Canadian-American Slavic Studies. 2016. V. 50. № 1. P. 26–40.
13. *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
14. *Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 г. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
15. *Ерёмин И.П.* Повесть временных лет: Проблемы её историко-литературного изучения. Л.: Изд-во и тип. изд-ва Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946.
16. *Ерёмин И.П.* Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л.: Наука, 1966.
17. *Сендерович С.Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. Ч. 2. М.: Языки русской культуры, 2000.

18. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект Пресс, 2004.
19. Данилевский И.Н. Историческая текстология. Учебное пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
20. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 20. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1964.
21. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в "Повести временных лет" // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1962.
22. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
23. Ранчин А.М., Лаушкин А.В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 125–137.
24. Данилевский И.Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1993. № 5. С. 101–110.
25. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.
26. Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
27. Müller J. Altrussische Geschichte nach Nestor: Mit Rücksicht auf Schlözers Russische Annalen, die hier berichtigt, ergänzt und verm. werden / Von Joseph Müller. Josef Dobrowsky [Mitarb.]. Berlin: Maurer, 1812.
28. Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 4. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868.
29. Вовина-Лебедева В.Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 4. С. 3–12.
30. Вовина-Лебедева В.Г. А.А. Шахматов и "русские младограмматики" // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006.
31. Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011.
32. Лихачёв Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194–203.
33. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977.
34. Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Из истории создания и редакционной переработки. М.: Изд-во МГУ, 2015.
35. Гиппиус А.А. Из истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. № 6(16). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
36. Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999.
37. Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и её авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М.: Древлехранилище, 2006.
38. Timberlake A. Who wrote the Laurentian Chronicle? (1177–1203) // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2000. Bd. 59. H. 2. S. 237–265.
39. Шахматов А.А. Избранная переписка. В 3-х томах. Т. 1. Переписка с Ф.Ф. Фортунатовым, В.Н. Перетцем, В.М. Истриным. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
40. Коняевская Е.Л. "Южнорусские" статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // Новгородский исторический сборник. Вып. 11(21). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
41. Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
42. Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игорев. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. V. 25. № 2. P. 147–181.
43. Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции "Повести временных лет" // Russian Linguistics. 2002. V. 26. № 1. P. 63–126.
44. Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вестник литер. К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006.
45. Страхова О.Б. "Рекоша дружина Игорев...". К статье А.А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Palaeoslavica. 2008. V. XVI. № 2. P. 248–287.
46. Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игорев-3. Ответ О.Б. Страховой (Ещё раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. 2009. V. XVII. № 2. P. 248–287.
47. Михеев С.М. Кто писал "Повесть временных лет"? М.: Индрик, 2011.
48. Добровольский Д.А., Михеев С.М. Компьютерные алгоритмы лингвотекстологической стратификации Повести временных лет // Информационные технологии и письменное наследие. Материалы международной научной конференции. Уфа. 28–31 октября 2010 г. Уфа; Ижевск: Ижевский гос. технический ун-т, 2010.
49. Килина Л.Ф. Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 2. С. 9–12.
50. Творогов О.В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1974.

51. *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1976.
52. *Ostrowski D.* The Načal'nyj svod theory and The Povest' vremennykh let // Russian Linguistics. 2007. V. 31. № 3. P. 269–308.
53. *Gippius A.A.* Reconstructing the original of the Povest' vremennykh let: a contribution to the debate. К реконструкции оригинала Повести временных лет: продолжение дискуссии // Russian Linguistics. 2014. V. 38. № 3. P. 341–366.
54. *Ostrowski D.* Textual Criticism and the Povest' vremennykh let: Some Theoretical Considerations // Harvard Ukrainian Studies. 1981. V. 5. № 1. P. 11–31.
55. *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського київського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015.
56. *Вилкул Т.Л.* Новгородская летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. 2003. V. XI. P. 5–35.
57. *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. 2007. V. XV. № 2. P. 56–16.
58. *Вилкул Т.Л.* Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о “раздѣлении языкъ” // Ruthenica. 2007. VI. С. 37–85.
59. *Вилкул Т.Л.* Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2(56). С. 11–20.
60. *Вилкул Т.Л.* Об источниках статьи 6428 года Новгородской первой летописи младшего извода о походе руси на Константинополь // Русская литература. 2015. № 2. С. 114–131.
61. *Вилкул Т.Л.* О хронографических источниках Повести временных лет и времени появления древнерусских хронографов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
62. *Isoaho Mari.* Shakhmatov's Legacy and the Chronicles of Kievan Rus' // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. V. 19. № 3. P. 637–648.
63. *Timberlake A.* “Не преступати предѣла братня”: The entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вестник литер. К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006.
64. *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 27. Л.: Б. и., 1924.
65. *Müller L.* Die “dritte Redaction” der sogenannten Nestorchronic // Festschrift für Margarete Woltner zum siebzigsten Geburtstag. Heidelberg: Carl Winter, 1967.
66. *Творогов О.В.* Существовала ли третья редакция “Повести временных лет”? // Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997.
67. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 196–218.
68. *Гуннуис А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
69. *Гуннуис А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 3. С. 3–23.
70. *Müller L.* Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3(33). С. 86–99.
71. *Данилевский И.Н.* “Сии 4 лѣта”: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. № 9. С. 7–17.
72. *Толочко А.П.* «Слышахомъ преже трѣи лѣтъ» // Ruthenica. 2011. № 10. С. 224–228.
73. *Гуннуис А.А.* Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-История, 2015.
74. *Вилкул Т.Л.* “Преже сихъ 4 лѣтъ” 1096 г. Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя Повести временных лет // Palaeoslavica. 2017. V. XXV. № 2. P. 229–247.
75. Повесть временных лет. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
76. Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012.
77. *Вовина-Лебедева В.Г., Лесман Ю.М.* Двести лет после Шлёцера... (К выходу нового комментированного издания “Повести временных лет”) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2(56). С. 114–126.
78. Правда Русская. Т. 2. Комментарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
79. Судебники XV–XVI веков / Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО¹

© 2020 г. Н. М. Рогожин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: nmrogozhin@gmail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье приведены результаты исследования актов и делопроизводства системы центрального государственного управления России XVI–XVII вв. Автор показывает, что в силу большой территории, многоэтничности, поликонфессиональности России сильная централизованная власть является неизбежным фактором её существования. В свою очередь XVII век стал временем выбора и последней попытки восстановления нарушенной в эпоху Ивана Грозного *симфонии, совместного делания* государства и церкви.

Ключевые слова: государство, религиозная вера, сильные централизованная власть и управление, царские судебники, Соборное уложение 1649 г., Стоглавый собор, Смуты, Земской собор, крепостное право, восстания, абсолютизм.

DOI: 10.31857/S0869587320090054

Государство занимало и занимает особое место в истории России. В поисках национальной идеи, объединяющей российских граждан в связи с празднованием — в Год российской истории — 1150-летия зарождения российской государственности, следует обратиться к самому понятию государственности. Её можно определить как исторически сложившуюся систему представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственно-го управления.

¹ Статья перепечатывается из сборника “Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.)”. М., 2013. С. 72–79.

РОГОЖИН Николай Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

В обществе эти представления существуют в различных формах:

- в поведении и исторической памяти людей,
- в комплексе социально-психологических представлений о власти,
- в научных исследованиях по истории, праву и экономике государства.

Важнейшим фактором формирования национального менталитета и самосознания, также отражающимся на государственности, была и остаётся религиозная вера: “каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями...” (Г.П. Федотов).

Россия на протяжении столетий вырабатывала свои собственные компенсационные и адаптирующие механизмы, призванные обеспечивать устойчивое развитие общества. Следует сразу отметить, что взаимоотношения власти и “народа” или общества отличаются спецификой для каждого исторического периода. Отличительная черта России в том, что её государственность выросла на основе расширения и перераспределения земельной собственности, а не товарно-денежных отношений. Природно-географический фактор во многом определил важную особенность — “государственный феодализм” в России, где был

только один сеньор — государство и один вассал — народ [1].

Земля — наше основное богатство, и расширение территории России — это прежде всего заслуга и результат формирования и развития государственности. Бескрайняя равнина и открытость границ; опасность вторжений с Запада и Востока; необходимость отвоёвывать выходы к морям приводили к традиционной милитаризованности общества. Только сильная централизованная власть и управление могли преодолеть эти трудности.

Киевская Русь, феодальная раздробленность, период Ордынского нашествия — это самостоятельные цивилизационные пласты истории нашего Отечества, из которых выросла государственность России XVI–XVII веков и формировались взаимоотношения власти и общества. По меткому определению Бориса Андреевича Успенского, великий князь “территориально... оказывается преемником татарского хана, а семиотически — греческого императора” [2, с. 184–185]. Борьба за национальное и религиозное выживание объясняет форсированную централизацию Русского государства, при которой в обществе уже не было места независимости и свободе.

В XIII веке стольный город Владимир успел побывать под властью 10-ти князей, в XIV столетии великое княжение доставалось 11-ти князьям, а весь XV век укладывается в княжения трёх великих князей: Василия I Дмитриевича (1389–1425), Василия II Васильевича Тёмного (1425–1462) и Ивана III Васильевича (1462–1505). Росло также значение великокняжеской канцелярии: за годы феодальной войны 1430–1453 годов в архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилось 39 грамот Василия Тёмного, из них боярские подписи имели место лишь на пяти. Прочие, по предположению Ю.Г. Алексеева, писались княжескими дьяками. Когда Иван III начинал княжить, его земли почти полностью были окружены самостоятельными русскими владениями. В конце княжения он имел лишь иноплеменных и иноверных соседей. И если в середине XV в. его политика была удельной, то в конце столетия она становится национальной.

Принципиально новая, централизаторская политика великокняжеской власти идеологически облекалась в форму борьбы не за новое, а за “хорошо забытое старое”. Стремлением подчеркнуть взаимосвязь и преемственность власти московских князей и государей домонгольского периода было продиктовано не только возвращение исконных земель, но и строительство в 1472 г. нового Успенского собора в Москве. За образец был взят собор Успения Богородицы во Владимире, возведённый при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо [3, с. 155; 4, с. 178]. В 1478 г., после включения Новгорода в состав Московско-

го государства, к присяге было приведено всё население Новгородской земли — “от мала и до велика” [4, с. 248]. Без разницы между боярином и холопом: с высоты царского положения все категории населения были в равной степени его холопами.

В ответ на предложение германского императора Фридриха III пожаловать Ивану III королевский титул великий князь поведal: “...а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим” [5, с. 214]. В том же духе рассуждал о своей власти государь в 1502 г., лишив прав на престол своего внука Дмитрия и заменив его сыном Василием: “Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение!” Идеалом верховной власти становился правитель, наводящий в стране порядок, пусть даже и жестокими средствами.

Как известно, развитие государства проявляется и в развитии правотворчества. На Москве первыми попытками кодификации общегосударственного права можно считать царские судебники и, конечно, Соборное уложение 1649 г. Источниками Первого царского судебника 1497 г. были обычное право, уставные грамоты и практика государственного делопроизводства московских приказов. Документ содержал постановления о суде центральном и местном, статьи по гражданскому праву и процессу. Существенно, что судебник 1497 г. отразил один из ведущих процессов формирования государства — оформление крепостного права. Документ ограничил права перехода крестьян от одного помещика к другому неделей до Юрьева дня осеннего и неделей после него.

Время правления Ивана III Васильевича стало переломным в отечественной истории. При нём начал складываться новый государственный порядок, окончательно оформившийся при его внуке Иване IV Васильевиче (Грозном). Более того, Иван III заложил сохранявшиеся вплоть до Петра I главные параметры имперской государственности: сословных структур, устройства центральных и местных органов власти (в частности приказов [6]), поземельного строя и организации армии, административного деления и судебных инстанций [3, с. 166; 4, с. 55–57, 202, 203]. Подчеркну, что именно имперской, поскольку российская империя — это крупное централизованное государство, отличающееся полиэтничностью, поликонфессиональностью, неравномерностью социально-экономического развития отдельных частей своей территории, включающее в свой состав ранее независимые государственные образования и стремящееся проводить имперскую политику.

Отметим, что идея централизации, объединение территории страны под сильной властью од-

ного государя не была в XV столетии исключительно русской проблемой. Аналогичные процессы протекали тогда практически во всей Европе (Франции, Испании, Англии, среди германских императоров). Например, во Франции начала XV в. разворачивались ожесточённые бои двух феодальных группировок — Бургиньонов и Арманьяков (и всё это на фоне поражений в войне с Англией). “Собирание земель” во Франции в общих чертах завершилось лишь при современнике Ивана III короле Людовике XI (1461–1483) в результате его ожесточённой борьбы с герцогом Бургундии Карлом Смелым. Англия после поражения в Столетней войне (1337–1453) оказалась ввергнута в феодальную войну Алой и Белой Розы (1455–1485). Вооружённая борьба аристократических кланов Англии (Ланкастеров и Йорков) по накалу страстей не уступала аналогичной феодальной войне в Московском княжестве (1430–1453). Испания объединилась в единое государство (1479) только в результате династического брака короля Фердинанда Арагонского и королевы Изабеллы Кастильской; полное же освобождение Пиренейского полуострова от мавров последовало лишь в 1492 г. Объединительные усилия германских императоров потерпели крах уже в конце XIV века. Ордынское нашествие никоим образом не задержало Русь на этом пути. Можно утверждать, что централизаторские идеи на Руси развивались в контексте общеевропейского развития. Незадолго до своей смерти Иван III составил духовную грамоту, согласно которой его владения были распределены между пятью сыновьями. Львиная доля наследства вместе с верховной властью, однако, досталась старшему — Василию Ивановичу, территории и права удельных князей оказались небольшими [3, с. 161, 163, 164, 168].

Идеи централизации нашли своё отражение и в русской православной церкви. Во второй половине XV века нарушается её единство, и появляются ереси. В рамках ортодоксального православия выделилось два течения — “нестяжатели” и “иосифляне”. “Ничего не имея против вмешательства князя в дела церкви, открывая даже этому вмешательству широкий простор, Иосиф Волоцкий получил покровительство власти в самом насущном для церкви его времени вопросе: в вопросе о монастырских имуществах” [7, с. 37]. Церковный собор 1503 года разрешил спор между “нестяжателями” и “иосифлянами” в пользу последних [8, с. 452–454]. Этим, по сути, была predetermined дальнейшая судьба русской православной церкви.

Повышению авторитета власти московского государя способствовал заключённый при посредничестве римского папы брак (1472) Ивана III с византийской принцессой Зоей (Софьей) Палеолог (племянницей двух последних византийских

императоров — Иоанна и Константина, дочерью Амореяского деспота Фомы). Этот брак позволял воспринимать Ивана Васильевича в качестве наследника павшей в 1453 г. Византийской империи, давал дополнительные основания к принятию царского титула и способствовал дальнейшему оформлению теории “Москва — третий Рим”, которой суждено было стать стержнем идейной жизни в Московском государстве вплоть до завершения XVII века. Кроме того, брак способствовал налаживанию контактов с Европой. Начиная с 70–80-х годов XV столетия, московский великий князь при осуществлении дипломатических и торговых контактов с Ливонским орденом и городами Нарвой, Ревелем и Любеком добавляет слово “царь” в свой титул [4, с. 190, 230; 7, с. 34].

В отличие от ситуации в Европе, в России централизация совмещалась с борьбой за национальную независимость, которую надо было вести “на три фронта” (Орда, немцы, Литва). Важнейшим этапом в становлении российской государственности следует признать эпоху Ивана Грозного — в связи с первым в истории России венчанием самого Ивана Васильевича на царство, присоединением ранее независимых татарских ханств (Казанского, Астраханского, Сибирского). Форсированная централизация опиралась на военную силу и военные методы управления и, естественно, сопровождалась насилием. Отсюда происходили деспотические черты во власти московских государей, жёсткость, волюнтаризм, всё отчетливее проявлявшиеся по мере возвышения Москвы. В наибольшей степени от злоупотреблений страдали народные массы, и в стране нарастало недовольство. Массовый характер приобретает уход крестьян и горожан на окраины, в места большей независимости или полной свободы от феодального и государственного гнёта; в лесах возле городов и больших дорог собираются разбойничьи ватаги, которые грабят и убивают феодалов. Высшим проявлением борьбы того времени было восстание московских горожан (1547), события которого потрясли Ивана Грозного. Позднее он вспоминал: “От сего убо вниде страх в душу мою, и трепет в кости моа, и смирися дух мой” [9, с. 39].

В 1550 г. был принят основной законодательный акт периода формирования в России сословно-представительной монархии — новый Судебник. Созданный в обстановке обострения классово-внутриклассовых противоречий, он был призван укрепить феодальный правопорядок и способствовать сплочению сил господствующего класса. Документ усилил роль центральных органов и приказной бюрократии в системе управления, повысил их авторитет в глазах населения. Суровые меры наказания вводились за преступления против феодального государства, за убий-

ство господ, за покушение на феодальную собственность и т.п. Постановлениями, относящимися к организации местных органов власти, подготавливалось введение земского управления. Заботясь о правах феодалов на землю, Судебник укреплял их права на крестьян и холопов [10]. Предусматривались меры по защите интересов дворянства, признавалась монополия посадских людей на занятия торговлей и ремеслом, упорядочивалось налоговое обложение.

Вопрос о возможных путях развития Русского государства был в основном решён к середине XVI столетия. Борьба Стоглавого собора со всеми проявлениями свободомыслия, укрепление дворянской администрации в годы “Избранной рады” — всё это показывало, что развитие Московской Руси уже двинулось к опричной диктатуре. Думается, что опричина — это форсированная централизация без достаточных экономических и социальных предпосылок, когда свою реальную слабость власть пытается компенсировать террором, заменить им длительную и сложную работу по созданию государственного аппарата. Объективно опричина на самом деле способствовала централизации, что было необходимо, учитывая сложные отношения с некоторыми соседями. Уместно при этом вспомнить, что когда войско Петра I после победы в Северной войне торжественно вступало в столицу, на триумфальной арке были изображены Иван Грозный и Пётр Великий, а также символические надписи: “Он начал, я завершил”.

Но не будем забывать, что разворот монаршей власти к неприкрытой воинственности поставил Русь в очень тяжёлое положение. Державность утверждалась массовым внутренним террором, агрессивными внешними войнами, разорением и обнищанием народа, а последовали за этим тяжелейший экономический кризис и распад власти. В 1581 г. отменен Юрьев день и введены “заповедные” 1581 г. и “урочные” 1597 г. лета. Показателен в этом отношении конфликт между церковью и государством, который нашёл своё драматическое выражение в противостоянии царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа Колычева. Самодержавные идеи Ивана Грозного утверждали богоустановленность и безграничность царской власти. Своим подвигом Филипп показал, что государство в лице царя Ивана IV Грозного должно подчиняться высшему началу.

Следует отметить, что Годунов — первый выборный царь на Руси. Для российского общества это был один из начальных опытов демократии. Вопрос об ограничении царской власти рассматривался в договоре от 4 февраля 1610 г. об избрании на русский престол польского королевича Владислава, — договоре, фактически ставшем первым в истории России конституционным проектом.

“Бунташный” XVII век начинался тяжелейшим кризисом. Смута и последовавшие за ней события показали, что государство никогда не смогло бы выстоять без поддержки народа. С другой стороны, народ также постоянно искал защиты и покровительства со стороны государства, которое персонифицировалось для него в фигуре государя. Менялись цари, разные части страны и даже соседние города одновременно признавали власть разных государей, происходили крестьянские волнения и восстания. Самый тяжёлый момент Смуты, в частности, по отзывам современников — это период “междоусобия”, когда московский престол оставался свободным. Этот период в документах начала XVII столетия именовался “безгосударным временем”. По наблюдениям В.О. Ключевского, из Смуты “народ вышел гораздо впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде, утратил ту политическую выносливость, какой удивлялись в нём иноземные наблюдатели XVI в., был уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства” [11, с. 204]. Под влиянием Смутного времени возникли вопросы о легитимности выбора царя, об объёме и пределах царской власти, о преобразовании государственного строя. Именно в семнадцатом столетии впервые появилась цельная оппозиция государственной идеологии — старообрядчество. Престиж Церкви особенно вырос в эпоху Смуты. Время лихолетья неразрывно связано с именем патриарха Гермогена (1605–1612). Святитель способствовал сохранению национальной независимости, православной веры и общинных традиций русского народа.

Но и Лжедмитрий I не выполнил ничего из обещанного полякам: не дал им ни земель, ни золота. Он искал поддержку в России: разрешил свободный выезд торговых людей за границу, объявил о свободе конфессий, пытался смягчить положение крепостных крестьян и холопов, намеревался собрать выборных представителей от дворянства. Сам ставленник боярской верхушки, он высмеивал чванливую Боярскую думу. Более того, готовил армию для войны за русские территории с Крымом. Но внешнеполитические претензии Речи Посполитой и Швеции, интересы боярских, дворянских и дьяческих кругов, православного духовенства были выше попыток демократизации власти. Важно, что именно гражданская, зажиточная Россия сделала ставку на патристическое возрождение государственности. Не из бунтующих лихих людей, а из крепкой середины, из нижегородских ремесленных и торговых слоёв вышли основные силы, выступившие за порядок и возрождение. Практически весь XVII век ушёл на ликвидацию последствий Смуты.

Романовым в XVII столетии не приходилось прибегать к таким исключительным формам террора, какие избирал Иван IV, но память о Гроз-

ном царе была жива, что облегчало его преемникам задачу укрепления самодержавной власти. Власть прекрасно понимала, что только в своём самодержавном выражении она способна сохранить территориальное единство России. XVII век — это не утраченные возможности, это время нового исторического выбора дальнейших путей развития государства. Именно тогда решался вопрос о том, какой будет будущая Россия. Русские люди оказались перед проблемой выбора государя. Столь важный вопрос, по представлениям русских людей, не мог решаться иначе, чем *всей землёй*, то есть Земским собором. Для российского общества это был один из первых опытов демократии. Другой проблемой стала альтернатива: самодержавная или ограниченная власть государя. В условиях Смуты оформилось два варианта: соправление царя с Боярской думой (аристократический вариант) или с Земским собором (демократический вариант). В настоящее время наиболее обоснованным является мнение Л.В. Черепнина, который в своём труде перечислил в хронологическом порядке 57 соборов, из них 11 в XVI в. и 46 — в XVII [12]. Однако и Л.В. Черепнин, а также М.Н. Тихомиров, Н.И. Павленко и С.О. Шмидт полагают, что их могло быть и больше. Следует отметить, что правовой статус Земского собора нигде не был оговорён, отсутствовали и чётко оговоренные нормы представительства на соборе. Земские соборы не ограничивали монархическую власть, а, напротив, укрепляли её, придавая решениям царя и царского правительства видимость всенародного одобрения. Следует обратить внимание и на то, что Земской собор выражал не столько мнение отдельных социальных групп, сколько мнение отдельных областей и регионов (земель). Это нашло отражение в его названии — он именно поэтому и именовался “земским”.

Была ещё одна серьёзная проблема — возможность или невозможность проведения реформ, модернизации и европеизации российского общества. Одновременно в сословной борьбе всё большее место занимает идеологическое обоснование абсолютистской тенденции. Поворотным событием стало принятие Соборного уложения — первого печатного кодекса русского права. На земский собор 1648—1649 годов съехались выборные от 116 городов; около 350 участников представляли столичных и провинциальных дворян, приказных чиновников, высшее боярство и духовенство, московский и городские посады, столичные стрельцкие полки. Напечатанные 1200 экземпляров быстро разошлись, и в том же году возникла потребность в переиздании. Российское общество неуклонно развивалось, а правовые документы становились всё более востребованными.

Свод государственных законов отразил возросшую власть самодержавного монарха — охране

жизни, чести, здоровья царя были посвящены специальные статьи. Закреплялось понятие “государственного преступления”, причём не делалось никакого различия между преступлением против государства и против личности государя [13, с. 304, 305; 14, с. 331, 332]. Уложение охраняло права землевладельцев от посягательств *подлого люда* (продумано 60 вариантов применения смертной казни). Вводились законоположения об отмене “урочных лет” и о бессрочном сыске беглых крестьян; о наследственности крепостного состояния; о праве помещика на имущество крестьянина.

Монопольное право владения крестьянами закреплялось за всеми категориями служилых людей *по отечеству*, то есть кадровыми госслужащими (номенклатурой) [13, с. 304, 305]. Узаконено прикрепление посадского населения к посадам и государеву тяглу; санкционирована конфискация частновладельческих слобод на посадах. Это укрепляло позиции торгово-ремесленного населения городов и лишало феодалов возможности оказывать на него давление; преобладающее положение на посаде закреплялось за верхушкой торгового и промышленного населения [10]. Но главное, что Соборное уложение, по сути, завершило создание государственной системы крепостного права.

В 1661 г. патриарх Никон писал: “Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы — все обложены данями тяжкими...” [11, с. 343]. Закономерно, что середина века ознаменовалась целой серией городских восстаний — Соляной бунт 1648 г., проявившийся в 8 городах; Медный бунт 1662 г. в Москве; Псковско-Новгородское восстание 1650 г.; восстание Степана Разина 1670—1671 гг.; наконец, “Хованщина” 1682 г. и стрельцкие выступления за два года до наступления нового века. К этому следует добавить смятение в умах, вызванное расколом русской православной церкви и многочисленными войнами. Подчёркнём: в ходе всех восстаний XVII в. народ никогда не выступал против царя. Исключением стал период Смуты, когда широкие народные массы поднимались против царя под знамёнами самозванцев. Однако и в этом случае для восставших самозванец был законным царём, а московский государь — узурпатором. Характерно, что в кризисных ситуациях народ напрямую обращался со своими просьбами к царю. Практику личного приёма челобитных установил в 1605 г. Лжедмитрий I (1605—1606); в 1648 и 1662 годах восставшие москвичи приходили со своими требованиями к царю Алексею Михайловичу (1645—1676). Во время Медного бунта они даже скрепляли рукопожатием достигнутую договорённость с царём. Правда, вскоре после этого царь отдал приказ о жестоком подавлении восстания. Но сам факт “удара по рукам” царя и

простолюдина демонстрирует наличие в народном сознании определённого представления о неразрывной связи власти и народа. Важнейшим происшествием в жизни страны власти пытались придать видимость общего, всенародного дела. Например, свержение и убийство Лжедмитрия дипломатия Василия Шуйского объяснила следующим образом: узнав о еретичестве и самозванстве расстриги, его, “осудя истинным судом, всенародное множество Московского государства убили” [15, л. 89, 89 об.]. Примечательно, что народ начал ощущать ответственность за судьбу государства. Так, Авраамий Палицын главной причиной трагедии начала столетия считал “премногие и тьмочисленные грехи”, “безумное молчание всего мира”, спокойно взиравшего на преступления властей [16, с. 105].

XVII век также стал временем последней попытки восстановления нарушенной в эпоху Ивана Грозного *симфонии, совместного делания* государства и церкви. События начала века показали, что единственный залог выживания православия – защита со стороны государства, в свою очередь, государство не сможет устоять перед внешним натиском без поддержки церкви. Результатом осознания неразрывности связей церкви и государства стало складывание идеи *православного царства* на пути “Москва – Новый Иерусалим”. Однако расхождение в вопросе о главенстве между светской и духовной властями породило противостояние двух тенденций, что привело к торжеству третьего направления – абсолютизма. Это направление полностью отразилось в империи Петра I, где церковь и все сословия были поставлены в полную зависимость от государства.

Первопреемство верховной власти России в виде самодержавия, абсолютизма и империи – это три ипостаси того явления, которое мы обозначаем русской монархией, составляющей суть нашей имперской государственности. В то же время история показывает, что взаимоотношения власти и общества в процессе эволюции должны совершенствоваться от бунтов к созданию органов народовластия и парламентских форм правления.

* * *

Россия – страна с более чем тысячелетней историей. Эта история, как и история любой великой страны, содержит в себе и времена подъёмов, и периоды кризисов. Войны, иностранные нашествия, внутренние смуты не один раз сотрясали жизнь нашего государства. Не просты были отношения власти и общества. Но верность России, её

культуре, её духовным основаниям, способность объединять вокруг себя другие народы, не подавляя их достоинства, из века в век позволяли преодолевать эти кризисы. Идеи государственности жили в народе российском, были тем компасом, который указывал дорогу вперёд. Изучение эволюции идей российской государственности в общественной мысли России свидетельствует, что необходимо сохранить *связь времён*, мы должны знать свою подлинную историю, извлекать из неё уроки, помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
2. Успенский Б.А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.
3. Назаров В.Д. “Любосоветный самодержец”... // Сахаров А.Н., Назаров В.Д., Боханов А.Н. Подвижники России. М.: Русское слово, 1999.
4. Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992.
5. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: Олма-ПРЕСС, 2004.
6. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
7. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. М.: Прогресс-Культура, 1994.
8. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1. М.: Терра, 1993.
9. Альшиц Д.А. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988.
10. Исаев М.А. История российского государства и права: Учебник. М.: Статут, 2012.
11. Ключевский В.О. Русская история. Кн. 2. М.: Мысль, 1995.
12. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978.
13. Леонтьев А.К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979.
14. Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Право и суд // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 26.
16. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

В.И. ЛЕНИН В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ – УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ¹

© 2020 г. О. В. Волобуев

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

E-mail: volobuevov@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 29.07.2020 г.

В статье проанализированы вышедшие в 1924 г., в год смерти В.И. Ленина, некрологи и статьи современников, которые в разное время были его партнёрами и противниками по революционной деятельности. Отбор литературы как предмета исследования определялся тем, что значительная часть авторов лично знала Ленина и нередко принадлежала к критикам его взглядов и действий. Проведённый анализ позволил выявить, какие черты личности вождя большевиков они считали наиболее значимыми для понимания его политических успехов и неудач, роли в революционных событиях.

Ключевые слова: Ленин, характеристика личности, оценка революционной деятельности.

DOI: 10.31857/S0869587320090066

150 лет отделяет нас от 1870 г., когда родился В.И. Ленин, но споры о месте, роли и значении этой личности в истории России и мира продолжают до сих пор и будут идти далее. Уже в некрологах и других публикациях 1924 г. авторы социалистического направления пытались подвести предварительный итог его деяниям. Почему для нас важны эти суждения и оценки? Потому, что они принадлежат людям, как правило, знавшим Ленина, талантливым публицистам, часто его соратникам, резким полемистам, видным и заметным фигурам социал-демократического и революционно-социалистического движения. По сути, это впечатления, воспоминания, осмыс-

ление “на ходу” ленинских заявлений и поступков. Авторы публикаций высказывали отношение к большевистскому вождю искренне, не боясь последствий. Меншевистские и эсеровские авторы-эмигранты уже пережили репрессии, у Л.Д. Троцкого они были впереди.

В основу данного эссе положены редакционная статья “На смерть Ленина” в заграничном печатном органе меньшевистской партии “Социалистический вестник”; некрологи в эмигрантских изданиях – главного теоретика эсеров В.М. Чернова в еженедельнике “Воля России” (Прага), В.И. Талина в журнале правых меньшевиков “Заря”, М.Л. Слонима в “Революционной России” – печатном органе партии социалистов-революционеров, издававшемся в Праге; фрагментарный очерк Л.Д. Троцкого “О Ленине: материалы для биографа”.

М.Л. Слоним начал статью с актуального и ныне рассуждения о том, что «официальные преувеличения и казённые гиперболы дают такой же скудный материал для “итога”, как и попытка представить Ленина “ничтожнейшим преступником” и столь же преуменьшить его, сколь другие возвеличивают. Объективно судить о Ленине трудно. Это сделают потомки. Современники слишком связаны ненавистью или любовью к ленинскому делу. Мы оцениваем не только личность Ленина, но и всё, что он разрушил, и то, что он сотворил. А здесь субъективизм неизбежен, за-

ВОЛОБУЕВ Олег Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник МГОУ.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2020. № 2. С. 46–55).

конен, быть может, даже полезен» [1, с. 7]. Эти суждения — прекрасный эпиграф ко всей историографической лениниане. Но надежды автора на потомков не оправдались. В советской историографии доминировали “официальные преувеличения и казённые гиперболы”, в постсоветской — негативные установки. Однако не будем впадать в нигилизм: появились и достойные, хотя и не свободные от субъективизма, научные работы. В зарубежной историографии, например, можно выделить публикации английского историка Р. Сервиса [2], а в российской — В.Т. Логина [3, 4].

Обратимся к очерку Л.Д. Троцкого. Эти наско-ро написанные воспоминания состоят из двух частей: первая посвящена “искровскому” периоду начала XX в., вторая — 1917 г. Здесь представляет интерес сопоставление Ленина-искровца и его же, уже большевистского вождя, в апогее 1917 — начала 1918 гг. Эти две биографические точки разделяли полтора десятилетия, охватившие Первую российскую революцию, Первую мировую войну и многолетие партийных “боёв”. Троцкий, в частности, привёл рассказ В.И. Засулич, которая, наблюдая споры Ленина с Г.В. Плехановым о формулировках готовившейся к утверждению программы РСДРП, дала образную характеристику этим социал-демократическим поводам: “Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а Вы бульдог: у Вас мёртвая хватка”. Ленину очень понравилось определение “мёртвая хватка” [5, с. 13]. И Троцкий комментирует: “Засулич выразила чувственное ощущение силы Ленина”. Он не разъяснил, о какой силе речь, но это понятие можно интерпретировать как некую данность качеств вождя. Чуть далее в тексте имеется такая характеристика: “Настойчивая, упорная, попирающая все условности, ни перед чем формальным не останавливающаяся целеустремлённость, которая составляет основную черту Ленина-вождя” [там же, с. 19]. Троцкий делал упор на слово “целеустремлённость”, но можно обратить внимание и на другие определения — “попирающая все условности” и “формальное”.

Л.Д. Троцкий сравнивал Ленина и Ю.О. Мартова “искровского” периода. Ленин, “этот величайший машинист революции не только в политике, но и в теоретических своих работах, и в занятиях философией, и в изучении иностранных языков, и в беседах с людьми был одержим одной и той же идеей — целью”. В отличие от Мартова, жившего сегодняшним днём, его проблемами и заботами, Ленин, “подминая под себя сегодняшний день, врезывал мыслью в завтрашний” [там же, с. 21], “Ленин всегда готовил завтрашний день, утверждая и укрепляя день сегодняшний” [там же, с. 42]. Накануне Первой российской революции он оценивался Троцким так: “Это был

вождь, насквозь целеустремлённый и, думается, окончательно почувствовавший себя вождём, когда он в работе стал бок-о-бок со старшими, учителями и убедился, что он сильнее и нужнее”. Он почувствовал себя способным дать революции “идейную оснастку и организационный аппарат”. Неслучайно Плеханов во время II Съезда РСДРП сказал о нём: “Из такого теста делаются Робеспьеры” [там же, с. 42, 43, 45, 46]. Для Троцкого это высокая положительная оценка, для подавляющего большинства современных историков — сомнительная честь.

В 1917 г. Ленин, по словам Троцкого, “безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию” [там же, с. 55]. Ленинские “формулы выдержали проверку”. Вождь чувствовал “голоса революции” — голоса пробуждающейся массы. Он “несокрушимо верил в то, что масса хочет и может совершить революцию”. Вскользь упомянута и “ненависть Ленина к старой России” [там же, с. 61–64], которая сопрягалась с ненавистью масс (особенно солдатской), что обеспечивало эмоциональную составляющую революции, её энергетический ресурс [6].

Характеризуя взгляды Ленина 1917–1918 гг. в разделе “Правительственная работа”, Троцкий привёл несколько показательных эпизодов. «По инициативе тов. Каменева был отменён введённый Керенским закон о смертной казни для солдат... Ленина при этом ещё не было. Дело происходило, очевидно, до его прибытия в Смольный. Когда он узнал об этом первом законодательном акте, возмущению его не было конца. “Вздор, — повторял он. — Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие ещё есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придаёт значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?”. Каменев пробовал доказывать, что дело идёт лишь об отмене смертной казни... для дезертиров-солдат. Но Ленин был непримирим. Для него было ясно, что за этим декретом скрывается непродуманное отношение к тем невероятным трудностям, которым мы идём навстречу. “Ошибка, — повторял он, — недопустимая слабость, пацифистская иллюзия и пр.” Он предлагал сейчас же отменить этот декрет. Ему возражали, указывая на то, что это произведёт крайне неблагоприятное впечатление. Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов, на этом остановились» [5, с. 101].

Следующий эпизод относится к началу немецкого наступления в феврале 1918 г.: «Мы начали с воззвания. Написанный мною проект — “Социалистическое отечество в опасности” — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние в ка-

честве новобранцев интернационализма смутились заголовком воззвания, Ленин, наоборот, очень одобрил: “Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!” В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы как нарушающей “пафос воззвания”.

— Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?” Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора» [там же, с. 104].

Троцкий отметил “могучий идеализм Ленина, его напряжённую волю, которая на резком повороте двух эпох сжимала этапы и сокращала сроки. Он верил в то, что говорил. И этот фантастический полугодовой срок для социализма представляет собой такую же функцию ленинского духа, как и его реалистический подход к каждой задаче сегодняшнего дня. Глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа” [там же, с. 112, 113]. В этом фрагменте слова о вере Ленина в свои оценки, планы, предначертания сам Троцкий отметил курсивом.

Из очерка можно почерпнуть многое, но выделяю суждения о терроре как необходимом условии для победы в революции. И в этом Ленин реалист, как бывает на войне реалистом полководец, когда расправляется с пленными по тем или иным соображениям. Что касается упомянутых сроков строительства социализма — в кратчайшие исторические сроки, в каких-то полгода, — то в этом проявился его утопизм. Однако Троцкий далёк от того, чтобы критиковать Ленина. Они оба были убеждены, что пламя мировой революции вот-вот охватит земной шар.

Из числа некрологов, написанных деятелями социалистического направления, выделяется статья В.М. Чернова “Ленин”. Это, на мой взгляд, лучшая публикация аналитического характера. Из неё можно извлечь ряд кратких и ёмких оценок личности В.И. Ленина: “самый крупный характер из выдвинутых русскою революцией”; «человек “с истиной в кармане”»; “монотеизм был его слабостью и его силой”; “теоретик классовой борьбы и её апогея — гражданской войны”; “концентрированный волюнтаризм... личности”;

“политический боксёр на арене социальных распрей”; эмпирик, экспериментатор, игрок; “насмешливый, язвительный, цинический ум”; “не фейерверкер слов и образов”, не оратор, но “по-больше оратора”; “плебей по привычкам и натуре” [7, с. 14–16]. Представляется, что эта выборка определений не вызовет существенных возражений ни от идейных противников Ленина, ни от его апологетов. Перечень схватывает многое и достаточно политически корректен. Кто-то может считать неприемлемыми такие выражения, как, например, “игрок” и “цинический ум”, но это не меняет общей цельности композиционной мозаики.

Отталкиваясь от тех или иных определений, В.М. Чернов в ряде случаев разъясняет и обосновывает их, но порой этого не делает. Последнее, видимо, объясняется тем, что есть определения и заключения, которые для его современников были настолько бесспорны, что особого обоснования и не требовали. Кратко изложу положения статьи, в которых автор стремится сделать более рельефным своё понимание личности Ленина.

Почему Ленина можно назвать “некоронованным королём” возглавляемого им движения (похоже, Чернов имеет в виду не партию, а именно движение масс, включавшее партию)? Потому, что он и голова движения, и его воля, и даже его сердце. С одним добавлением: но вот ум у него холодный. И здесь Чернов рассуждает: “В политике есть лишь расчёт. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха... А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики” [там же, с. 14]. И тот, кто это усвоил, может обходиться без сентиментальности, игнорируя все этические нормы и заповеди. Отсюда для Ленина прежде всего революционный долг, рождающий бессердечность даже к себе, не говоря уже о других. Отсюда и извращённость понятия “честного политика”. Честным надо быть перед революционным долгом, а не по отношению к противнику. Ленин переносится “по ту сторону совести” — таков нравственный вердикт автора статьи.

Как и многие другие публицисты, В.М. Чернов выделял “ленинскую волю”: «Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее “отдаёт”, чем сильнее на неё нажимают» [там же]. Следуя рассуждениям и метафорам Чернова, можно сформулировать такой вывод: идеологическое начало, организационный талант и психоволевая природа личности — вот тот сплав, из которого революционные среда и одержимость изваяли “необыкновенную целостность натуры Ленина”.

Заслуживают внимания и такие рассуждения опытного и не раз битого революционными событиями эсеровского политика: “Удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении”. Ленин из тех, кто умел сопротивляться неудачам и не упускать “слепого дара судьбы”. Он изобретательно изыскивал пути к выходу из сложных исторических ситуаций, нащупывал дорогу к успеху. «Он был большим мастером в оценке любой наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в “текущем политическом моменте” всё, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое практическое чутьё в предвидении ближайших его политических последствий». В планировании революционного действия и быстроте реализации замысла Ленин сравнивался с фехтовальщиком. Может показаться, что Чернов восхищался политическим соперником. Возможно, такое чувство и присутствовало, но, может быть, это лишь объективная фиксация тактической гениальности соперника любого из лидеров-конкурентов.

Однако относительно стратегических способностей мнение автора иное: “И с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная беспочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха и всех его программных идей и планов, рассчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху”. Для Чернова “гениальная прозорливость” Ленина – миф: он “не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо”, что приписывалось “его гениальной прозорливости, т.е. как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было” [там же, с. 15]. Понимая, что это утверждение вызовет отрицание, он привёл в качестве примера аграрную программу РСДРП начала XX в. и “похищение” большевиками эсеровской аграрной программы в 1917 г. Другой пример воплощения в жизнь неудачного плана – попытка форсированного строительства социализма. Я в целом солидарен с тезисом о мифологической природе суждений о “гениальной исторической прозорливости Ленина”, однако убеждён в том, что дальнюю историческую перспективу не дано уловить ни одному человеческому уму и ни в какое время. Эпистемологический критицизм ближе к научной истине, чем футурологические прогнозы (вспомним хотя бы сравнительно недавнего пророка-футуролога Ф. Фукуяму с его “концом истории”).

От небольшого экскурса в “карательную экспедицию в область философии” (единственный некролог, в котором упомянут “Материализм и

эмпириокритицизм”) В.М. Чернов перешёл к проблеме идейной диктатуры. Своё отношение он выразил так: Ленин “не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы”. Он был отвержен “чисто азиатской идеей сделать печать, слово, трибуну, даже мысль монополией одной партии, возведённой в ранг управляющей касты”. Но этот “толкователь и перетолкователь” марксистской доктрины в её границах “достигал большой и своеобразной силы”, которая сказывалась “в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать прозрачности всех положений”, “всё конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного”. В его ораторских приёмах – многократной вариации одной и той же мысли, логической нацеленности композиции на конечную цель, напористости и др. – присутствовала ещё и направленность на “наибольшее давление на волевое состояние аудитории” [там же].

Как мыслитель Ленин “не был догматиком по натуре”, но Чернову он чужд. Интеллект большевистского вождя представлялся эсеровскому теоретику лишь инструментом, подобно топору мастера в деревянном зодчестве. Он «влюблялся не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной “игры”, где надо поймать момент и сорвать ва-банк» [там же, с. 16]. Ленин был опасен в “своей маниакальной сосредоточенности” на революции. И Чернов сравнивает его с “великим инквизитором” Т. Торквемадой. Страстно влюблённый в историческую миссию пролетариата, его гегемонию, диктатуру, Ленин в принципе оставался равнодушен к конкретной человеческой личности и её праву на обеспеченную жизнь.

Завершали некролог рассуждения о ленинском понимании диктатуры пролетариата. Он создал “восходящую систему” “диктаториальных кругов – подобных кругам Дантова ада”, которая “являлась универсальной теорией диктаториального, опекунского социализма”. Для Чернова ленинская трактовка и большевистская практика – полная противоположность научному социализму, идеал которого – система хозяйственной демократии, а не огосударствление народного хозяйства. И они (трактовка и практика) не имеют будущего, так как подвергнутся действию “неумолимых законов размагничивания и распада” [там же].

Характеристики Чернова хорошо дополняет некролог из “Социалистического вестника”. В нём идёт речь о среде, породившей феномен Ленина, о присущих русской общественности и социал-демократическому движению двух противоположностях, полюсах: марксистском европеизме и стихии полуазиатской деревенщины (“традиционные навыки к деспотическому ко-

мандованию и слепому повиновению”). Выявление связи исторической личности и общественной среды — точка отсчёта в меньшевистской характеристике силы, гения и вождизма Ленина: он “был типичным сыном этой общечеловечности. Его сила заключалась в том, что его несла её стихия; в том, что он был не из тех вождей, которые стараются поднять стихию на уровень сознательности, а из тех, которые, наоборот, становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются. Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, её подъёмные порывы, как и судороги её разложения. Умел нащупать родственные ей струны и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте воздвигнуть трон своей *идее*, которая воплощалась для него *в нём самом*. Ибо *таким вождём такой стихии* только и может быть человек, который фанатично верит в свою историческую *миссию*, в свою историческую предназначенность и потому в свою непогрешимость” [8, с. 533]. Места, которые выделили курсивом авторы некролога, составляют неразрывную триаду: персонализированную идею, революционный вождизм (умение стать во главе стихии), негибкое мессианство.

А известны ли вожди — не популисты, “которые стараются поднять стихию на ступень сознательности”? Такие вряд ли становятся вождями. Они или не признаются в этом качестве, или отказываются от него. Вождь, как свидетельствует социальный опыт, входит в историю как популист, организатор, идеолог и зачастую пропагандист “всего лучшего”. Ни Плеханов, ни Мартов, ни Чернов вождями не стали. Их максимум — круг партийных сторонников и громкая известность в качестве талантливых политических мыслителей-идеологов, публицистов-теоретиков, авторов ярких инвектив.

Меньшевистские лидеры отметили политический гений Ленина, его фанатичную веру в себя, убеждение в том, что личная власть — орудие для переворачивания мира. По-иному можно повторить — ощущение мессианского призвания. Он обладал “свойствами вождя секты”: «Лично он был совершенно лишён тщеславия, бескорыстен в буквальном смысле этого слова — “горел идеями”. Но сквозь все его шатания и колебания, подчас поражающие своей беспринципностью и моральной неразборчивостью, сквозь все зигзаги его партийной, политической и государственной деятельности красной нитью проходит за все 30 лет один незыблемый, руководящий принцип: партия — это я! рабочий класс — это я! коммунизм — это я! государство пролетарской диктатуры — это я!» [там же]. Короткий, наспех написанный некролог (торопились дать в текущий, уже готовый номер журнала) не даёт полноты картины, но преисполнен внутренней убеждённости авторов как в

политическом гении Ленина, так и в его мессианской и диктаторской пагубности для социалистического движения.

Правые меньшевики, представленные С.О. Португейсом², отозвались на смерть Ленина довольно односторонне. В “органе социал-демократической мысли” берлинском журнале “Заря” за подписью В.И. Талина (один из псевдонимов Португейса) была опубликована статья-некролог, которая фокусировалась на проблеме “Ленин и власть”. Основополагающий постулат её сформулирован так: “Не власть идеи освещала путь этого человека, а идея власти”. При этом делался упор на презрение Ленина и к соратникам, и к “человеку вообще” с оговоркой, что “массы он презирал ещё больше, чем отдельных людей”. Все организационные планы Ленина, начиная с 1902 г., строились “на идее готовых к подчинению масс”, а сама социал-демократическая организация служила для него лишь инструментом власти [9, с. 7].

Ленин, будучи лично “человеком скромным и невзыскательным”, при этом оставался “первосвященником” и “рыцарем” власти [там же, с. 8]. То, что он не терпел возражений, объясняется просто: он защищал не себя, а идею власти. Почему же таковая столь ценна? Да потому, что власть нужна для осуществления социализма. Если продолжить эту мысль, то получается, что социализм строится усилиями “пролетарского” государства, а не творческим трудом пролетарской массы. Обратно это общество можно представить в виде пирамиды, фундамент которой — пролетарская масса, верхняя часть — РКП(б), а вершина — сам Ленин. “В нём начало и конец всех путей, ведущих к социализму. Ибо Ленин овладел тайной власти. Он тайновидец власти. Он сопричастен её святому духу. Он сам материализованный её дух”. Почему же такое стало возможно в России? “В стране, не знавшей современных форм самоуправления, в которой крепко ещё сидели начала монархизма, не как политической системы, а как системы авторитарного мышления... идея власти должна была найти благодатную почву” [там же, с. 9]. Корневая система диктатуры заложена не столько в насилии, сколько в авторитарном мышлении и руководителей, и масс.

Следующий тезис автора — о “дороге, ведущей к храму”. Власть надо хотеть, власть надо любить, но её ещё надо заполучить и удержать. В умении реализовать захват власти “проявился гений Ленина”. Дорогу к власти он разглядел через бунт и рождаемый им хаос, и гений его состоял в том, что этот хаос открывал дорогу к власти. Акцент

² Почти забытого С. Португейса возвратил в ряды российских публицистов-мыслителей философ А. Кара-Мурза. См.: Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семён Осипович Португейс (1880–1944). М.: Генезис, 2006.

делается на том, что “никогда Россия не имела столь пламенного бунтовщика, но никогда она не имела и такого пламенного жреца и чародея власти” [там же]. Заканчивается обличительная, но красиво написанная филиппика обобщающей фразой: “Так бунт, власть и презрение составляли основную гамму души Ленина”. В общем получился рентгеновский снимок, только не гениального политика, а политического скелета.

Ещё более односторонний и однотонный портрет дан в некрологе под названием “Великий неудачник” уже цитированного ранее эсеровского публициста М.Л. Слонима. В его трактовке Ленин — не теоретик, не философ, не мыслитель, ибо его характеризует догматическое мышление: “Именно формальные качества ума сильны были у Ленина: хорошая диалектика, блестящие аналитические способности, умение упростить и расчленить сложные проблемы, упорство в повторении и развёртывании основных тезисов, стремление дойти до внешне логического конца, до последнего вывода”. Итак, диалектик, аналитик, логик — но не мыслитель. Противоречие поверхностно устраняется следующим заключительным пояснением: “Не теоретик, а тактик, Ленин был искусным политическим вождём — и в этом коренилась основа и причина его успеха” [1, с. 7]. Слоним считал, что Ленину были присущи целеустремлённость и воля, он также согласен с тем, что цель всей его деятельности — власть. Овладев ею и опираясь на партийно-государственный аппарат и принуждение, верил вождь большевиков, что в России можно построить коммунизм.

М.Л. Слоним сравнил Наполеона и Ленина и выстроил их деяния в следующие ряды. У первого были не только 18 брюмера, но и пирамиды, итальянский поход, Аустерлиц, Иена. У второго — Брест-Литовск, голод, нэп и Рига. Рижский договор по потерям российской территории приравняется к Брест-Литовскому, нэп относится к неудачам (видимо, по критерию “движение вспять”). “Что оставил Ленин России?” — вопрошал публицист и подводил печальный итог: “Насилие, угнетение, развалины, бесцельное разрушение и после короткого пира хаоса и ломки — возвращение вспять и возобновление разрушенного”. Подчёркивалось банкротство всех ленинских начинаний и ставился вопрос: с чем Ленин входит в историю? Финальная инвектива такова: “Большой властолюбец, слабый теоретик, искусный стратег, упорный фанатик и великий неудачник” [там же, с. 8].

Перечень высказываний современников можно было бы продолжить, ряд оценок, принадлежавших зарубежным деятелям культуры, приведён в статье В.П. Булдакова. Добавлю к ним ещё два голоса крупных представителей германской политической мысли. Видный социал-демократ и деятель Социтерна К. Каутский в статье “Уро-

ки Октября” внёс в создаваемый портрет важный штрих: “В 1917 г. Ленин с его, как теперь видно, примитивным и крайним утопизмом, мог думать, что, завоевав власть, он сделает для пролетариата всё и несколькими примитивными ударами молота сколотит новое общество” [10, с. 11]. Г. Штреземан, один из участников Ноябрьской революции 1918 г. и основателей Веймарской республики, написал по просьбе газеты “Известия” отзыв, в котором указывал: “Ленин обладал великой способностью объединять все силы, направленные к одной цели, и смелостью приводить свои планы в сочетание с достижимым. В этом смысле он был гением и как таковой займёт своё место в истории” [11, с. 26].

Теперь, размышляя об исторической судьбе советского, по выражению Каутского, “сколоченного Лениным” общества, можно сделать обобщение о его чертах личности и месте в истории. Это убеждённость в правоте и научности марксизма и в правоте его собственной, ленинской, интерпретации революционного социалистического учения; крайняя революционность (некоторые современники квалифицировали её как бланкизм и якобинизм) и связанное с ней форсирование перемен (революционное нетерпение); вера в неизбежность и необходимость насилия и массового террора по отношению ко всем, кого можно причислить к врагам революции и социализма; мессианское отношение к своему революционному призванию. И с грустью заметим: перечисленные черты в той или иной степени присущи многим большим и малым революционным вождям (Мао Цзедун, Энвер Ходжа, Ким Ир Сен).

Среди индивидуальных черт отмечались мощный аналитический ум, целеустремлённость, трудолюбие, несгибаемость в столкновениях с трудностями, революционный дух и чутьё к настроениям и движениям народной стихии, дар нащупывания социальной опоры и политических рычагов, мобилизующих на борьбу и приводящих в движение революционный авангард и массы. Все эти качества и дарования сделали Ленина великим революционером вселенского масштаба. Но благодаря стараниям сподвижников и эпигонов, особенно последующих поколений, они привели к идеализации личности, возникновению легенд и мифов. И точно так же обусловили последующую демонизацию. Фактических обоснований для негативных суждений более чем достаточно. Деяния исторических личностей в большинстве случаев имеют тёмную, порой кровавую сторону. Утопии типа “мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем” превращают миллионы людей в рабов и подданных.

Необходимо понимать: Ленин это прежде всего революция, и его отношение к человеку всегда сшивалось и расширялось революционными нитями. Поэтому ему легче было любить идеальный образ

пролетария, который выполняет своё историческое предназначение, чем конкретных обуховских или сормовских рабочих с их неухоженными и не страдающими ожирением жёнами и детьми.

Был ли Ленин прозорлив в своих политических планах-прогнозах? Если на этот вопрос вслед за его политическими противниками ответить “нет”, тогда логично поставить другой — почему же его считают гениальным политиком? Потому, видимо, что он обыгрывал своих противников и соперников. Выигрывал Ленин по многим причинам, в числе которых немалое значение имели его целеустремлённость, аналитический ум и воля, а также неожиданные, порой авантюристические ходы и прорывы. Да, в июле 1917 г. большевикам не удалось захватить власть, но спустя несколько месяцев это получилось. Да, большевики смогли удержать государственную власть и одержать победу в Гражданской войне. Да, большевики смогли построить “социалистическое государство”, то есть в краткосрочной исторической перспективе одержаны видимые достижения. Но главный итог подвело время в конце того же XX в. Социалистический проект, сопровождаемый вождизмом, жёсткой плановой экономикой, перенапряжением народных сил, отсутствием свободного волеизъявления, массовым террором, воплотился в сталинском государстве-партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Слоним М.* Великий неудачник // *Революционная Россия* (Прага). 1924. № 33–34. С. 6–8.
2. *Сервис Р.* Ленин. Биография / Пер. с англ. Г.И. Левитан. М.: Попурри, 2002.
3. *Логинов В.Т.* В. Ленин. Выбор пути. Биография. М.: Издательский дом “Республика”, 2005.
4. *Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010.
5. *Троцкий Л.* О Ленине: материалы для биографа. М.: Госиздат, 1924.
6. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 2010.
7. *Чернов В.М.* Самый крупный характер революции // *Родина*. 1990. № 4. С. 14–16.
8. *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1922–1924 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: Росспэн, 2004.*
9. *Талин В.И.* У гроба Великого Диктатора // *Заря*. 1924. № 1. С. 7–10.
10. *Каутский К.* Уроки Октября // *Социалистический вестник*. 1925. № 6. С. 10–12.
11. *Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М.: Общество бывших политкаторжан, 1924.*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ НА ВЕСАХ СТОЛЕТИЯ¹

© 2020 г. С. В. Леонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: s-leonov@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье сквозь призму накопленного человечеством исторического опыта рассматриваются дискуссионные проблемы сущности, периодизации российской Гражданской войны, а также её общих и особенных черт, по сравнению с гражданскими войнами в Европе, Америке и Азии. Анализируются имеющиеся в отечественной и зарубежной историографии концепции и предлагаются новые оценки и дефиниции. В частности, гражданской войной предлагается считать продолжительную вооружённую борьбу за власть внутри страны различных политических сил, социальных и этноконфессиональных групп с использованием государства, государственных образований и военных соединений (“армий”). Приводятся авторские подсчёты людских потерь в России в послефевральский (1917 г.) период и на начальном этапе гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война, революция, периодизация, особенности, Восток, Запад, красные, белые, историография.

DOI: 10.31857/S0869587320090042

При всём многообразии концепций Гражданской войны в России одним из немногих общих положений, объединяющим всех отечественных и зарубежных исследователей, является признание её связи с революцией 1917 г. Эта связь была прямой или же, по мнению главным образом советских историков, опосредованной (выступлениями белых или иностранной интервенцией). Однако она составляла важнейшую характеристику российской Гражданской войны, отлича-

ющую её от гражданских войн в США и в ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки.

Анализ самой революции не вмещается в тесные рамки данной статьи. Тем не менее важно иметь в виду, что хотя Октябрь, а отчасти и Февраль 1917 г. обладали некоторыми чертами переворотов, они явились этапами Великой российской революции, — возможно, крупнейшей из всех когда-либо происходивших. (Такой взгляд в нашей стране сейчас непопулярен, зато имеет приверженцев за рубежом. М. Малиа — исследователь с широким кругозором и отнюдь не левый по своим взглядам, чуждый некогда модному среди американских историков “ревизионизму”, — назвал её “величайшей из современных”, то есть происходивших с XVIII в. революций. “Как XIX в. жил, словно под гипнотическим влиянием Французской революции, так и ленинский Октябрь околдовал весь XX в.” [1, с. 256, 296, 297]). Эти этапы имели качественные отличия и относительную самостоятельность, что, с учётом мощной научной традиции и относительной неразработанности концепции единой революции, нового категориального аппарата, позволяет в известном смысле использовать привычные термины: Февральская и Октябрьская революции или Октябрьский переворот [2, с. 157–166]. (В новейшей французской историографии и вовсе воз-

ЛЕОНОВ Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор МПГУ.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2019. № 1. С. 24–36) с авторскими изменениями и дополнениями.

обладала тенденция делить “их” Великую революцию конца XVIII в. на ряд самостоятельных либо “автономных” революций [3, с. 8].) В этом контексте Гражданская война в России также имеет свои особенности, логику развития и, несомненно, заслуживает специального анализа.

В современной историографии она получила, пожалуй, большее отражение, чем собственно Октябрьский переворот. В итоге её картина качественно изменилась, усложнилась и потеряла незыблемую в рамках “классовой”, “партийной” парадигмы определённость, в каком-то смысле даже рассыпалась. Многие прежние постулаты оказались явно неприемлемыми. Другой немало важной особенностью историографической разработки Гражданской войны в России явилась существенно меньшая роль западной историографии. В последней до 1990-х гг. наблюдалась явная недооценка этой темы, даже игнорирование её многими исследователями, что сказывается до сих пор. Повлияли идеологические стереотипы, выводящие последующую советскую историю непосредственно из Октябрьского переворота, а отчасти и объективные трудности, порождённые масштабностью и “трудоемкостью” объекта исследования, многочисленностью источников и недоступностью советских архивов [4, с. 8; 5, с. 142, 143]. Таким образом, многочисленные проблемы, обнаружившиеся в этой сфере, приходится решать, если и не полностью “своим умом”, то с большей, чем мы привыкли за последнее время, “опорой на собственные силы”. Одним из таких нерешённых вопросов в современных условиях оказалось само понятие “гражданская война”. Что можно считать таковой?

В 1992 г. Ю.А. Поляков, пересмотрев свои прежние взгляды (в частности, на классовую — в основе — сущность Гражданской войны и её хронологические рамки [6, с. 101–104]), дал следующее её определение: это “вооружённая борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооружённых отрядов в тылу правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции” [7, с. 32, 33]. Данная дефиниция являла собой принципиальный шаг вперёд по сравнению с советскими, трактовавшими гражданскую войну в идеологизированном ключе как “наиболее острую форму классовой борьбы”, “борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса” [8, с. 215]. До настоящего времени в отечественной историографии определение Поляко-

ва широко распространено и считается классическим [9, с. 17].

Вместе с тем практически с самого начала оно подвергалось критике отдельными исследователями, в частности за расширительное толкование гражданской войны [10, с. 102, 107]. Действительно, помимо многословия и иных стилистических издержек, эта дефиниция страдает описательностью и неопределённостью. Под неё попадают и отдельные, “разовые” вспышки вооружённого противоборства (вроде Февральской революции или июльского восстания 1917 г. в Петрограде), и некоторые локальные межэтнические или “межобщинные” конфликты. К тому же Гражданская война, несмотря на верно подмеченное автором многообразие её форм и участие населения, являлась борьбой главным образом между политическими или, по меньшей мере, организованными силами, с использованием государства и не столько “вооружённых отрядов”, частей, сколько военных соединений, причём не всегда “регулярных”. На сегодняшний день данное определение отнюдь не облегчает разрешение дискуссионных проблем Гражданской войны и особенно её периодизации. Кроме того, оно относится только к России и не может служить основой для компаративистских сопоставлений. Между тем без них, в рамках лишь одной страны, как подметил ещё А. де Токвиль, невозможно адекватно оценить суть крупных исторических событий. “Человек, изучающий только Францию, никогда ничего не поймёт во французской революции”, — писал он [11, с. 22]. Конкретно-исторические сравнения служат главным и почти незадействованным в отечественной историографии резервом дальнейшего осмысления Великой российской революции и Гражданской войны.

Б.И. Колоницкий предложил считать российскую Гражданскую войну “комплексом войн, в которых различные стороны пытались вооружённым путём реализовать свой план реорганизации постимперского пространства — меняя характер государства и/или его границы”. Попытка определять “войну” через “комплекс войн” не корректна, да и не нова (вслед за Х. Вадой, заявившем о комплексе революций 1917 г., Р. Сервис, Д. Свейн и другие западные историки в конце прошлого столетия писали о нескольких и даже о десятках гражданских войн [12, с. 63–66]). По большей части эти “войны” были тесно взаимосвязаны, попытка их “расщепления” может служить лишь исследовательским приёмом, а по сути оказывается средством ухода от решения вопроса. Из данного определения неясно, чем Гражданская война отличается от революций (которые нередко сопровождалась многочисленными сражениями), и кого можно считать её “стороной”. Далеко не у всех участников Гражданской войны были какие-то далеко идущие планы, а тем более —

по “реорганизации постимперского пространства”. Имевшиеся же планы отнюдь не сводились к этой проблеме. Десятки народов хотели выйти из этого пространства, и восемь крупных этносов смогли это сделать (три из них — на время). Большевики стремились к мировой революции и победе коммунизма в глобальном масштабе. Подавляющая же часть населения была озабочена выживанием, повседневными нуждами, сведением счётов и т.д.

Зарубежные исследователи по большей части избегают дефиниций гражданской войны или отделиваются импровизированными определениями. Порой одни историки дают их в описательном и расширительном плане, включая в них династические войны [13, с. 19, 20], другие, напротив, сужают их до “вооружённой борьбы между частями Красной армии и различными антибольшевистскими... воинскими соединениями, которая продолжалась с декабря 1917 до ноября 1920 г.” [14, с. 10]. Гражданскую войну определяют как “вооружённое противостояние двух групп граждан внутри одного государства” или вооружённый конфликт между группами и партиями внутри государства с целью замены одной партией другой [15, с. 7; 16, с. 9]. Из перечня этих незамысловатых дефиниций выделяются те, что даны в справочных изданиях. “Британская энциклопедия” называет гражданской войной “насильственный конфликт между государством и одним или несколькими организованными негосударственными субъектами на территории государства” [17]. Данное лаконичное и ёмкое определение затрагивает некоторые сущностные стороны рассматриваемого понятия, но под него вполне подпадают революции и не подпадает, к примеру, американская гражданская война 1861—1865 гг. Ближе к истине, на мой взгляд, “Энциклопедия общественных наук США”, трактующая гражданскую войну в качестве конфликта внутри общества, вызванного попыткой незаконными средствами захватить или сохранить власть и символы легитимности [10, с. 107]. Однако и эта дефиниция не проводит разделения между гражданской войной и революцией (и даже переворотом).

Разумеется, разделить вышеуказанные понятия сложно, и нередко сделать это можно лишь условно. Более того, каждая из гражданских войн уникальна, а в традиционном обществе они имели особую специфику. Тем не менее возьму на себя смелость сформулировать, что гражданская война — это продолжительная вооружённая борьба за власть внутри страны различных политических сил, социальных и этноконфессиональных групп с использованием государства, государственных образований и военных соединений (“армий”), чаще всего сопровождаемая вмешательством иностранных держав или организаций.

Данное определение акцентирует относительную длительность, масштабность и многообразие рассматриваемого феномена, его отличия от отдельных и кратковременных, исчисляемых днями или несколькими неделями столкновений (которые можно считать вспышками гражданской войны, но не самой войной), а также от малозначительных или сугубо региональных (“межобщинных”) проявлений насилия. Из дефиниции следует, что в таких войнах участвуют не только политики, военные и политизированные представители общественности (как при переворотах), но и часть населения, причём, представленная не одной (или преимущественно одной), а несколькими социальными группами. Даже если для каких-то сил на первом плане стоят экономические, социальные, религиозные, национальные или иные мотивы, непосредственно или в конечном счёте борьба в ходе гражданских войн ведётся за власть, пусть и не всегда за центральную. Например, крестьяне в ходе многочисленных восстаний 1918—1922 гг., по сути, претендовали на экономическую и политическую автономию от государства, то есть, по меньшей мере, на отдельные государственные, а также на региональные и местные властные полномочия. Выделяя системообразующие черты гражданских войн, данная дефиниция создаёт возможности для их сравнительно-исторического анализа в различных странах и в разные эпохи.

Принципиальное значение в изучении гражданских войн, как правило, имеет их датировка и периодизация. В советскую эпоху под воздействием политико-идеологических факторов хронологические рамки рассматриваемой войны трактовались противоречиво, но в целом — максимально узко. Поскольку В.И. Ленин до лета 1918 г. неоднократно говорил, что она шла с 1917 г. (а затем отметил её завершение в 1922 г.), нехотя признавалось, что как явление Гражданская война продолжалась с октября 1917 г. по октябрь 1922 г. Большевицское правительство уже 28 ноября 1917 г. также квалифицировало контрреволюционное движение на Дону и Урале как “открытую гражданскую войну” [18, с. 53, 126, 135—137, 151, 164, 186, 187, 192, 211, 212, 243, 268, 369; 19, с. 4, 79, 94; 20, с. 302, 303; 21, с. 62]. Однако общепринятая хронология была иной. Стремясь переложить вину за невиданное братоубийство с большевиков на “интервентов и белогвардейцев” и используя более поздние ленинские оценки, официальная историография жёстко разграничивала Октябрьскую революцию и “период” Гражданской войны, когда военный вопрос выступал как главный вопрос революции [22, с. 7; 23, с. 9]. Начало этого этапа датировалось концом мая — июнем 1918 г. и связывалось с восстанием Чехословацкого корпуса. При этом игнорировалась противоречивость ленинских оценок. Между тем в марте 1918 г.

вождь писал, что “боевая или военная задача стояла на первом плане” с конца октября 1917 г. и приблизительно до февраля 1918 г., что естественно “для всякой политической партии, достигающей господства в обстановке острой и наиболее ожесточённой борьбы” [19, с. 127, 128]. Более того, вопреки своим обычным заявлениям о том, что развязали Гражданскую войну белогвардейцы, каледины, кадеты, буржуазия, интервенты и т.п., на III Всероссийском съезде Советов и на VII съезде РКП(б) опьянённый триумфом и выступавший “перед своими” Ленин публично проговорился, что начали Гражданскую войну большевики в октябре 1917 г. [18, с. 268; 19, с. 4]. Чтобы не привлекать внимания к невиданной волне крестьянских восстаний 1921–1922 гг. и отсутствию (кроме японцев на Дальнем Востоке) интервентов, которым стали приписывать решающую роль в разжигании Гражданской войны, её завершением официально считали разгром армии П.Н. Врангеля в Крыму в ноябре 1920 г.

Советскую официальную датировку рассматриваемой войны разделяли в целом и большинство иностранных авторов [24, с. 25]. Правда, многие из них её окончание “продляли” до весны 1921 г., а в последнее время — до 1922 г. и далее [25–30]. Среди современных отечественных историков традиционные рамки 1918–1920 гг. несколько подрастеряли популярность, но ещё сохраняют сторонников. В целом же в трактовке хронологии Гражданской войны в настоящее время наблюдается полнейший разнобой [12, с. 67–70; 31, с. 187]. Некоторые авторы (В.И. Голдин, А.В. Посадский и др.) отказываются называть дату начала войны и говорят о стадиях “вползания” в неё или о постепенности нарастания насилия [31, с. 26, 86, 149]. Между тем эта проблема давно и по праву считается “одной из важнейших для понимания сущности и особенности Гражданской войны” [7, с. 33]. Понемногу растёт число тех, кто считает Октябрь 1917 г. началом Гражданской войны (А.В. Ганин, Г.З. Иоффе, С.Н. Полторак, Д. Рэйли, В.Ж. Цвётков и др.). В меньшей степени это относится к Февралю 1917 г. (Ю.А. Поляков, В.В. Шелохаев, В.И. Шишкин и др.).

Сроки завершения Гражданской войны в последнее время вызывают меньше споров. Хотя здесь ещё фигурирует 1920 г., всё чаще появляется 1922 г., проскальзывает и 1923 г. В целом в отечественной, а отчасти и в зарубежной историографии постепенно укрепляются позиции датировки 1917–1922 гг. Однако продолжающаяся разногласия, немыслимое количество концепций, точек зрения и их оттенков, всевозможных определений Гражданской войны (фронтная, широко-масштабная, в широком смысле, эшелонная, локальная, очаговая и т.п.), а главное, острый дефицит верифицируемых критериев и аргументов

запутывают проблему периодизации и, следовательно, — интерпретацию сути и особенностей рассматриваемой войны. Поскольку ещё больше усложнить ситуацию трудно, рискну высказать свои соображения.

После того как жаркие идеологизированные баталии вокруг революции 1917 г. и Гражданской войны сами стали достоянием истории, непосредственная связь между этими событиями представляется совершенно очевидной. (Обвинять в начале войны “белогвардейцев”, пытавшихся как-то сопротивляться вооружённым узурпаторам власти и творцам массового насилия, — всё равно что осуждать за рукоприкладство человека, пытающегося отбиваться от вломившегося в его дом бандита.) “Интервенция” — на окраинах страны и в ограниченном виде — началась спустя четыре месяца после Октябрьского переворота, а в масштабном — через год с лишним. В какой-то мере Гражданская война была связана с Первой мировой войной, а также с некоторыми отечественными традициями (деспотическими, общинными, бунтарскими и т.д.) и незавершённой модернизацией царской России. Все эти факторы, наряду с большевистской партией и “марксистско-ленинской” идеологией, призывавшей к кардинальной и насильственной перестройке всего человеческого сообщества, определили основное содержание и специфику рассматриваемого феномена.

Гражданская война явилась завершающим и решающим этапом Великой российской революции, начавшейся в феврале 1917 г. и продолжавшейся до октября 1922 г. Непосредственно войну открыл большевистский переворот в Петрограде 24 октября 1917 г.

Ещё в феврале и июле 1917 г. в столице наблюдались отдельные вспышки вооружённой борьбы, но не более того. После Февральской революции по всей стране резко ускорилось накопление горячего материала для Гражданской войны. Последняя становилась всё более вероятной (на март 1917 г. можно оценить такую вероятность приблизительно в 60%), но вряд ли неизбежной. Для власти существовала масса в той или иной мере допустимых шагов: отказ от наступления на фронте в июне того же года; запрет и действительные преследования после июльского восстания большевистской партии, недопущение освобождения Л.Д. Троцкого и других арестованных вождей; арест Ленина; предотвращение выступления Л.Г. Корнилова; создание однородного демократического правительства (на Демократическом совещании для этого не хватило нескольких голосов [32]); отказ от переноса и более ранний созыв II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, Учредительного собрания и т.д. Одна-две меры из этого, далеко не полного

списка (которые требовали главным образом здравого смысла и политической воли) в условиях крайнего истощения Германии и приближавшегося завершения Первой мировой войны, могли бы предотвратить, а по меньшей мере, отсрочить Гражданскую войну, причём, существенно изменив при этом её характер и масштабы. “Перехват” Временным правительством или другим властным органом до Октябрьского переворота любого из двух ключевых решений большевиков — о земле и демобилизации армии — превратил бы их переворот в локальный и лишил бы его шансов на победу. Таким образом, называть Февральскую революцию началом Гражданской войны можно лишь с явной натяжкой, сугобо в метафизическом смысле, в каком, например, причину смерти человека следует усматривать в его рождении.

С 24 октября 1917 г., вопреки стереотипам о “триумфальном шествии советской власти”, военные действия в разных городах, регионах страны шли практически непрерывно: в Петрограде и его окрестностях, в Валке, в Москве, Смоленске, Воронеже, под Белгородом и Обоянью, на Дону, Южном Урале, Кубани и Тереке, в Казани, Бугульме, Саратове, Астрахани, Елабуге, Сарapulе, Соликамске, в Киеве, Виннице, Чугуево, Чернигове, Полтаве, Житомире, Ровно, Елизаветграде, Одессе, в Крыму, в Екатеринославской, Минской, Витебской и Могилёвской губерниях, в Иркутске, Омске, в Енисейской губернии, Забайкалье, в Благовещенске, в Дагестане, в Баку, Шемахе и Ленкорани, в Тургайской и Семипалатинской областях, в Ташкенте, Коканде, Самарканде и т.д. Всего непосредственных участников сражений, по нашим оценкам, было до 300 тыс. человек, — около 0.2% “наличного” населения страны (171.8 млн).

В феврале—марте 1917 г. в Петрограде и на Балтийском флоте погибли соответственно примерно 307 и 120 человек, во время июльского восстания — 56, а всего за 8 месяцев до Октября — до 0.6 тыс. человек (без военных потерь на фронте). В ходе Октябрьского переворота и “триумфального шествия советской власти” (до марта 1918 г.), по нашим консервативным ориентировочным оценкам, были убиты в боях и в результате террора: в Петрограде и окрестностях — не менее 300, Москве — до 1 тыс. человек, Иркутске — 1 тыс., в Киеве — не менее 3 тыс., в Одессе — 0.5 тыс., в Крыму — 1.2 тыс., на Юге России (Области Войска Донского с прилегающими районами Екатеринославской, Харьковской губернии) — приблизительно 2.5 тыс., в Астрахани — 0.3 тыс., на Кавказе — 1.5 тыс., в Коканде — не менее 2 тыс. человек. Общее число погибших примерно за 4 месяца советской власти превысило 15 тыс. человек, — на два порядка больше, чем за весь послефевральский период.

Поскольку подавляющая часть населения устала от войны, не хотела “воевать за Керенского” и приветствовала экспроприацию “буржуев”, помещиков и демобилизацию армии, “контрреволюция” не имела массовой базы. По численности большевистские силы многократно превосходили своих противников. По имеющимся, по-видимому, завышенным данным, в октябре 1917 г. в Красной гвардии уже состояли от 100 тыс. до 180 тыс., а к маю 1918 г. — 460 тыс. человек. До января 1918 г. лишь из Петрограда в составе матросских отрядов были посланы до 40 тыс. человек (половина Балтфлота), а солдат, сражавшихся за большевиков, было существенно больше [33, с. 264, 271; 34, с. 250, 288].

До мая 1918 г. Гражданская война в России была преимущественно очаговой, локальной. Однако ещё до восстания Чехословацкого корпуса её масштабы стали увеличиваться. Под влиянием репрессивной политики и резкого ухудшения экономического положения население стало подниматься против большевиков. В Советской России всё чаще вспыхивали массовые волнения и восстания. В апреле 1918 г. в результате восстания казаков в районе Новочеркасска начала формироваться Донская армия, в середине мая она достигла 17 тыс. человек. Добровольческая армия, несмотря на непрерывные бои и огромные потери, к концу апреля увеличилась до 5 тыс. С конца мая 1918 г. Гражданская война обрела глобальный характер и крайнюю ожесточённость. Большевики смогли компенсировать сужение своей социальной поддержки за счёт колоссального госаппарата. Белые так и не сформулировали привлекательных для масс лозунгов (за исключением разве что П.Н. Врангеля), не обрели устойчивой массовой базы и не создали эффективного госаппарата. Перевес сил красных в относительном плане сократился, но оставался кратным. Вопреки прежним стереотипам, немецко-австрийское вторжение было связано главным образом с продолжавшейся мировой войной. Оно несло потенциальную угрозу большевикам, сократило советскую территорию, но в итоге способствовало стабилизации оставшейся. Интервенция Антанты оказалась запоздалой, нерешительной, нескоординированной и кратковременной (кроме Дальнего Востока). Количество “интернационалистов” в Красной армии превосходило численность интервентов (250–300 тыс. против 202 тыс. к февралю 1919 г. [22, с. 235; 35, с. 53, 54]). Поддержка странами Антанты белых была ограниченной и в какой-то мере способствовала дискредитации последних в глазах населения. В то же время в Европе развернулось движение солидарности с Советской Россией.

В ноябре 1920 г. широкомасштабная Гражданская война ещё не завершилась. Продолжались военные действия в Закавказье. В феврале 1921 г.

они резко активизировались, Красная армия воевала против 50-тысячной армии грузинских меньшевиков и 12-тысячных соединений армянских дашнаков. Советскую Россию во второй половине 1920 — начале 1921 гг. накрыла волна беспрецедентных по массовости восстаний. Весной 1921 г. только по трём регионам (Западная Сибирь, Тамбовщина и Украина) против большевиков сражалось порядка 200 тыс. повстанцев — в пять раз больше, чем было в армии Врангеля (41 тыс.), хотя и хуже вооружённых.

В Перекопско-Чонгарской операции красные, по некоторым данным, потеряли убитыми и ранеными 10 тыс. человек; за всё время существования Южного фронта (август—декабрь 1920 г.) его безвозвратные потери составили 16,2 тыс. человек. В 1921—1922 гг. в боевых действиях в Закавказье безвозвратные потери Красной армии достигли 11,7 тыс., а в борьбе с многочисленными восстаниями в Европейской России, Сибири, Туркестане и на Украине — превысили 46,7 тыс. человек [36, с. 122, 124, 143]. Огромную долю этих потерь составляли дезертиры, многие из которых переходили на сторону повстанцев. В те же годы шли военные действия и на Дальнем Востоке. В ходе них армии РСФСР и ДВР потеряли 237,9 тыс. человек, — это 1/5 часть всех безвозвратных потерь РККА с 1918 по 1922 г. (1 212,8 тыс., а по новым, но, как представляется, заниженным подсчётам, — 980,8 тыс. человек [36, с. 113, 114, 147, 149]). Не включать 1921—1922 гг. в период Гражданской войны невозможно.

Разумеется, разгром последней регулярной белой армии на европейской территории России имел существенное военно-политическое значение. Однако более важным рубежом стал март 1921 г. После него Гражданская война вновь постепенно стала превращаться в преимущественно локальную, очаговую, хотя и гораздо более широкую по числу участников, чем в октябре 1917 г. — апреле 1918 г. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, с решениями X съезда РКП(б) о продналоге, создавшими политические возможности для борьбы с практически повсеместными, небывалыми крестьянскими восстаниями, грозившими опрокинуть большевистский режим. Во-вторых, с подавлением Кронштадтского восстания. В нём участвовали до 27 тыс. матросов и солдат, оно непосредственно угрожало северной столице и могло вызвать цепную реакцию в стране. Кроме того, в марте—апреле 1921 г. удалось достичь перелома в борьбе с крупнейшими восстаниями в Сибири, на Украине, в Армении, Средней Азии. Наконец, в марте завершились военные действия в Грузии (в Армении они закончились в июле 1921 г.).

В целом Гражданская война продолжалась до октября 1922 г. В отдельных регионах Сибири, Кавказа она затянулась до второй половины

1920-х гг., в Средней Азии — до начала 1930-х гг. (Считать завершающим рубежом этой войны разгром 0,8-тысячного отряда А.Н. Пепеляева в 1923 г. можно только из стремления к оригинальности; в том году ещё воевали 15 тыс. басмачей [37, с. 127], Туркестанский фронт существовал до июня 1926 г.) Вопреки декларациям большевиков, Гражданская война в России, в отличие, например, от США, не завершилась “гражданским миром”, и отдельные её элементы, своего рода конвульсии проявлялись в стране в годы коллективизации и Второй мировой войны.

Масштабы и продолжительность фазы вооружённого противоборства составляли немаловажную особенность Великой российской революции, в сравнении с большинством революций на Западе. Более длительной эта фаза оказалась разве что в Нидерландах (1566—1609) и США (1776—1789), где доминировали национально-освободительные мотивы, и военные действия велись против других стран (в отечественной и зарубежной историографии эти события датируются по-разному и не всегда признаются революциями). Даже в Великой французской революции не было классической, чётко обозначенной гражданской войны, охватывавшей всю страну.

Роль военного фактора была ещё выше, а гражданские войны — зачастую в форме масштабной партизанской борьбы — длились десятилетия главным образом лишь в некоторых азиатских, африканских и особенно в латиноамериканских странах, в частности, в ходе революции 1808—1826 гг. (В советской историографии и во многих современных отечественных исследованиях она именуется “Освободительной войной” или “Войной за независимость” 1810—1826 гг. Хотя некоторые авторы признавали её “своеобразной буржуазно-демократической революцией”, по большей части отмечалось, что она обладала лишь чертами революции, но не поднялась “до решения главных социальных проблем” [38, с. 10; 39, с. 201]).

Длительность и повышенная роль военного фактора объяснялись, в частности, тем, что своеобразным компенсатором слабости отечественной буржуазии там выступала не столько интеллигенция (как в России), сколько офицерство, а также особой логикой развития “восточных” революций. Как подметил С. Хантингтон, “западные” революции сначала побеждали в столице, а затем подчиняли себе сельские районы. Захват власти в них осуществлялся сравнительно легко, и после этого начиналась гражданская война. В революциях на Востоке, напротив, главные сражения гражданской войны происходили перед захватом столицы. Такие революции, как правило, начинались с периферии, установления контроля над удалёнными районами и приводили к дли-

тельному периоду “двоевластия”. Постепенно с помощью пропаганды и террора революционеры завоёвывали поддержку крестьян, расширяли подвластную территорию, переходили от террористических вылазок к партизанской войне, затем к регулярным военным действиям и в итоге захватывали столицу [40, с. 270–278]. Китайской компартии потребовалось для этого 23 года гражданской войны (1927–1950 или 1927–1949 гг.; нередко её делят на две войны: 1927–1937 и 1945–1950 гг.), причём массовое истребление населения продолжилось и после нее. В ходе кампании “борьбы с внутренней контрреволюцией”, развернутой с октября 1950 г., уже к концу 1951 г. и только по официальным данным, были уничтожены 2 млн человек [41, с. 620].

Самыми короткими стали гражданская война в Германии — с января по май, в отдельных регионах по июль 1919 г., в ходе её погибли тысячи человек (и, по мнению некоторых авторов, были заложены основы Веймарской республики [42, с. 164]), и гражданская война в Парагвае в 1947 г., за полгода она унесла 2.5 тыс. жизней. Самой продолжительной явилась гражданская война в Бирме — с некоторыми перерывами она тянулась 64 года (1948–2012) [43, с. 263–266, 352]. Гражданская война в Колумбии с перерывами длится, по меньшей мере, с 1964 г. и, несмотря на успехи миротворческого процесса, ещё не вполне завершилась. Помимо партизанского характера данных войн аномальная, даже для Востока, их продолжительность объяснялась остротой политических, социальных, национальных (особенно для Бирмы) противоречий и тем, что здесь они переплетались с интересами мощных интернационализированных наркокартелей. Эти и прилегавшие к ним страны являлись крупнейшими производителями опиумного мака и коки. Сказывался и горно-лесистый рельеф, преобладающий в этих странах, и давние (с 1920–1930-х гг. в Колумбии и со Второй мировой войны — в Бирме) традиции партизанской борьбы.

В этой парадигме Великая российская революция, а отсюда и Гражданская война в базовых параметрах скорее относились к “западному” типу. У нас война началась с захвата Петрограда, затем пошла в регионы, деревню, а в итоге послужила завершающим революцию этапом. Это походило на Запад, но частично: в Англии (1640–1653) и во Франции (1789–1799) гражданские войны шли “внутри” революций. В российской Гражданской войне проявилась огромная (ещё более значительная, чем во Французской революции и отчасти напоминавшая Восток) роль крестьянства. Однако при этом исход войны в России, как и в гражданских войнах на Западе, решали города, а точнее, крупнейшие торгово-промышленные центры и особенно столицы [44, с. 6, 7]. Российская Гражданская война, в отличие от большин-

ства “восточных” гражданских войн и от Великой французской революции, почти не была связана с национально-освободительной борьбой “государствообразующей” нации и не характеризовалась всплеском “великодержавного” национализма, а отсюда — патриотизма (разве что кроме Советско-польской войны в 1920 г.). В отличие от гражданских войн в Англии и во Франции, в российской не стоял непосредственно вопрос реставрации монархии. В противоположность английскому и подобно французскому королю, русский царь не возглавил контрреволюцию. Более того, он не последовал примеру обоих королей и всерьёз даже не пытался бежать из-под ареста.

В российских событиях 1917–1922 гг. во множестве присутствовали и “восточные” элементы: восьмимесячный период двоевластия (правда, предварявший Гражданскую войну); повышенная роль крестьянства и — что важно отметить — офицерства (в организации и руководстве контрреволюцией). Пусть в меньшей мере, чем на Востоке, но это компенсировало относительную слабость и политическую апатию буржуазии. Последнее, в свою очередь, предопределило слабость либералов и недостаток “политического обеспечения” Белого движения, его тотальную “военизацию”, затруднившую обретение массовой базы.

Роль иностранной интервенции оказалась в России далеко не такой, как изображала советская историография, но всё же существенной. Она, как и во многих странах Востока, способствовала глобализации Гражданской войны и радикализации самой революции. В отличие от большинства таких стран, интервенция в России была “многонациональной”. В целом, она оказала меньшее влияние на нашу Гражданскую войну, чем на Великую французскую революцию, гражданскую войну в Китае, а тем более в Югославии, Корее и Вьетнаме. В известном смысле по влиянию интервенции российскую революцию можно сопоставить с революцией и гражданской войной (1910–1917) в Мексике. Более того, там вышеуказанным событиям предшествовала революция 1854–1860 гг. (включавшая трёхлетнюю гражданскую войну) [39, с. 229, 230], а в нашей стране Великой революции и Гражданской войне предшествовала революция 1905–1907 гг., в ходе которой наблюдались многочисленные вспышки гражданской войны.

Важнейшими особенностями Гражданской войны в России стали: небывалая роль партий, госаппарата, включая спецслужбы нового типа, широкое распространение социалистических и особенно коммунистической идеологий. Всё это способствовало радикальным социальным экспериментам, направленным на создание принципиально нового строя и уничтожение целых клас-

сов и социальных групп, а отсюда — небывалому кровопролитию. При этом, в отличие от европейских революций, “наша” не завершилась “термидором”. Победившие в Гражданской войне радикалы-большевики остались у власти. Во второй половине XX в. эти черты в той или иной мере повторились в революционном движении в целом ряде стран Азии и Латинской Америки.

Российская Гражданская война была тесно связана с Первой мировой войной, которая затруднила иностранное вмешательство в русские дела, придала вооружённому противостоянию небывалый масштаб и ожесточённость. Возвращавшиеся с фронта солдаты стали одной из важнейших опор большевистской власти. Милитаризация общества; огромные запасы вооружений на руках у населения, а также на складах и в портах (в основном доставшихся большевикам); военный опыт миллионов людей и крайнее ожесточение нравов; изменение состава офицерского корпуса — эти и другие обстоятельства, порождённые Первой мировой, во многом определили специфику отечественной Гражданской войны. Лишь отчасти схожие факторы проявились в гражданских войнах в Китае, Югославии, Польше (1944—1948) и других странах в ходе и после Второй мировой войны.

Решающую роль в рассматриваемой войне играли регулярные армии и масштабные сражения, в противоположность преимущественно партизанской, террористической тактике гражданских войн ряда латиноамериканских и азиатских стран. Это роднило российскую Гражданскую войну с северо-американской (1861—1865). Сходство заключалось и в явной диспропорциональности населения, экономического потенциала у воевавших сторон (в основном сосредоточенных у Севера и у красных), в важной роли индустрии и железных дорог и в огромных потерях. Вместе с тем в российской войне присутствовала иностранная интервенция, большее значение имела конница; реже практиковались характерные для американской войны окапывания, позиционные бои и осады; меньшую роль играл морской театр военных действий, менее распространены были и выборы командиров в регулярных частях.

Пятилетняя Гражданская война в России оказалась одной из самых кровопролитных. Лишь в ходе восстания тайпинов 1850—1864 гг. (фактически гражданской войны) погибло больше людей, — по приблизительным оценкам, до 15—20 млн [41, с. 322]. В России в 1917—1922 гг., по подсчётам Ю.А. Полякова, население уменьшилось на 13 млн человек, из которых до 2 млн эмигрировали, а 11 млн погибли. От 140.6-миллионного населения страны (с учётом Бухары и Хивы на начало 1920 г.) это 9.2%. Стоит напомнить, что безвозвратные потери всех 38 стран, официально участ-

вовавших в Первой мировой войне, которая считалась невиданной в истории “мясорубкой”, были меньше — 10 млн человек. В ходе двух гражданских войн в Китае в 1927—1950 гг., по сугубо приблизительным, ненадёжным оценкам, погибли 10—13 млн человек. Это сопоставимо с Россией, но население в Китае в 1927 г. (484 млн человек) было в 3.4 раза больше, и доля погибших составляла 2.7%. В ходе гражданской войны в США 1861—1865 гг. погибли до 650 тыс. человек из 36.6-миллионного населения (не считая индейцев), то есть 1.8% (таких потерь у страны не было за всю её историю, включая две мировые войны). Эта доля близка к потерям населения в гражданской войне в Испании 1936—1939 гг. Там погибло от 270 до 450 тыс. человек [45, с. 65; 46, с. 295], или 1.1—1.8% от 24.6-миллионного испанского населения (на 1935 г.). В ходе непродолжительной, далеко не повсеместной, но крайне свирепой гражданской войны 1793—1794 гг. Франция потеряла до 250 тыс. человек или 0.9% 28-миллионного населения. Почти такие же относительные потери оказались и в забытой теперь гражданской войне в Испании 1820—1823 гг. — примерно 100 тыс. человек из 1.2 млн жителей или 0.8%.

Приведённые сопоставления показывают не только несомненную самобытность российской Гражданской войны, но и её общие черты, связь с некоторыми тенденциями революционного движения на Западе, в Латинской Америке и на Востоке. Это подразумевает, что революция и Гражданская война в России были вызваны не только спецификой предшествовавшего развития страны и Первой мировой войной, но в какой-то мере и определённой логикой модернизации, развития политического процесса в мире, преломившейся сквозь призму отечественных условий. “Случай России, при всей его уникальности... является логичным (хотя и крайним) следствием долгой революционной традиции всей европейской цивилизации”, — писал М. Малиа [1, с. 5]. Можно лишь добавить, что не только европейской.

Разумеется, нельзя отрывать гражданскую войну от традиций страны. С этих позиций небезынтересно сопоставить её с крестьянскими войнами, которые ещё с советских времён некоторые историки считают разновидностью гражданских [47, с. 10, 31—33, 36, 40]. Представляется, что наряду с религиозными войнами их можно назвать специфическим, присущим традиционному обществу вариантом гражданских войн. Крестьянские войны также характеризовались вооружённой борьбой за власть; участием разнообразных социальных и национальных групп (при доминировании крестьянства), формированием противостоявших друг другу лагерей, созданием своих властных структур и повстанческих армий; стремлением последних идти от окраин к

центру, к столице. Вопрос об идеологии и политической программе крестьян остался дискуссионным. Так же, как и в ходе гражданских войн, религиозные мотивы в отечественных крестьянских войнах не являлись основными; главным противникам в них (в отличие от ряда таких же войн на Западе) не были в целом свойственны компромиссы, переговоры с властями и феодалами по поводу каких-то уступок. Вместе с тем, в отличие от крестьянских войн, начинавшихся на периферии, Гражданскую войну в России открыла вооружённая борьба в столице; она охватила всю страну, а не отдельные регионы; она продолжалась дольше и принесла колоссальные потери. Гражданская война была лишена феномена самозванства, монархический фактор уже не являлся главенствующим; казаки играли в ней повышенную, но не лидирующую роль. Гораздо большее значение имели новые социальные группы, появились новые факторы: иностранной интервенции; массовой пропаганды, индустрии и современных коммуникаций — железных дорог, пароходов и т.д. Итогом войны стали создание нового политического режима, существенное изменение социальной структуры и отношений собственности в стране.

Для России революция 1917 г. — самое важное событие (по “модулю”, по прямому и косвенному влиянию на историю страны) по меньшей мере за последние 160 лет. Её характер и итоги во многом определила и “конкретизировала” Гражданская война 1917–1922 гг. Она наложила неизгладимый отпечаток на большевизм и всё общество. Ценой невиданных жертв, разорения страны и её архаизации война произвела на свет и легитимизировала новую систему власти, а в целом — фундамент общественной модели, представлявшей тогда альтернативной капитализму формой развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малия М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015.
2. Леонов С.В. Российская революция на весах столетия // Революция и бунт в российской истории. М.: МПГУ, 2017.
3. Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб.: СЗАГЗ, Образование—Культура, 2003.
4. Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М.: Центрполиграф, 2007.
5. Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142–158.
6. Поляков Ю.А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117.
7. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.
8. Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
9. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
10. “Круглый стол”. Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102–115.
11. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
12. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х–90-е гг.). Архангельск: Боргес, 2000.
13. Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
14. Лайнс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997.
15. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.
16. Наумов В.П., Косаковский А.А. История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография). М.: Знание, 1976.
17. <https://www.britannica.com/topic/civil-war>.
18. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
19. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
20. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1975.
21. Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М.: РОССПЭН, 2006.
22. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983.
23. Гражданская война в СССР. В 2 т. / Под общ. ред. Н.Н. Азовцева. Т. 1. М.: Воениздат, 1980.
24. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24–39.
25. Figs O.A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. N.Y. Penguin Books, 1998.
26. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), London: Harvard univ. press, 2002.
27. Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
28. Smele J.D. The Russian Revolution and Civil War: 1918–1921. L.; N.Y.: Continuum, 2003.
29. Raleigh D. The Russian civil war, 1917–1922 // The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century / Ed. by R.G. Suny. Cambridge, 2006.
30. Smele J.D. The Russian Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. L: Hurst, 2016.

31. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018.
32. *Ненароков А.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти. Август — первая декада октября // *Меньшевики в 1917 г. В 3 т.* / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. М.: РОССПЭН, 1996.
33. *Конев А.М.* Красная Гвардия на защите Октября. Изд. 2, доп. М.: Наука, 1989.
34. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.
35. *Поляков Ю.А.* Антисоветская интервенция и её крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987.
36. Россия и СССР в войнах и конфликтах XX в. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001.
37. *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981.
38. *Коваль Б.И.* Латинская Америка: революция и современность. М.: Наука, 1981.
39. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е гг. XIX в. М.: Наука, 1991.
40. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
41. История Китая / Под ред. А.В. Мелекситова. Изд. 2. М.: Высшая школа, 2002.
42. *Хаффнер С.* Революция в Германии 1918/19 гг. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983.
43. *Васильев В.Ф.* История Мьянмы/Бирмы. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009.
44. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
45. *Волкова Г.И., Дементьев А.В.* Политическая история Испании XX в. М.: Высшая школа, 2005.
46. *Данилов С.Ю.* Гражданская война в Испании (1936–1939). М.: Вече, 2004.
47. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974.

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В 1939–1945 гг.¹

© 2020 г. В. Б. Жиромская^{a,*}, В. А. Исупов^{b,c,**}, Г. Е. Корнилов^{d,***}

^a Институт российской истории РАН, Москва, Россия

^b Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

^c Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

^d Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

*E-mail: zhyromskaya@yandex.ru

**E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

***E-mail: genakorn@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Статья посвящена оценке людских потерь в годы Великой Отечественной войны. В этих целях на базе значительного корпуса историко-демографических источников (переписей населения, данных учёта естественного движения населения, миграционного учёта) исследуется динамика численности населения РСФСР, её областей, краёв и автономных республик. Авторы предпринимают попытку представить годовую численность российского населения с 1939 по 1945 г. Составлены таблицы по численности населения тыловых и находившихся под оккупацией районов РСФСР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, людские потери, динамика численности населения, естественное движение населения, миграционные перемещения.

DOI: 10.31857/S086958732009008X

Динамика численности населения в годы Великой Отечественной войны представляет большой интерес для исторической демографии. сопоставление показателей на 1941 и 1945 гг. позволяет определить понесённые потери. Эти же цифры лежат в основе оценок естественного движения населения: без них невозможно рассчитать общие коэффициенты рождаемости, брачности,

смертности. Кроме того, в военные годы сведения о людских ресурсах использовались для определения мобилизационных возможностей страны.

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы, а также на растущий интерес к исторической демографии, до настоящего времени так и не выяснено, как менялась численность жителей Советского Союза в изучаемый период. Один из ведущих отечественных демографов Л.Л. Рыбаковский привёл в своём исследовании 11 оценок, которые колеблются в диа-

ЖИРОМСКАЯ Валентина Борисовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра истории территории и населения России ИРИ РАН. **ИСУПОВ** Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, профессор НГУ. **КОРНИЛОВ** Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала «Российская история» (2019. № 3. С. 3–17).

пазоне от 194.1 млн до 200.1 млн человек на середину 1941 г. На начало 1946 г. существует 6 оценок: от 167 до 170.6 млн человек [1]. Ещё меньше мы знаем о том, какова была численность населения РСФСР. В книге Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской опубликованы оценки на начало 1939, 1940, 1941 и 1946 гг. [2]. Однако погодные изменения показателя между 1941 и 1945 гг. так и не выяснены. Сегодня единственная работа, в которой поставлен этот вопрос, — коллективная многотомная монография сотрудников Российской академии наук “Население России в XX веке” [3].

Цифры на начало и конец войны интересуют исследователей прежде всего постольку, поскольку этот вопрос тесно связан со сложной проблемой определения масштабов людских потерь. Дискуссия на эту тему продолжается до сих пор. Одну из самых высоких оценок потерь привёл Б.В. Соколов, который утверждал, что между 22 июня 1941 г. и 1 января 1946 г. численность населения страны сократилась с 209.3 млн до 167, то есть на фантастические 42.3 млн человек [4, с. 241]. В феврале 2017 г. В.Н. Земцов оценил общую убыль ещё выше — в 52.8 млн, из них безвозвратные потери составили более 19 млн военнослужащих и около 23 млн гражданских лиц [5]. Первой реакцией на эту публикацию было возражение английского историка М. Харрисона: “Новая цифра не имеет оснований... война унесла 26–27 миллионов человек” [6]. В.Б. Жиромская также придерживается оценки убыли военных лет в 27 млн: 9.1 млн военнослужащих (в соответствии с цифрами Г.Ф. Кривошеева) и 18 млн гражданских. Сюда не включено “демографическое эхо” войны. В конце 2017 г. опубликованы предварительные оценки численности населения России и других союзных республик в 1939–1945 гг. [7, с. 46–53], которые, впрочем, нуждаются в уточнении. Однако в целом к настоящему времени исследователи с приемлемой степенью достоверности рассчитали погодные параметры количества жителей отдельных регионов РСФСР [8–16].

В настоящей статье приводятся более точные оценки, которые базируются на материалах ЦСУ СССР военных и послевоенных лет. Наша цель — рассмотреть имеющийся корпус источников историко-демографического характера, учесть в исчислениях особенности их формирования и погрешности учёта, по возможности заполнить лакуны.

Причин недостаточной исследованности проблемы обусловленных войной демографических потерь немало. Одна из главных — состояние источниковой базы. Численность и состав населения определяются на основе переписей, в межпереписные периоды они устанавливаются расчётным путём (к данным последней переписи

прибавляются родившиеся и прибывшие, а вычитаются умершие и выбывшие). Сложность состоит в том, что для исследуемого периода не хватает точных данных обо всех слагаемых расчёта.

Прежде всего укажем на фальсификацию в сторону завышения данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. (170.5 млн человек), материалы которой являются отправной точкой расчётов количества жителей СССР на начало Великой Отечественной войны [17]. На основании опубликованных в 1990 г. двух секретных писем начальника Центрального управления народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) И.В. Саутина от 10 февраля 1939 г. и письма Саутина и председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского от 21 марта того же года, адресатом которых был И.В. Сталин, известно, что подлинный результат переписи — 167.3 млн человек (включая данные спецпереписей наркоматов обороны и внутренних дел). Расхождение с официальным итогом составило 3.2 млн. Всё ли это число можно отнести к необоснованной приписке? Нет. Имело место оправданное добавление 0.2% (0.3 млн), предложенное сотрудниками НИИ ЦСУ (Научно-исследовательский институт по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации Центрального статистического управления СССР) по результатам сопоставления данных переписи 1939 г. с результатами, полученными в 1937 г., и текущей статистикой. Эта поправка была связана с традиционным у некоторых этносов сокрытием малолетних детей и несовершеннолетних жён. С учётом этого численность населения СССР на январь 1939 г. составила 167.6 млн человек, а преднамеренная фальсификация — 1.7%, или 2.9 млн. Поправка затронула и население РСФСР: она составила 2.5 млн человек, а за вычетом заключённых и военнослужащих, перераспределённых внутри России, — 1.7 млн. Что касается оправданной приписки, то для Российской Федерации она оказалась меньше — 0.1% (около 100 тыс. человек), поскольку в России указанные явления отмечались значительно реже, чем по СССР в целом. Таким образом, по переписи 1939 г. население РСФСР составляло 109.4 млн, а после вычитания неоправданной приписки — 107.8 млн человек [17, с. 49].

По отдельным регионам России и СССР приписка оказалась “трёхслойной”. Первый её элемент — добавка к общему итогу, распределённая по всем районам и населённым пунктам. Второй — перераспределение переписных листов на заключённых, третий — на военнослужащих. Архивы позволили установить адреса их перераспределения по всем районам. Учитывая это, В.Б. Жиромская рассчитала подлинную численность населения всех районов и автономий РСФСР в 1939 г. По её мнению, средняя величина добавлений составила 2.1%, однако в районах, понёсших боль-

шие потери в период голода 1932–1934 гг., процент резко повышался — от 2.4 до 10.4. Приписки в большей мере распространялись на мужское население (2.8%), нежели женское (1%).

Серьёзная трудность связана с тем, что в распоряжении историков нет достаточно полных и достоверных сведений о родившихся и умерших, несмотря на то, что к концу 1930-х — началу 1940-х годов после ряда строгих мер утвердилась единая система учёта естественного движения населения. Первичный сбор сведений о числе рождений и смертей в городах проводили отделы ЗАГС, в сельской местности и рабочих посёлках их функции выполняли сельские и поселковые советы. Любой гражданин был обязан самостоятельно явиться и зарегистрировать рождение ребёнка или смерть родственника. По истечении каждого месяца районные ЗАГСы, с 1935 г. функционировавшие на правах отделов НКВД, составляли ведомость регистрации актов гражданского состояния в двух экземплярах. Один экземпляр направлялся в ЗАГС областного (краевого, республиканского) управления НКВД, второй — районному инспектору ЦСУ, который после проверки сведений адресовал их в областные (краевые, республиканские) статистические управления, откуда они (после суммирования данных по области, краю или автономной республике) поступали в ЦСУ. Таким образом, осуществлялась неоднократная проверка сведений, но результаты зависели от работы конкретного отдела.

К концу 1930-х годов органы учёта появились практически на всей территории РСФСР. Но полный охват населения не означал, что регистрировались все демографические события. Первичные записи оказывались неполными из-за того, что не всегда граждане являлись для фиксации рождений и смертей. Особенно это касалось регистрации случаев смерти в сельской местности, поскольку там не практиковалась выдача разрешений на похороны, а погребение проводилось в соответствии с местными традициями и сопровождалось отправлением религиозного обряда. В итоге формировалась погрешность. В 1940 г. коэффициент недоучёта в РСФСР составлял по родившимся 4%, по умершим 11% [2].

Но особо значительная погрешность допускалась при определении масштабов механического прироста населения. Первичными документами статистики миграционного движения в РСФСР являлись адресные листы и прилагавшиеся к ним отрывные талоны. Они заполнялись при прописке и выписке паспортов домоуправлениями, коммандантами общежитий и другими ответственными лицами и передавались в паспортные столы милиции. Последние предоставляли талоны инспекторам ЦСУ, которые после обработки данных по району передавали материалы в област-

ные, краевые и республиканские статуправления. Те, в свою очередь, направляли сведения о количестве прибывших и выбывших в ЦСУ, где выводились обобщённые сведения по стране.

Но на деле фиксация осуществлялась с пропусками. Колхозники были лишены паспортов, не выдавались они и единоличникам. Таким образом, перемещения значительной части сельского населения не регистрировались. Кроме того, имевшие паспорта не всегда оформляли прописку или выписку. Многим из них отказывали органы милиции, и они были вынуждены проживать в городах нелегально. Ещё в начале 1941 г. начальник отдела демографии ЦСУ СССР И.Ю. Писарев отмечал, что прописка производится не полностью, кроме того наблюдается значительная недовыписка, что ведёт к преувеличению прироста городского населения (см. указания к составлению предварительного расчёта общей численности населения на 1 января 1941 г. [18, л. 84–85]). С началом войны, когда в тыловые города хлынул многомиллионный поток беженцев, небрежность усилилась. В письме от 26 августа 1941 г., адресованном начальникам территориальных статуправлений, Писарев отмечал: “Наибольшие трудности связаны с исчислением механического движения населения. При этом расчёте ни в коем случае не следует без критики принимать отчётные цифры, так как материалы милиции о прописке и выписке могут оказаться неточными” [18, л. 137]. Выявление масштабов механического прироста населения затрудняло распоряжение Главного управления милиции от 24 ноября 1941 г., отменившее заполнение отрывных талонов на эвакуированных [19, л. 18].

Сбой в работе органов статистики обусловливался территориальными перемещениями миллионов людей (эвакуация, мобилизация и т.д.), значительным повышением смертности, изменениями границ учёта в связи с оккупацией западных территорий страны. Отдельные учреждения временно прекратили работу в связи с переездом на восток. Только 31 декабря 1941 г. последовало распоряжение начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского о преодолении беспорядка в учёте. Адресованное руководителям региональных статуправлений, оно устанавливало сроки предоставления оперативной группе ЦСУ, эвакуированной в Куйбышев, важнейшей информации. Строго предписывалось 1–5 числа каждого месяца телеграфно направлять предварительный расчёт численности населения. Не позднее 20 числа каждого месяца необходимо было почтовым отправлением сообщить уточнённый расчёт [18, л. 177]. Этим сведениям придавалось особое значение. “Работа по статистике населения должна стать одной из основных в работе областных (краевых, республиканских) статуправлений”, — писал Старовский 7 февраля 1942 г. [20, л. 34]. Подчёркивая

важность ежемесячных расчётов, И.Ю. Писарев, ставший к тому времени заместителем главы ЦСУ, в письме от 15 июня 1943 г. подчёркивал: “Расчёты должны обязательно детально проверяться начальником статистического управления и должны представляться в вышестоящие статистические управления за подписью начальника” [21, л. 19].

Власти принимали строгие меры для улучшения учёта. Так, в 1943 г. было восстановлено заполнение отрывных листков на эвакуированных [22, с. 39]. Аккуратнее относиться к оформлению прописки вынуждало введение карточной системы, так как от этого зависело получение продуктовых карточек. Важную роль играло распределение эвакуированных, направляемых на подселение в жилые помещения. Во избежание перенаселённости граждане должны были строже соблюдать правила. Большое значение имело ужесточение паспортного контроля. Органы милиции организовывали контрольные обходы жилищ и даже облавы в местах скопления людей, проверяя паспорта и выявляя граждан, проживавших без прописки. Нарушение паспортного режима считалось уголовным преступлением и каралось по ч. 1 ст. 192-а УК РСФСР. Перечисленные меры несколько улучшили состояние учёта, но кардинально исправить ситуацию не позволяли. До самого конца войны регистрация механического движения населения велась со значительными погрешностями.

Вместе с тем появились дополнительные методы учёта, которые давали статистикам возможность сократить величину ошибок. В сельской местности опорными были данные похозяйственного учёта, проводившегося сельсоветах. В специальных книгах фиксировались колхозники, рабочие, служащие, кооперированные и некооперированные кустари, единоличники и др. Учитывались воспитанники сельских детских домов и пансионеры домов инвалидов. С января 1943 г. фиксировались и временно проживавшие, в их числе отдельно отмечались эвакуированные. Книжки заполнялись секретарями сельсоветов в ходе подворных обходов, которые осуществлялись 2 раза в год — 1 января и 1 июля. В сущности, проводилась своего рода микроперепись, дававшая приемлемые сведения [23, с. 205, 206; 24, с. 260–262]. На основании указания заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова Старовский 21 ноября 1942 г. издал приказ, согласно которому статистикам с 1 января 1943 г. разрешалось использовать материалы сельсоветского учёта для определения количества жителей как по стране в целом, так и по её отдельным регионам. Этим же приказом утверждалась форма “С”: “Единовременный отчёт о возрастном и половом составе сельского населения” [25, л. 13]. Таким об-

разом, статистики значительно расширили информационную базу по учёту сельского населения.

В городских поселениях учёт имел свои особенности. Здесь сильной стороной оказалась регулярная сверка с данными карточных бюро. С 1 января 1943 г. с целью упорядочить выдачу продкарточек и пресечь злоупотребления вводились индивидуальные стандартные справки. Лица, не оформившие их, лишались карточек. Статистики учитывали и группы, которые не получали карточек, но состояли на гособеспечении: детей в детских домах, инвалидов, граждан, находившихся в больницах, и т.д. Сведения о них предоставляли руководители этих учреждений. Таким образом, с начала 1943 г. учёт в городах не только улучшился, но и стал тотальным.

Большие трудности для расчётов численности населения страны представляли изменения её внешних границ. В отличие от Советского Союза в целом, чьи внешние границы после 17 сентября 1939 г. заметно расширились, изменения границ РСФСР в 1939 — июне 1941 г. были незначительными. Но после начала войны из сферы контроля органов советской статистики выпали оккупированные районы. Если в 1940 г. учёт в РСФСР охватывал 108.8 млн человек [26, л. 57], то к декабрю 1941 г. на неоккупированной территории осталось приблизительно 73 млн [27, л. 1]. Через год, к декабрю 1942 г., эта цифра сократилась до 68 млн [28, л. 4]. В последующем наступление Красной армии, напротив, расширяло учётные территории, где работа статорганов возрождалась в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 марта 1943 г. “О восстановлении учёта и отчётности в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов” [29, с. 3]. В декабре 1943 г. в РСФСР контролировалось примерно 76 млн человек [30, л. 159].

Для расчётов численности населения большое значение имели частые изменения административно-территориального деления. Их требовалось учитывать обязательно, поскольку в военные годы происходило дробление крупных регионов. Так, в 1940 г. в РСФСР имелось 52 единицы управления (36 краёв и областей и 16 автономных республик), а в 1945 г. — уже 73 (61 край и области и 12 автономных республик) [31, с. 7; 32, с. 10]. Яркий пример — Новосибирская область, из состава которой в военные годы были выделены Кемеровская и Томская области, и если в границах довоенных лет её площадь составляла 582 тыс. км², то в конце войны — немногим более 178 тыс. [10, с. 9].

На соотношение численности городских и сельских жителей большое воздействие оказывали административный перевод некоторых сельских населённых пунктов в городские, создание новых городов и рабочих посёлков, утрата некоторыми городскими поселениями своего статуса.

В 1942–1945 гг. в СССР (без присоединённых в 1939–1940 гг. территорий) появилось 73 города и 265 посёлков городского типа. Из 73 новых городов 59 ранее являлись посёлками городского типа, 10 превратились в города непосредственно из сельских населённых пунктов, 4 возникли что называется на пустом месте. В годы войны 20 посёлков городского типа слились с городами в результате расширения территории последних, 1 город был преобразован в посёлок городского типа, а 6 таких посёлков “разжалованы” в сельские поселения [33, с. 76–78].

Чтобы контролировать административно-территориальное устройство, статистики вели специальную картотеку. Туда заносились изменения, влиявшие на увеличение или уменьшение числа жителей или на баланс городского и сельского населения в районах, областях, краях, республиках [34, л. 1]. От тщательности ведения картотеки зависело многое и, учитывая важность работы, в отделе демографии ЦСУ в 1944 г. разработали на этот счёт специальные инструктивные указания [35, л. 27].

В итоге к 1943 г. сложилась матрица, на основании которой велись ежемесячные расчёты заселённости отдельных регионов. Применяя её, местные статистики получали приемлемые сведения. Затем материалы передавались в центральные статорганы для получения сводных данных по стране. Приведём образец расчёта количества жителей тылового района РСФСР на 1 января 1944 г. [36, л. 9].

И. Форма “Н”: расчёт на основе текущей регистрации естественного и механического движения населения.

	Городское	Сельское	Всего
1. Численность населения на 1 декабря 1943 г.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
2. Естественный прирост за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
3. Прибыло за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
4. Выбыло за декабрь	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
5. Изменения за счёт административно-территориальных преобразований	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
6. Численность населения на 1 января 1944 г.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
В том числе прибывшие по эвакуации	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.

II. Вспомогательный расчёт городского населения на основе индивидуальных стандартных справок для получения хлебных карточек.

А. Число всех выданных за январь хлебных карточек.

Б. Число карточек, выданных лицам, которые не должны входить в численность наличного городского населения (минус).

В. Число городских жителей, не получающих хлебных карточек (плюс).

Г. Численность наличного городского населения на 1 января (после сверки с данными формы “Н”) – тыс. человек.

	Число наличных хозяйств (по данным сельсоветского учёта)	Численность населения (итоговая)
I. Городское	Х	тыс. чел.
II. Сельское	тыс.	тыс. чел.
а) колхозники	тыс.	тыс. чел.
б) единоличники	тыс.	тыс. чел.
в) другие группы	тыс.	тыс. чел.
Итого сельское население	тыс.	тыс. чел.
Всего (I + II)	Х	тыс. чел.

III. Форма “Р” (итоговая). Численность городского и сельского населения.

Изучив архивные документы ЦУНХУ (с марта 1941 г. – ЦСУ) СССР, мы пришли к выводу, что, несмотря на проблемы с сопоставимостью данных и наличием погрешностей при учёте, сведения за 1940–1945 гг. имеют достаточную степень достоверности. Таким образом, в распоряжении историков – динамика численности населения РСФСР и отдельных её регионов в годы Второй мировой войны. По освобождённым от неоправданных приписок итогам Всесоюзной переписи население РСФСР насчитывало в январе 1939 г. 107.8 млн человек [37, с. 23]. Но 31 марта 1940 г. Карельская АССР получила статус союзной республики. В границах, сопоставимых с границами на 31 марта 1940 г., в России в январе 1939 г. проживало бы 107.3 млн человек. На базе этих данных работники ЦСУ СССР провели расчёты количества жителей на начало 1940 и 1941 гг. (табл. 1).

По расчётам Андреева, Дарского и Харьковской, население РСФСР на начало 1940 г. составляло 109.7 млн, а на начало 1941 г. – 111 млн человек [2]. Стоит отметить, что современные оценки, даже при наличии более или менее существенных уточнений, вполне согласуются с оценками статистиков начала 1940-х годов. Получить цифры

Таблица 1. Динамика численности населения РСФСР в годы Второй мировой войны по оценкам ЦСУ СССР на основе данных региональных статистических управлений, тыс. человек

Дата	Оценки ЦСУ СССР			Оценки с учётом коррекции данных		
	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего
1 января 1940 г.*	38298.1	72193.1	110491.2	37915	71471.1	109386.1
1 января 1941 г.*	39272.5	72266.9	111539.4	38879.8	71544.2	110424
1 января 1942 г.**	33620.2	57159.9	91159.9	33284	56588.3	89872.3
1 января 1943 г.**	28833.2	49791.8	78625	28544.9	49293.9	77838.8
1 января 1945 г. **	34324	55992	90316	33977.8	55432.1	89409.9
1 мая 1945 г.**	34905.5	53068	87973.5	34556.4	52537.3	87093.7
1 сентября 1945 г.**	35387	53326	88713	35033.1	52792.7	87825.8

Подсчитано по: [41, л. 2 об., 31–31 об., 60 об.; 42, л. 40; 43, л. 113; 38, л. 17, 18, 111, 112; 39, л. 119, 120, 121].

* В сопоставимых границах РСФСР 1941 г., включая армию, госпитали и спецконтингент.

** Без оккупированных территорий, армии, госпиталей и спецконтингента.

Таблица 2. Численность населения СССР и РСФСР по оценке ЦСУ СССР, тыс. человек

Территория	1 января 1941 г.			1 января 1945 г.*		
	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего
СССР	65 304	133 284	198 588	51 961	102 676	170 637*
РСФСР	39 304	72 441	111 745	34 992	55 992	90 316**

Подсчитано по: [39, л. 119].

* В том числе не распределено по территории 16 млн человек.

** Без нераспределённых по территории.

такой степени точности в условиях неполной регистрации демографических событий — большое достижение статистической науки тех лет. Однако в настоящее время необходимо внести коррекцию в интервале 0.9–1.4% в сторону уменьшения представленных данных

Ещё в годы войны работники центральных статистических органов, имея в виду изменения территориально-административного деления страны, проделали несколько пересчётов. Согласно оценке конца 1943 г., население РСФСР на начало 1941 г. составляло 111.5 млн человек [38, л. 111], при переоценке 1945 г. — 111.7 млн [39, л. 119]. Основная причина изменений — более детальный учёт миграционных перемещений.

Но если оценки численности населения РСФСР на начало и конец Второй мировой войны сопоставимы, то обнаруженные нами данные за 1942–1944 гг. друг с другом не соотносятся. Во-первых, из-за того, что в цифры по переписи 1939 г. и расчётам на 1940 и 1941 гг. включалась численность вооружённых сил, военнослужащих в госпиталях, а также спецконтингент. В 1942–1945 гг. эти группы учитывались отдельно как “нераспре-

делённые по территории”, а в документах стоит пометка: “Без армии, госпиталей и спецконтингента”. Во-вторых, статистики сталкивались с очевидной несовместимостью данных в территориальном аспекте, так как учётные территории в связи с оккупацией быстро и значительно менялись.

В 1945 г. статистики (очевидно, с целью установить потери военных лет) ещё раз вернулись к расчётам численности населения на начало и конец войны. На этот раз были приняты во внимание лица, нераспределённые по территории (за исключением депортированных в Германию). Из результатов следует, что население СССР в указанные годы сократилось на 27.9 млн человек (табл. 2). Это очень приблизительные оценки.

Как уже говорилось, при сопоставлении годовых данных численности населения РСФСР за 1941–1945 гг. возникают определённые трудности. Следует учитывать, что точно определить количество военнослужащих, солдат и офицеров в госпиталях и спецконтингента, дислоцированных на территории собственно РСФСР в 1941–1945 гг., не представляется возможным. В этих условиях мы предлагаем оценочный расчёт по отдельным регионам республики (табл. 3).

Таблица 3. Динамика численности населения отдельных территорий РСФСР (оценка ЦСУ СССР), тыс. человек*

Экономический район**	1 января 1941 г.			1 января 1943 г.***			1 мая 1945 г.		
	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего	городское население	сельское население	всего
Север и Северо-Запад, в том числе Ленинград	5209.5	4906.3	10115.8	8601	2205.8	3065.9	73.2	3016.9	5290.1
Центр, в том числе Москва	3155	—	3155	690	—	690	1027	—	1027
Центрально-Чернозёмный район	12031.3	19165.7	31197	5108.4	9828.8	14937.2	9687.1	13984.6	23671.7
Волго-Вятский район	4357.8	—	4357.8	2743.6	—	2743.6	3361	—	3361
Поволжье	995.2	4345.4	5340.6	283	1273.2	1557	801.8	3234.3	4036.1
Юг (Северный Кавказ)	1987.2	7033.2	9020.4	2223.4	6398.3	8621.7	2206	4937	7143
Крымская АССР	3752	9311.7	13063.7	3332.2	6653	9985.2	3795	7004.9	10799.9
Урал	3240.2	7443.1	10683.3	563.5	1437.1	2000.6	2392.5	5253.7	7646.2
Сибирь	614.1	566.1	1180.2	—	—	—	264.3	305.5	569.8
Дальний Восток	5236.3	8736.1	13972.4	6611.4	8750.1	15361.5	6360.2	6534.3	12894.5
	4814	9709	14523	5494.5	9105.4	14599.9	5520.8	7566.9	13087.7
	1539.5	1621.7	3161.2	1577.5	1528.2	3105.7	1604.6	1229.6	2834.2

Подсчитано по: [44, л. 53–54 об.; 39, л. 119–122].

* По административно-территориальному устройству 1945 г.

** Экономическое районирование 1945 г.

*** Без районов, подвергшихся оккупации.

Таблица 4. Численность населения территорий РСФСР, находившихся под оккупацией, тыс. человек*

I. Оккупированные полностью						
Территория	1 января 1941 г.		1 января 1944 г.		1944 г. в % к 1941 г.	
Ростовская обл.	2 979.2		2 177.6		73.1	
Ставропольский край	1 758.8		1 345.7		76.5	
Курская обл.	2 958.9		2 376.9		80.3	
Орловская обл.	1 663.1		1 135.8		68.3	
Смоленская обл.	1 942.8		1 025.4		52.8	
Крымская обл.	1 180.2		484**		41	
Кабардинская АССР***	367.2		314.6		85.7	
Брянская обл.	1 790.8		1 187.9		66.3	
Великолукская обл.	1 031.4		324.9		31.5	
Псковская обл.	784.6		290.6**		37	
II. Оккупированные частично						
Территория	1 января 1941 г.		1 января 1944 г.		1944 г. в % к 1941 г.	
	всего	в оккупиро- ванных районах	всего	в оккупиро- ванных районах	всего	в оккупиро- ванных районах
Воронежская обл.	3513.3	2158.4	2 558	900.9	72.8	41.7
Тульская обл.	1628	1322.2	1190.1	794.5	73.1	60.1
Сталинградская обл.	1879.8	276	1322	199	70.3	72.1
Астраханская обл.	784.8	58.6	564.5	18.5	71.9	31.6
Краснодарский край	3239.9	3 055.9	2 399.9	2286.1	74.1	74.8
Московская обл.	5387.4	1796.2	3 807.4	1202.7	70.7	67
Ленинградская обл.	1547.3	1098.2	213.3	55.8	13.8	5.1
Новгородская обл.	1165.5	473.3	391.8	72.6	33.6	15.3
Калининская обл.	2156.1	900.7	1572.7	499.5	72.9	55.5
Северо-Осетинская АССР	496.7	194.2	413.8	170.4	83.3	87.7
Грозненская обл.	644	86	481.7	49.2	74.8	57.2

Подсчитано по: [41, л. 9–10].

* Ориентировочные расчёты ЦСУ СССР в административных границах на начало 1945 г.

** На 1 июля 1944 г.

*** Без территории компактного проживания балкарцев.

Во всех без исключения регионах отмечается убыль населения. Особенно сильно пострадали Север и Северо-Запад (включая Ленинград), центр (включая Москву), Центральное Черноземье, а также Юг, которые были зоной военных действий, подверглись полной или частичной оккупации. Жители этих территорий бежали на восток или пострадали от геноцида, репрессий оккупационных властей, высокой смертности вследствие тяжёлых условий жизни, голода и болезней. Мы располагаем расчётами ЦСУ СССР, которые конкретизируют число людских потерь в регионах, подвергшихся оккупации (табл. 4).

Население городов, оказавшихся в районах боевых действий, резко сократилось. На начало января 1941 г. в Ленинграде проживало 3155 тыс. человек. В годы войны город испытал настоящую демографическую катастрофу: к 1 января 1942 г. его население сократилось до 1900 тыс. человек, к 1 января 1943 г. — до 690 тыс. Накануне снятия блокады (начало января 1944 г.) в нём оставалось (без армии, госпиталей и спецконтингента) лишь 558 тыс. человек, то есть убыль оказалась почти шестикратной. Впрочем, к концу войны в Ленинграде проживало уже 1027 тыс. человек.

Уменьшилась в первые военные годы населённость ранее быстро разраставшейся Москвы.

Рис. 1. Всё население РСФСР в 1945/1941 гг., %

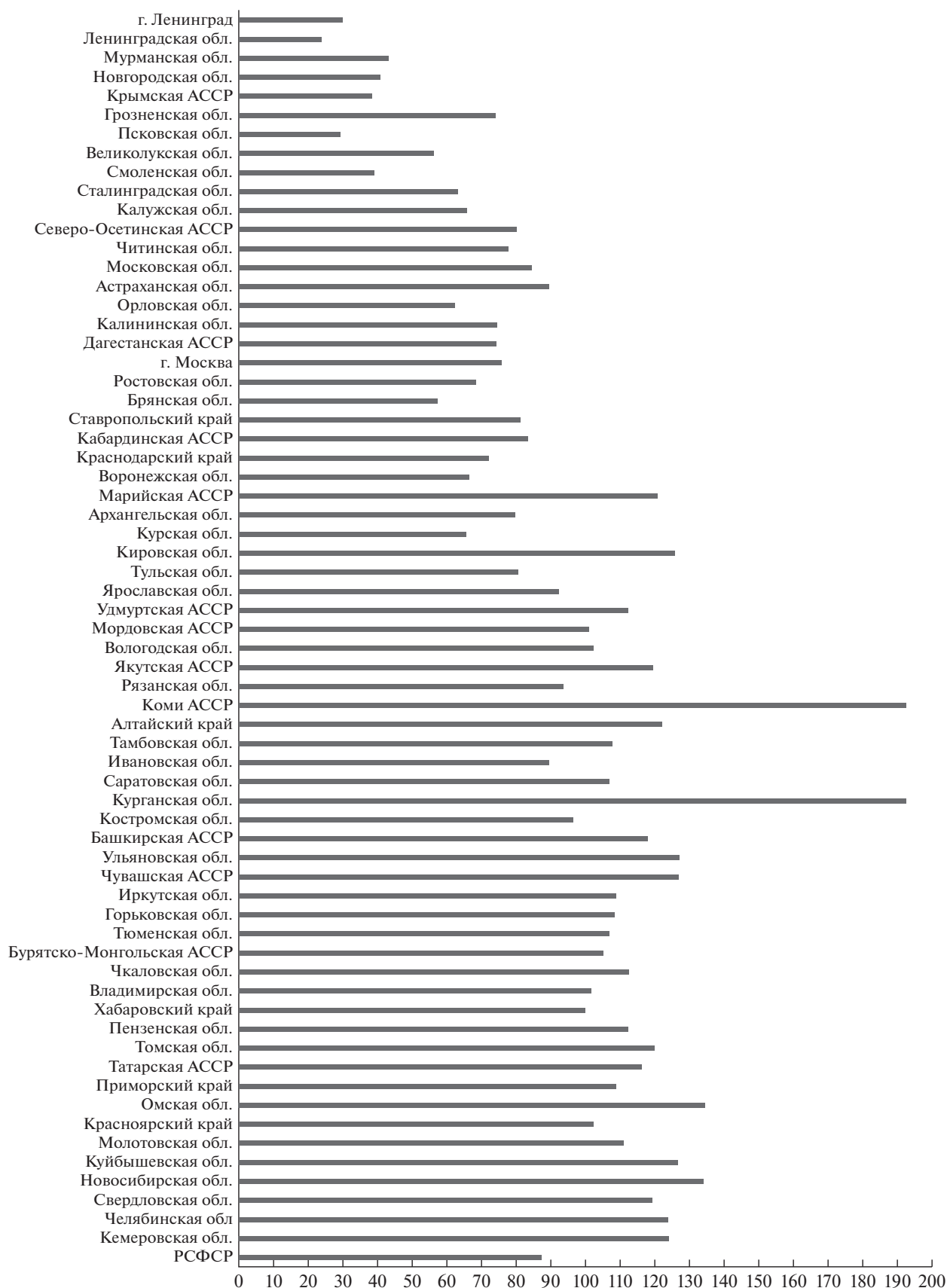

Рис. 2. Городское население РСФСР в 1945/1941 гг., %

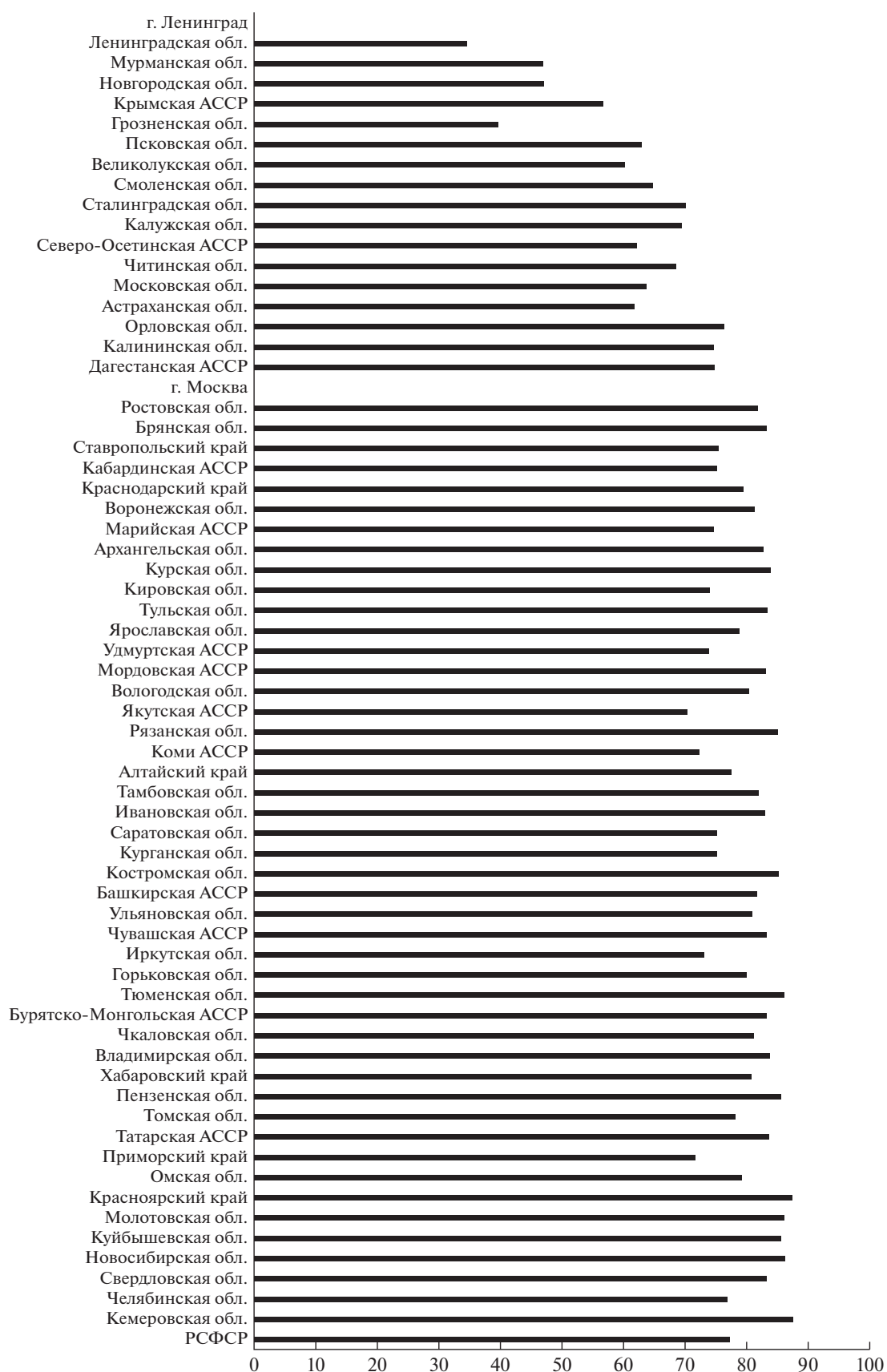

Рис. 3. Сельское население РСФСР в 1945/1941 гг., %

Значительная часть жителей столичного региона была эвакуирована в тыл. К 1 января 1942 г. в самом городе оставалось всего 2361,5 тыс. человек [38, л. 111, 168]. После разгрома немецко-фашистских войск его население начало быстро восстанавливаться, и на 1 января 1943 г. насчитывалось уже 2743,6 тыс. жителей (см. табл. 3).

Диаграммы (рис. 1, 2, 3) демонстрируют соотношение численности населения по областям, краям и автономным республикам РСФСР по состоянию на 1 января 1945 г. относительно 1 января 1941 г. В тех тыловых регионах, которые превратились в крупные центры военного производства, численность горожан увеличилась. Туда переместились промышленные предприятия, в первую очередь оборонного значения, часть квалифицированных рабочих и ИТР. Персонал заводов в ходе трудовых мобилизаций и стихийных миграций пополнялся сельской молодёжью. Население росло и за счёт эвакуированных и беженцев. В 1941–1943 гг. восточные районы в ходе эвакуации приняли около 6 млн граждан [40, с. 115]. Вместе с тем темпы роста численности горожан в военные годы по сравнению с мирным периодом заметно сократились даже в индустриальных центрах. Причиной тому стали воинские мобилизации и отрицательный естественный прирост населения.

Но если города испытывали демографический кризис, то деревня, которая вынесла на своих плечах непомерную тяжесть войны, пережила подлинную демографическую катастрофу. Её население, являвшееся главным источником людских ресурсов для военной и трудовой мобилизации, заметно сократилось. Изменился возрастной и половой состав, в котором резко выросла доля женщин, детей и мужчин пожилого и престарелого возраста. Сокращение и изменение демографической структуры села наблюдалось во всех областях и республиках РСФСР, его демографический потенциал оказался существенно подорван.

Необходимо отметить, что общая численность населения сократилась во всех без исключений союзных республиках, но особенно значительно — в тех из них, где проходили боевые действия и которые находились в оккупации. К началу 1945 г. убыль отмечалась: в Карело-Финской ССР — на 371 тыс. (67,7%); Латвии — на 787 тыс. (41%); Украине — на 13 300 тыс. (32,5%); Белоруссии — на 2774 тыс. (29,8%); Молдавии — на 528 тыс. (20,8%); Эстонии — на 210 тыс. (19,8%); Литве — на 597 тыс. (19,7%); РСФСР — на 21 429 тыс. (19,2%).

Представленные в статье данные позволяют восстановить динамику численности населения в военные годы в России в целом и ряде её регионов. Война оказала воздействие на все стороны

жизни страны, в первую очередь на демографическую подсистему общества. По расчётам статистиков военного времени, с начала 1939 г. до 1 сентября 1945 г. численность жителей РСФСР сократилась приблизительно на 21,5 млн человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. <http://rybakovsky.ru/demografia4.html>
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. http://demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html
3. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 / Под ред. Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2001.
4. Соколов Б.В. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000.
5. Вечерняя Москва. 2017. 19 февраля.
6. Harrison M. Counting the Soviet Unions War Dead: Still 26–27 Million. https://www.academia.edu/33190310/Counting_the_Soviet_Unions_War_Dead_Still_26-27_Million
7. Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 46–53.
8. Ткачёва Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010.
9. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993.
10. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991.
11. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар: УрО РАН, 2003.
12. Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014.
13. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2000.
14. Чернышёва Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2012.
15. Бельков А.В., Заболотская К.А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2015.
16. Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демогра-

- фические аспекты. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016, 2015.
17. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001.
 18. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 239.
 19. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1025.
 20. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 340.
 21. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 404.
 22. Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). М., 1943.
 23. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М.; Куйбышев, 1943.
 24. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М., 1945.
 25. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 314.
 26. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 402.
 27. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 553.
 28. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 794.
 29. Материалы и указания по организации учёта и статистики в областях и районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов. М., 1944.
 30. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 796.
 31. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 г. М.: Изд-во “Ведомостей Верховного Совета РСФСР”, 1940.
 32. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. М., 1945.
 33. *Константинов О.А.* Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные записки Ленинградского финансово-экономического института. Вып. 12. Л., 1956. С. 67–187.
 34. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 189.
 35. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 471.
 36. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 479.
 37. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992.
 38. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1452.
 39. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2219.
 40. *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112–121.
 41. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564.
 42. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 391.
 43. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 406.
 44. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 241.

СОВЕТСКИЕ НАРКОМАТЫ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

© 2020 г. О. В. Хлевнюк

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

E-mail: okhlevniuk@hse.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье анализируется малоисследованный феномен сочетания централизации и децентрализации в управлении советской экономикой в условиях Великой Отечественной войны. Децентрализация управления рассматривается как механизм корректировки противоречий централизованного планирования и расширения самостоятельности производителей. Проблема исследуется на примере оперативной деятельности советских наркоматов, их взаимодействия между собой и с высшим руководством СССР. В центре внимания находятся два взаимосвязанных процесса. Первый — стабилизация корпуса хозяйственных руководителей и наделение их дополнительными формальными полномочиями. Второй — неформальные и несанкционированные практики децентрализации, применявшиеся руководителями наркоматов для достижения поставленных перед ними целей. Статья основана на изучении комплекса архивных документов, прежде всего постановлений Государственного комитета обороны СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советские наркоматы, централизация и децентрализация управления, формы и методы децентрализации.

DOI: 10.31857/S0869587320090030

Военно-мобилизационная система управления экономикой сложилась в СССР задолго до нападения нацистской Германии. Выйдя из кровопролитной Гражданской войны, большевики сразу же начали подготовку к новым столкновениям с мировым капитализмом. Этим целям служили форсированная индустриализация, коллективизация и массовые репрессии, в ходе которых

утверждалась мобилизационная машина управления. Её характерной чертой было стремление к абсолютной централизации, что подразумевало распределение наличных ресурсов и регулирование их производства из единого центра, максимальное ограничение самостоятельности производителей, товарно-денежных отношений и частной инициативы, широкое применение административно-репрессивных мер. Дополнительный импульс формированию такой модели придало начало Второй мировой войны. В последующие почти два года сталинское правительство форсировало мобилизацию ресурсов страны на военные нужды. Соответственно дорабатывался аппарат военно-мобилизационного управления экономикой.

С учётом этих реалий не удивительно, что проблемы партийно-государственного руководства страной в годы войны традиционно рассматриваются в историографии прежде всего с точки зрения усиления централизации. Помимо очевидных содержательных причин такой подход во многом объясняется характером доступных и востребованных источников. Например, в новейшей историографии введение в оборот большого

ХЛЕВНЮК Олег Витальевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий НИУ “ВШЭ”.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2018. № 4. С. 58–72).

количества директивных материалов (в первую очередь постановлений ГКО СССР) позволяет детально исследовать существенные централизаторские устремления высшего руководства страны [1, 2]. Вместе с тем информация о реальном воплощении этих установок в жизнь (более трудоёмкая, с точки зрения выявления) представлена пока в недостаточной степени. Но именно эти сведения, как будет показано ниже, свидетельствуют о более сложном сочетании централизации/децентрализации в развитии советской административной системы.

Важной составляющей аппарата военно-мобилизационного управления в СССР являлись институты руководства военной экономикой. Долгое время их деятельность освещалась на основе изучения доступных партийно-государственных директив и преимущественно позитивных тенденций развития народного хозяйства страны [3–5]. Авторы современных обобщающих работ по истории Великой Отечественной придерживаются в этом вопросе в основном традиционных подходов [6]. Как только многие архивы были открыты для исследователей, началось более глубокое изучение показателей развития советской экономики рассматриваемого периода [7–9]. Несмотря на то что для понимания механизмов её функционирования все эти работы очень важны, они не охватывают многих существенных вопросов. Пока предпринимаются лишь первые попытки анализа реальных практик управления на уровне отдельных отраслей [10–12]. Ограничены наши знания и о методах, при помощи которых была обеспечена жизнеспособность советской экономики в критические периоды войны, а затем её рост. В связи с этим одной из ключевых остаётся проблема соотношения централизации и децентрализации (центробежности, автономности) в советской военно-мобилизационной экономике.

Представления о том, что централизация, доведённая до значительных пределов, способна сама по себе гарантировать действенность военной экономики, нуждаются в подтверждении конкретно-историческими исследованиями. Между тем многочисленные факты, пока ещё плохо изученные и систематизированные, позволяют историкам априори ставить вопрос о взаимодействии централизации и децентрализации как необходимым условием успешной мобилизации [13, р. 208–236; 14, р. 497–506]. В общем виде такая модель балансов может быть представлена следующим образом. Повышение централизации сверх определённого уровня вело к управленческому ступору, поскольку детальные согласования действий многочисленных агентов системы в оптимальные сроки становились невозможны. Легальная и нелегальная децентрализация, напротив, позволяли оперативно маневрировать ресурсами в усло-

виях ежедневно менявшейся обстановки. Однако самостоятельность низовых звеньев управления в советской плановой системе порождала существенные противоречия. Ведомственные и региональные интересы угрожали экономическим связям, вызывали такие же разрывы в кооперации, к которым приводила неповоротливая централизация. В результате в пограничных межведомственных и межрегиональных зонах нарастало напряжение. Централизация и интервенции сверху отчасти гасили это напряжение, создавая одновременно предпосылки для возникновения новых форм децентрализации, стимулирующих гибкость управления. Именно такое взаимодействие и одновременное усиление централизации и децентрализации обеспечивали жизнеспособность советской мобилизационной системы в чрезвычайных условиях войны.

Цель данной статьи – проверка гипотезы о роли децентрализации на материалах, характеризующих работу советских наркоматов и их взаимодействие между собой и с высшим руководством СССР в 1941–1945 гг. В центре внимания будут два взаимосвязанных процесса. Первый – стабилизация корпуса хозяйственных руководителей и наделение их дополнительными формальными полномочиями в связи с началом войны, второй – неформальные и несанкционированные практики децентрализации, применявшиеся руководителями наркоматов для достижения поставленных перед ними целей. В совокупности рассмотрение этих проблем позволяет исследовать предпосылки и движущие силы децентрализации, её роль в обеспечении действенности военной экономики.

Стабилизация хозяйственных кадров. В 1936–1938 гг. в ходе массовых репрессий против номенклатурных кадров произошла замена примерно половины хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б) – от наркомов до руководителей крупных предприятий. Уничтожение значительной части специалистов вызвало серьёзные экономические трудности. Многие новые работники не справлялись со своими обязанностями, так как не обладали необходимыми знаниями и опытом. Это вызывало дальнейшее перемещение кадров.

Однако во время войны произошла относительная стабилизация корпуса руководителей ведомств. В 22 из 36 хозяйственных наркоматов, действовавших в период войны, наркомы не менялись вообще. В Наркомате среднего машиностроения смена его главы произошла в связи с созданием Наркомата танковой промышленности и назначением его руководителем прежнего наркома среднего машиностроения В.А. Малышева. В наркоматах лесной промышленности и электростанций их бывшие руководители умерли. В Нар-

комате морского флота нарком ушёл с должности в связи с болезнью. Таким образом, в 26 наркоматах из 36 их руководители во время войны либо не менялись, либо были заменены в силу естественных причин [15].

Ротация руководства остальных десяти наркоматов проводилась по мягкому, не репрессивно-му сценарию. В наркоматах боеприпасов, заготовок и земледелия прежние наркомы назначались заместителями у новых. Снятые руководители, таким образом, сохраняли свои посты и в последующем продолжали карьерный рост, в том числе возвращаясь на должности наркомов. К этим трём случаям вплотную примыкают сценарии перемещения наркомов в наркоматах связи и нефтяной промышленности. Военный связист И.Т. Пересыпкин был поставлен во главе Наркомата связи в 1939 г. Большую часть войны он совмещал эту должность с руководством Главным управлением связи РККА. В 1944 г. его заменили на посту наркома, но сохранили в должности начальника армейской связи. Нарком нефтяной промышленности И.К. Седин занимал этот пост с 1940 до конца 1944 г. Затем его назначили наркомом текстильной промышленности СССР. До определённой степени это означало опалу, однако “мягкую”.

В наркоматах танковой промышленности и путей сообщения СССР происходили кратковременные должностные рокировки. Нарком танковой промышленности СССР Малышев попал под удар в связи с трудностями развития отрасли на начальном этапе войны. 1 июля 1942 г. Малышев был снят с должности наркома и заменён директором Кировского завода И.М. Зальцманом [16]. Однако Малышев сохранил свои позиции в руководстве танковой промышленности. Он был назначен заместителем члена ГКО В.М. Молотова — по контролю над производством танков [17, л. 112]. С большой долей уверенности можно предположить, что И.В. Сталин создавал ситуацию соперничества в руководстве отрасли, стимулировал административную активность старого и нового наркомов, наблюдая за результатом. В итоге через год всё было приведено к прежнему положению. Малышева вновь назначили наркомом, а Зальцмана в качестве директора вернули на Кировский завод [18, л. 2—4].

Аналогичные перестановки происходили в Наркомате путей сообщения СССР, одном из самых сложных ведомств в советской управленческой машине. Постоянные разрывы в транспортной системе заставляли Сталина уделять ей особое внимание и предпринимать многочисленные административные реорганизации и кадровые замены. Наркомом путей сообщения на начальном этапе войны был один из сталинских соратников, член Политбюро и член ГКО СССР, заместитель

председателя СНК СССР Л.М. Каганович. Однако весной 1942 г. в связи с усилением кризиса на железных дорогах Каганович оказался в опале. Согласно некоторым мемуарным свидетельствам, Сталин публично обвинил его в некомпетентности [19]. 25 марта 1942 г. Сталин подписал постановление ГКО, в котором говорилось: Каганович как нарком путей сообщения “не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки” [20]. Бывший нарком был отправлен в действующую армию, не утратив свои позиции члена Политбюро и ГКО. Однако после года опалы Сталин вернул Кагановича в Наркомат путей сообщения [21]. Примерно через два года он опять лишился этой должности [22], но при этом остался членом Политбюро, ГКО и заместителем председателя СНК СССР.

В конечном счёте, во время войны только в трёх наркоматах из 36 руководителей сняли в связи с обвинениями в плохой работе и удалили из высших эшелонов номенклатуры. Однако и они не были арестованы и получили руководящие посты в низовых структурах аппарата управления. Это были наркомы: электропромышленности — В.В. Богатырёв (снят с поста в августе 1941 г.), химической промышленности — М.Ф. Денисов (в феврале 1942 г.) и целлюлозной и бумажной — Н.Н. Чеботарёв (в мае 1944 г.).

Высокий уровень стабильности в руководстве наркоматов обеспечивал относительную безопасность директорам предприятий. Хотя в целом кадровая ротация на уровне предприятий была заметной, в том числе в связи с невыполнением производственных планов, она не имела характера сплошных чисток, как это происходило до войны. В ряде случаев опальные руководители, даже отданные под суд, сохраняли свободу и продолжали работать на своих предприятиях, но на инженерных должностях [10, с. 70, 71]. Судя по отдельным данным, стабильность директорского корпуса усиливалась по мере преодоления общего кризиса начального этапа войны и приближения к победе [23, с. 17—21].

Расширение прав наркомов. После начала войны с Германией очевидной тенденцией развития советской мобилизационной системы стала её дальнейшая централизация. Символом этих процессов можно считать создание 30 июня 1941 г. ГКО СССР, формально объединившего в своих руках всю полноту партийно-государственной власти. С началом войны удвоился список наименований продукции, распределение которой осуществлялось централизованно Госпланом СССР [24, р. 287]. Вновь была введена карточная система снабжения населения продуктами питания и промышленными товарами. Центральные органы нередко выдавали задания непосредственно предприятиям в обход наркоматов. Усилилось

вмешательство в оперативное управление промышленностью аппарата ЦК партии [11, с. 94–96].

Однако одновременно в системе управления наблюдались тенденции децентрализации, в частности, расширение прав наркоматов. В значительной степени этот процесс регулировался формальными решениями высших органов власти. Так, уже 1 июля 1941 г. было принято постановление СНК СССР “О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени” [25]. Наркомы получили полномочия перераспределять материальные ресурсы, а также капитальные вложения (в определённых размерах) между подчинёнными им предприятиями и стройками. Директора предприятий и начальники строек также могли свободнее распоряжаться своими фондами, например, выдавать контрагентам необходимые материалы для выполнения заказов. Постановление предусматривало возможность отступления руководителей наркоматов от официально оформленных проектов и смет, хотя и в пределах общей стоимости каждой стройки, утверждённой генеральной сметой. Несколько расширялись полномочия наркомов в распоряжении финансовыми средствами — гибкое использование фондов заработной платы (без увеличения их размеров), списание убытков предприятий и перечисление их средств на покрытие просроченной задолженности поставщикам и т.д.

Все эти меры были продиктованы очевидными трудностями, связанными с военными поражениями. Многие предприятия оказались либо на оккупированной территории, либо в зоне военных действий. Началась эвакуация. Производственные планы мирного времени менялись на военные, что предполагало закрытие ряда проектов и развёртывание новых. Реагировать на быстрое и постоянное изменение обстановки из единого центра стало невозможно. Определённое расширение децентрализации управления, делегирование некоторых полномочий на уровень наркоматов и предприятий в таких условиях являлись естественными.

Линию, намеченную постановлением СНК от 1 июля 1941 г., развивали другие директивы высших органов власти. Применительно к отдельным случаям уточнялись права наркоматов по маневрированию фондами своих предприятий, предусмотренные в упомянутом постановлении СНК. Так, 16 июля 1941 г. для производства запчастей для танков большой группе наркомов разрешили привлекать находившиеся в подчинении их наркоматов предприятия и в случае необходимости перебрасывать между ними оборудование [26, л. 38].

Нарком вооружений Б.Л. Ванников на основании постановления ГКО от 4 июля 1942 г. имел возможность распоряжаться (с последующим

утверждением СНК) оборудованием, полученным по импорту [17, л. 125]. Аналогичные решения о перераспределении наркоматами заданий и фондов между подведомственными им предприятиями принимались и в дальнейшем [27; 28, л. 42; 29; 30, л. 78; 31, л. 72].

Вместе с тем сразу после начала войны обозначилась тенденция такого расширения prerogatives хозяйственных руководителей, которое выходило за рамки постановления от 1 июля. Речь, в частности, шла о том, что в отдельных случаях наркомы получали право на мобилизацию не только собственных, но и сторонних ресурсов для выполнения приоритетных программ. Уже первое постановление ГКО СССР предоставляло заместителю председателя СНК СССР, наркому среднего машиностроения СССР Малышеву “право давать всем предприятиям и учреждениям обязательные для них распоряжения” по выполнению решения о производстве танков Т-34 [32, л. 1]. Вскоре Наркомат среднего машиностроения был преобразован в Наркомат танковой промышленности, и Малышев стал его руководителем. Такие же полномочия он получил несколько дней спустя и в отношении программы по производству танковых двигателей, а затем — лёгких танков [32, л. 94; 26, л. 201]. В ноябре 1941 г. постановлением ГКО Малышеву разрешили мобилизовать для увеличения производства танков неиспользуемое оборудование и рабочую силу эвакуированных предприятий многих ведомств (кроме оборонных) [33]. Аналогичные решения о перераспределении ресурсов между наркоматами эпизодически принимались и на последующих этапах войны. Так, постановлением от 16 октября 1943 г. наркому по строительству С.З. Гинзбургу было дано право использования материалов и оборудования, выделенных для строек других отраслей промышленности, для обеспечения строительства Коркинских угольных разрезов [34].

Помимо наркомов подобные мандаты получали и различные уполномоченные наркоматов на местах. К примеру, 9 июля 1941 г. ГКО утвердил начальника отдела капитального строительства Наркомата цветной металлургии СССР уполномоченным СНК СССР по строительству Уральского алюминиевого завода. Для этой стройки он с разрешения СНК мог перебрасывать оборудование и материалы с подчинённых другим наркоматам предприятий и привлекать их (вне зависимости от ведомственной принадлежности) к выполнению срочных работ [32, л. 253].

29 ноября 1941 г. заместителю наркома боеприпасов разрешили использовать (с последующим сообщением СНК) оборудование московских предприятий для укомплектования завода, выпускавшего снаряды для реактивных миномётов [35, л. 104].

Руководство наркоматов периодически наделялось правами для самостоятельного решения отдельных существенных вопросов организации производства. Так, 13 июля 1941 г. Наркомат вооружения (нарком Д.Ф. Устинов) получил право при производстве полковой пушки заменять некоторые её детали и узлы, сложные в изготовлении, более простыми [36, л. 62]. 22 августа тому же наркомату (под ответственность наркома и при отсутствии протестов со стороны начальника Главного артиллерийского управления) было разрешено изменять марки, профили, размеры металла и других материалов, упрощать технические условия и процесс обработки деталей [37].

Важный этап в расширении формальных прав наркоматов открыло постановление ГКО СССР № 1995с от 6 июля 1942 г., вручавшее значительные полномочия наркому авиационной промышленности А.И. Шахурину. Он мог размещать заказы для авиапромышленности на предприятиях других ведомств с выдачей им необходимого сырья и материалов из фондов Наркомата авиационной промышленности; использовать для собственных нужд станки, произведённые сверх плана на предприятиях авиапрома; перебрасывать оборудование и другие ресурсы между предприятиями своего наркомата; производить изменения спецификаций и заказов, вызванные некомплектностью поставок, технологическими и программными изменениями [28, л. 45]. 10 января и 17 июля 1943 г. эти полномочия Наркомата авиационной промышленности были вновь подтверждены. Более того, в 1943 г. он получил право заключать прямые договоры по ряду изделий с заводами-поставщиками, минуя сбытовые конторы других наркоматов [38, 39].

В определённом смысле эти решения по авиационной промышленности оказались модельными. Права производить изменения месячных заказов и спецификаций в связи с некомплектностью поставок получил согласно постановлениям ГКО в августе, ноябре 1943 г. и феврале 1944 г. Наркомат среднего машиностроения. Одновременно ему разрешили (февраль 1944 г.) в течение текущего года размещать заказы на изделия и полужабы на предприятиях союзной, республиканской и местной промышленности, выделяя им из своих фондов необходимое сырьё, материалы и топливо [40; 41; 42, л. 14]. 9 апреля 1944 г. ГКО предоставил право самостоятельно размещать заказы Наркомату вооружения, “минуя сбытовые конторы наркоматов” [43]. 18 января 1945 г. действие этого разрешения продлили [44], а 13 апреля право делать заказы на предприятиях других ведомств за счёт своих фондов получил Наркомат боеприпасов [31, л. 72].

В условиях войны правительство пошло на смягчение финансового контроля над деятельно-

стью наркоматов. В постановлении ГКО СССР от 5 июля 1941 г. вводился упрощённый порядок финансирования строительства заводов-дублёров по производству танковых двигателей. Промбанк должен был финансировать указанные работы без проектов и смет. В дальнейшем такой порядок ввели в отношении разных объектов. Промышленному банку предписывалось выделять средства на основании фактических затрат или расценок, установленных самими ведомствами, не требуя заранее согласованных проектов и смет [32, л. 94, 219, 243, 246, 252, 253; 36, л. 30, 124; 42, л. 67; 45, л. 209; 46–51]. Постановлением ГКО от 26 октября 1943 г. Наркомат угольной промышленности на период восстановления предприятий Донбасса получил право самостоятельно утверждать штаты их административно-управленческого персонала [45, л. 49].

Санкционированные в постановлениях СНК и ГКО СССР дополнительные полномочия наркоматов фактически предполагали заметную корректировку системы плановой централизации. В рамках утверждённых центром планов производства и распределения ресурсов ведомства получали существенную самостоятельность. Они могли распоряжаться оборудованием, сырьём и финансами, распределять заказы между своими предприятиями. Наркоматы получили определённые права в выборе поставщиков, заключая прямые соглашения с подконтрольными другим ведомствам предприятиями, предоставляя им необходимые ресурсы для изготовления оговоренной продукции, а также могли без долгих согласований изменять спецификацию своих заказов смежникам в зависимости от потребностей производства. В конечном счёте речь шла об упрощённом порядке корректировки установленных планов.

Однако решения высших органов власти о децентрализации не предполагали усиления этих процессов сверх определённой меры. С одной стороны, санкционированные отклонения от правил привязывались к конкретным объектам и ограничивались чёткими сроками, с другой — ГКО периодически лимитировал самостоятельные действия наркоматов даже в пределах, установленных постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. — о расширении прав наркомов. Такие ограничения применялись главным образом в тех случаях, когда возникала необходимость срочной концентрации усилий и ресурсов на решении некоторых приоритетных задач развития военной промышленности. Самостоятельность наркоматов в распоряжении ресурсами в таких ситуациях не допускалась. Так, 30 сентября 1941 г. ГКО категорически запретил перемещать и использовать для других целей оборудование, инструменты и рабочую силу, занятые на производстве снарядов для реактивных миномётов. Однако одновременно

постановление санкционировало новые нарушения централизации. Большой группе обкомов предоставлялось право устанавливать задания предприятиям (любых ведомств) и перераспределять между ними ресурсы для обеспечения программы выпуска реактивных снарядов. Правда, в постановлении содержалась оговорка: эти действия местных властей не должны были наносить ущерба изготовлению других видов военной продукции [52, л. 112]. Аналогичные положения содержало постановление ГКО о плане производства артиллерийского, миномётного и стрелкового вооружения, принятое также 30 сентября 1941 г. [52, л. 178]. 9 октября и 29 ноября 1941 г. ГКО вновь запретил наркомам и директорам предприятий самовольно переключать на производство других изделий и перебрасывать на другие предприятия оборудование, занятое на изготовлении деталей к реактивным снарядам и самих снарядов [53; 35, л. 107, 108].

Парадоксы и приоритеты постановления ГКО от 30 сентября — о производстве снарядов — отражали политику балансирования между централизацией и децентрализацией. Очевидно, что санкционированные правительством самостоятельные действия наркоматов породили нарастающие столкновения интересов. В этих условиях руководство страны, продолжая расширять полномочия наркомов в отдельных вопросах, пыталось оградить от отрицательных последствий децентрализации приоритетные программы военного производства. Такая модель действий наблюдалась на всём протяжении войны. Ограничивая права наркоматов в маневрировании ресурсами, правительство применяло метод целевого выделения фондов на выпуск определённого вида продукции или строительство конкретных объектов, что означало автоматический запрет на иное расходование этих фондов [18, л. 13; 54–61]. Вводился лимит на переброску рабочей силы, материалов и оборудования Наркомата по строительству [62–65].

Регулярное принятие подобных ограничивающих директив свидетельствовало как о стремлении правительства держать под контролем процесс децентрализации, так и о том, что самостоятельные действия наркоматов и предприятий получили достаточно широкое распространение. Корректируя централизацию, наркоматы, с одной стороны, опирались на разрешающие решения высших органов власти, с другой — сами, действуя автономно, расширяли рамки дозволенного.

Практики несанкционированной децентрализации. Формальное расширение прав наркомов (наркоматов) на основании директив высших органов власти было попыткой “централизованного регулирования децентрализации”. Основопологающие принципы административно-плано-

вой системы предполагали, что все нарушения её правил должны быть прописаны и ограничены чёткими рамками. Вместе с тем следование этому принципу на практике оказалось проблематичным. Во-первых, бюрократическая логика действий аппарата управления, как правило, вела к превращению разрешённых эпизодических отступлений от инструкций в постоянно действующие. Во-вторых, чрезвычайные трудности работы экономики в условиях войны многократно усиливали эту тенденцию. Выход за санкционированные границы децентрализации, самовольное превращение временных и ситуативных разрешений в постоянные диктовалось потребностями преодоления многочисленных проблем и узких мест, которые возникали в военной экономике практически каждый день.

Хотя изучение нелегальных и полулегальных нарушений централизации затруднено в силу их недостаточного отражения в документах, имеющиеся материалы всё же позволяют зафиксировать основные виды таких нарушений. Важным источником для исследования в этом случае может служить комплекс постановлений и распоряжений ГКО СССР. От его имени утверждались ключевые решения по вопросам развития военной экономики и формирования армии. В подготовке таких постановлений участвовали большие группы заинтересованных ведомств. Они стремились максимально подробно зафиксировать в решениях ГКО свои потребности, а также добиться реального выполнения одобренных мер. Хорошо зная, при помощи каких методов и уловок наркоматы-партнёры обходили принятые решения, чиновники, составлявшие проекты постановлений ГКО, старались внести в них различные запретительные ограничения, призванные предотвратить нелегальные практики, угрожавшие интересам их ведомств. В результате стандартное постановление ГКО по хозяйственным вопросам во многих случаях представляло собой две условные части. Первую, наиболее пространную, составляли перечисления выделяемых ресурсов и ответственность ведомств и руководителей за обеспечение поставок, вторую — положения запретительного характера, касавшиеся нарушений выполнения планов и распределения ресурсов и рабочей силы. Нет оснований сомневаться, что такие указания в директивах высших органов власти были реакцией на реальные факты и тенденции. В целом запрещающие пункты постановлений ГКО СССР касались наиболее заметных и крупных нарушений централизации на уровне наркоматов.

Чаще всего ГКО пытался пресечь различные способы *самостоятельной корректировки планов* после их принятия. Модельным можно считать одно из первых указаний такого рода, которое содержалось в постановлении ГКО от 4 октября 1941 г. — о программе производства танков в но-

ябре—декабре 1941 г. Запрещающие пункты этого постановления предупреждали Госплан, заместителей председателя СНК СССР и наркоматы о недопустимости уменьшения поставок оборудования, выделенного для танковой промышленности. Наркомам и директорам заводов-поставщиков было поручено отгружать свои изделия в адрес танковой промышленности до 20 числа каждого месяца и не допускать аннулирования недогрузов [66]. Эти положения постановления демонстрировали те механизмы нарушений централизации со стороны наркоматов, которые в последующие годы постоянно фиксировались в директивах ГКО.

Получив задания на выпуск определённой продукции, наркоматы нередко попадали в тяжёлое положение, поскольку не располагали необходимыми ресурсами. Дефицит мощностей, рабочей силы и сырья усугублялся практикой планирования “от необходимого” — ориентацией руководства на возникавшие потребности без учёта реальных возможностей. Так, 15 июля 1941 г. нарком станкостроения СССР А.И. Ефремов сообщал руководителям СНК: “Количество станков, подлежащих поставке в июле и III квартале 1941 года из производства НКСтанкостроения, резко превышает количество станков, предусмотренное к изготовлению утверждённым правительством народнохозяйственным мобилизационным планом на июль и III квартал 1941 года”. В новой записке от 1 августа он же указал, что при программе производства в августе 2 тыс. станков на основании различных решений, в том числе постановлений ГКО СССР, требуется снабдить различные предприятия 3950 станками [67].

Аналогичные явления наблюдались и в последующем. Как показала проверка прокуратуры, проведённая в июне 1942 г., “в большинстве случаев помесечные планы производства в сумме своей устанавливают значительно меньшие задания, чем задания, предусмотренные квартальными планами”. В результате предприятия, снабжение которых определялось квартальными планами, недополучали ресурсы. Так, во втором квартале 1942 г. разрыв между квартальным и суммой месячных планов по прокату чёрных металлов составлял 42 тыс. т, по алюминию — 1.5 тыс. т [68]. 9 июля 1943 г. нарком по строительству СССР С.З. Гинзбург сообщал члену ГКО Г.М. Маленкову, что причина срыва решений ГКО о строительстве углеобогачительных фабрик в Кузбассе — отсутствие необходимых ресурсов. Их выделение не предусматривалось Госпланом, несмотря на предписание соответствующего постановления ГКО [69]. В августе того же года член ГКО Л.П. Берия направил в ГКО записку, где сообщалось: установленные постановлением ГКО № 3872с от 4 августа 1943 г. фонды на металл на третий квартал для производства танков, вооружения и другой продукции ни-

же лимитов, утверждённых предыдущими постановлениями ГКО [70]. И подобных примеров много.

Преодолеть такие нестыковки планов выпуска продукции и реальных возможностей наркоматов можно было несколькими способами. Первый, стандартный, заключался в корректировке планов “длинным путём”, то есть посредством изменения заданий тем вышестоящим органом власти, который утверждал первоначальное решение. Очевидно, что такой путь, даже в случае гарантии успеха, требовал времени (пример — обращение наркома танковой промышленности Малышева в ГКО в апреле 1942 г. с просьбой изменить план по производству боеприпасов на второй квартал 1942 г. Потребовался созыв комиссии из представителей разных ведомств, которая скорректировала эти планы [71]). Более оперативной оказывалась корректировка планов по договорённости с Госпланом или заместителями председателя СНК (членами ГКО), которые курировали определённые отрасли. Как показывают запрещающие пункты постановлений ГКО, такие корректировки были самыми распространёнными. Однако, по сути, они имели полулегальный характер, поскольку не подтверждались решениями высшего органа, утверждавшего планы. Время от времени ГКО запрещал проведение корректировок. В постановлениях ГКО применение подобных практик, скорее всего, фиксировалось следующими формулами: “запретить кому бы то ни было без специального решения ГКО изменять планы поставок”; “запретить кому бы то ни было изменять без специального решения ГКО фонды... выделяемые постановлением”. Эта формула могла свидетельствовать как о том, что такие изменения самовольно проводились самими наркоматами, так и согласовывались в оперативном порядке с руководящими структурами СНК или отдельными советскими руководителями высшего ранга. В ряде случаев вместо обезличенного запрещения в постановлениях указывались конкретные наркоматы и Госплан, что служит дополнительным свидетельством о распространении практики согласования оперативной корректировки планов между наркомами и руководителями правительственных органов. Запреты с использованием всех упомянутых формул содержались в большом количестве постановлений ГКО на всём протяжении войны. В качестве примера можно привести некоторые из них [17, л. 128; 18, л. 13; 72; 73; 74, л. 160; 75—93].

Судя по формулировкам в постановлениях ГКО и другим документам, достаточно часто наркоматы изменяли установленные им планы явочным порядком, не выполняли задания, зафиксированные в плане или решениях высших органов власти. Например, ряд наркоматов фактически проигнорировали постановление ГКО от 13 де-

кабря 1941 г. — о передаче рабочей силы Наркомату танковой промышленности. Попытки последнего добиться выполнения постановления ГКО, его жалобы в высшие инстанции не дали результата. Такая же судьба постигла постановление СНК СССР от 5 февраля 1942 г. — о праве этого наркомата изымать подшипники с предприятий любых наркоматов, кроме авиационной промышленности, боеприпасов и вооружений. Заместитель наркома танковой промышленности А.М. Петросянц докладывал В.М. Молотову, который курировал работу танковой промышленности: «Начальник строительства Магнитогорского завода не допустил нашего представителя к выявлению нужных нам подшипников, несмотря на вмешательство местных партийных и советских организаций. По сообщению нашей Сталинградской конторы, замнарком Чермет т. Коробов запретил заводу “Красный Октябрь” отпуск выявленных нами на этом заводе подшипников. Передача нам подшипников, выявленных в Новосибирском тресте Строймеханизация, а также на Томском электромеханическом заводе Наркомугля, была приостановлена в результате прямых запретов соответственно замнарком-строю т. Соколова и замнаркомугля т. Горшкова» [10, с. 118, 122].

С наступлением нового отчётного периода (месяца или квартала) долги по поставкам фактически списывались. В таких условиях в большинстве постановлений ГКО присутствовал пункт, обязывавший наркоматы осуществлять поставки не позже определённого срока либо восполнять недогрузки в последующий период. В постановлении ГКО от 15 сентября 1943 г. специально указывалось, что поставки заводам Наркомата судостроительной промышленности не подлежат уменьшению “при уточнении месячных и квартальных фондов” [94, л. 160]. Постановление ГКО от 27 января 1944 г. требовало от наркоматов предусматривать в месячных планах возмещение недопоставок предыдущих месяцев текущего квартала [95]. Постановления ГКО от 13 апреля и 18 июля 1945 г. запрещали наркоматам-поставщикам включать в месячные планы показатели, которые не обеспечивали предусмотренные кварталным планом поставки [96, л. 216; 97]. Хорошим предлогом (или реальной причиной) для корректировки планов становилось получение предприятиями новых заданий. Как говорилось в постановлении ГКО от 11 января 1944 г., “со стороны отдельных наркоматов и организаций имеются попытки разрешения некоторых военно-хозяйственных задач за счёт снятия или сокращения производства элементов боеприпасов” [98, л. 18, 19].

Распространённым нарушением централизации — запреты на него содержатся во многих постановлениях ГКО — была *переедресовка ресурсов*

с предприятий одного наркомата на предприятия другого. В этих случаях часто действовал механизм, описанный в мемуарах наркомом авиационной промышленности А.И. Шахуриным: “Докладывают, что такой-то ТЭЦ угля осталось на один день... — запланированные эшелоны вовремя не пришли. Звоню Н.А. Вознесенскому или А.И. Микояну (заместители председателя СНК СССР, а с февраля 1942 г. — члены ГКО СССР. — О.Х.), улаживаемся о встрече. Одновременно вызывают наркома путей сообщений и наркома угольной промышленности. Все вместе выясняем, какие эшелоны с углём на подходе, кому они предназначены, какие из них можно повернуть к нам. Конечно, приходится выслушивать категорические возражения тех, к кому они шли” [99, с. 137]. Такие методы можно охарактеризовать как полулегальное санкционирование децентрализации в оперативном порядке отдельными руководителями в нарушение решений высших органов власти. О широком распространении этих практик также свидетельствовали требования ГКО. Одно из первых таких положений содержалось в его постановлении от 21 февраля 1942 г. — о помощи предприятиям чёрной металлургии: “Запретить кому бы то ни было без специального решения ГКО... разгрузку и переедресовку в пути углей, идущих в адрес предприятий Наркомчермета” [100]. В дальнейшем подобные запретительные пункты в директивах ГКО встречаются регулярно [101–121].

Частным случаем самостоятельного перераспределения ресурсов в обход централизованных планов были решения руководства Наркомата внешней торговли (нарком А.И. Микоян) в отношении оборудования и материалов, полученных по импорту. Ряд решений ГКО, принятых в разные годы, запрещали этому наркомату передавать заказанные по импорту для определённых ведомств материалы и оборудование другим потребителям [62; 74, л. 108; 122].

Важным направлением децентрализации в разные периоды советской истории было *усиление горизонтальных связей* между наркоматами и отдельными предприятиями в обход вышестоящих органов государственного управления и планирования. Установление таких связей в некоторых случаях санкционировалось во время войны решениями ГКО. Свою роль, как и в других ситуациях, играли практики полулегального дозвещения нарушений централизации по договорённости между наркоматами и руководителями правительства. Показательное постановление ГКО было принято 21 ноября 1943 г. В нём указывалось, что Уральский завод тяжёлого машиностроения без согласования с Госпланом и Наркоматом танковой промышленности, в систему которого он входил, загружался по представлению различных наркоматов дополнительными инди-

видуальными заказами. В результате контракты завода превысили его технические возможности.

ГКО запретил наркоматам представлять на утверждение правительства предложения о загрузке этого завода заказами без ведома Госплана и Наркомата танковой промышленности. Последний получил право удалить с Уралмашзавода всех представителей-уполномоченных по продвижению заказов других наркоматов [123]. Однако четыре месяца спустя по тому же вопросу ГКО принял новое решение: всем наркоматам и ведомствам до октября 1944 г. не разрешалось обращаться к нему и в СНК с ходатайствами о загрузке завода без согласия наркома танковой промышленности Малышева [124].

Эти постановления были реакцией на один из распространённых методов установления горизонтальных связей между производителями. Руководители наркоматов, мотивируя острой необходимостью, добивались в правительстве санкций на тот или иной заказ в обход планирующих органов и руководства наркомата, в систему которого входило предприятие. Для продвижения своего заказа и поощрения производителя на завод-контрагент посылались различные представители. 21 июля 1944 г. ГКО принял постановление, согласно которому командировки от наркоматов и предприятий представителей-“толкачей” “достигли недопустимо больших размеров”. Только на Магнитогорский металлургический комбинат с 1 января по 15 мая 1944 г. приезжало более тысячи представителей [125].

Наркоматы и отдельные предприятия могли также действовать через местные органы власти, которые способствовали (нередко в приказном порядке) установлению новых кооперационных связей между предприятиями на своей территории. В целом размещение заказов в обход формальной процедуры централизованного управления приобретало широкое распространение, на что указывают многочисленные запреты этой практики, содержащиеся в постановлениях высших органов власти. Например, постановлением СНК от 17 февраля 1943 г. наркоматам и ведомствам запрещалось вносить на рассмотрение правительства проекты решений о загрузке заводов Наркомата угольной промышленности заказами на оборудование, которое не относилось к угольной промышленности. Однако, как жаловался нарком угольной промышленности в ГКО, подобная практика продолжалась [126]. Запреты размещения заказов на предприятиях без согласования с наркоматами, в систему которых входили предприятия, и утверждения решениями высших органов власти содержались в ряде постановлений ГКО [127–131].

Важным случаем установления децентрализованных горизонтальных связей были так называ-

емые товарообменные операции, обмен продукцией по бартеру. О существовании этой практики во время войны свидетельствуют некоторые документы. В частности, 25 декабря 1943 г. ГКО принял постановление по докладу Главнефтеснаба о “разбазаривании” нефтепродуктов в Наркомате нефтяной промышленности. Согласно докладу с разрешения руководства Наркомнефти и без такового директора нефтеперерабатывающих предприятий использовали нефтепродукты для обмена на сельскохозяйственную продукцию, предметы ширпотреба, лес и т.д. “Незаконная практика систематического отпуска нефтепродуктов предприятиями Наркомнефти на сторону, как извращающая политику планового и нормированного распределения нефтепродуктов, должна быть пресечена в корне”, — указывалось в докладе [132, л. 7–13]. ГКО поручил Наркомату государственного контроля расследовать это дело, а о результатах доложить. Подобные нарушения в конце 1943 г. выявил Наркомат государственного контроля на пороховых заводах Наркомата боеприпасов, где для товарообменных операций использовался спирт [132, л. 167–172].

Дальнейшее изучение архивов, несомненно, позволит уточнить степень распространения отмеченных практик децентрализации и выявить новые примеры тех действий хозяйственных структур, которые выходили за рамки планово-централизованного контроля.

* * *

Таким образом, децентрализация управления советской экономикой в годы войны была таким же реальным процессом, как и усиление централизации производства и распределения ресурсов. Хотя вывести какие-либо количественные параметры соотношения централизации и децентрализации невозможно, документы показывают, что самостоятельные действия производителей в обход сложных правил планового управления получали заметное распространение. Отчасти такие нарушения централизации были санкционированы решениями высших органов власти, прежде всего ГКО СССР. Такие директивы рассчитывались, как правило, на определённый срок. Помимо дополнительных прав наркоматов, утверждённых постановлениями правительства, наблюдались практики управления, которые можно назвать оперативной полулегальной децентрализацией. Она предполагала быстрое реагирование на возникавшие конкретные проблемы путём согласования единичных решений между руководителями наркоматов и правительством, часто на персональном уровне. Такие согласования не закреплялись решениями высших органов власти. Наконец, в значительной степени децентрализация управления на уровне наркоматов имела сти-

хийный характер. Сообразуясь с условиями, руководители ведомств на свой страх и риск нарушали правила и директивы.

Наиболее частые случаи таких нарушений касались самостоятельной корректировки объёмов и сроков выполнения заданий и планов, установленных правительством. Широко применялась несанкционированная переброска материальных ресурсов и рабочей силы. В ряде случаев наркоматы и предприятия стремились установить прямые хозяйственные связи с контрагентами, минуя сложную систему планового регулирования таких обменов.

Развитие децентрализации, несомненно, стимулировалось как негативными эффектами централизации, порождавшей многочисленные бюрократические препоны, так и сложными условиями войны. Форсированное наращивание военного производства, оккупация важнейших индустриальных районов, массовая эвакуация, недостаток ресурсов и транспортные трудности вели к разрыву хозяйственных связей, заставляли наркоматы, предприятия и региональные власти оперативно и самостоятельно решать повседневные проблемы производства. Низовая инициатива в экстремальных условиях войны приобретала особое значение, корректируя нестыковки планово-централизованной системы управления.

Как показывают многочисленные документы, наркоматы и предприятия сталкивались с такими типичными проблемами, которые было трудно разрешить в рамках централизованного управления. Планирование по принципу покрытия необходимых потребностей нередко приводило к тому, что задания существенно превышали реальные возможности предприятий. Возникала проблема недопоставок, которая обладала кумулятивным эффектом, порождая трудности во всех звеньях цепи производства и снабжения. Это положение усугубляли транспортные заторы. Корректировка планов в быстро менявшихся условиях войны требовала быстрого перераспределения ресурсов и установления новых кооперационных связей между предприятиями. Значительные резервы для производства представляли многочисленные запасы на предприятиях и эвакуируемые ресурсы, нередко не доходившие до места назначения. Однако их использование, согласно правилам, жёстко контролировалось сверху. Планово-централизованный порядок преодоления этих и многих других трудностей был длительным и потому неэффективным.

Несмотря на издержки, связанные с влиянием ведомственных и региональных интересов, практики децентрализации (уклонения от централизации) во многих случаях позволяли быстро и действенно решать такие проблемы. Децентрализация способствовала более рациональному и,

главное, быстрому перераспределению ресурсов и преодолению узких мест; была важным способом концентрации усилий на приоритетных объектах и направлениях экономики. Именно по этой причине она получила широкое распространение.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне. Феномен чрезвычайных органов власти, 1941–1945 гг. Саратов: Саратовский государственный университет, 2002.
2. Горьков Ю.А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М.: Олма-Пресс, 2002.
3. Куманёв Г.А. Экономика СССР в Великой Отечественной войне. М., 1985.
4. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971.
5. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985.
6. Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 т. Т. 7. М., Воениздат, Кучково поле, 2013.
7. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Росспэн, 1996.
8. Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
9. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: Институт российской истории РАН, 2006.
10. Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: [б. и.], 2009.
11. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2011.
12. Мельников Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза-Каталог, 2019.
13. Sapir J. The economics of war in the Soviet Union during World War II // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / Ed. by I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
14. Overy R. The Dictators. Hitler's Germany, Stalin's Russia. New York: Norton, 2004.
15. Совет народных комиссаров СССР, Совет министров СССР, Кабинет министров СССР, 1923–1991 / Сост. С.Д. Гарнюк. М.: Мосгорархив, 1999. С. 42–152.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1044. Л. 67.

17. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40.
18. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129.
19. В предвоенные и военные годы. Ответы наркома путей сообщения СССР генерал-лейтенанта И.В. Ковалёва на вопросы профессора Г.А. Куманёва // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 166, 167.
20. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 53, 54.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1361. Л. 135.
22. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 47, 48.
23. *Савицкий И.М.* Мобильность директорского корпуса предприятий оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 2. С. 17–21.
24. *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill, 1980.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 76, 77.
26. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3.
27. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 120.
28. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 42.
29. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 73.
30. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 172.
31. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 393.
32. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1.
33. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 97.
34. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 211.
35. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15.
36. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2.
37. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 174.
38. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 81. Л. 18.
39. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 134. Л. 32.
40. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 145. Л. 40.
41. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 179. Л. 107.
42. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 209.
43. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 230. Л. 27, 28.
44. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 351. Л. 27.
45. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 169.
46. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 173. Л. 141.
47. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 176. Л. 5.
48. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 302. Л. 198.
49. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 307. Л. 119.
50. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 331. Л. 100.
51. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 344. Л. 90.
52. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 112.
53. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 63.
54. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 63. Л. 71.
55. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 65. Л. 132.
56. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 68. Л. 136.
57. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 76. Л. 17.
58. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 105. Л. 38, 39.
59. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 106. Л. 27.
60. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 362. Л. 6.
61. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 373. Л. 68.
62. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 183. Л. 55.
63. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 185. Л. 69.
64. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 350. Л. 68.
65. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 415. Л. 107.
66. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 124, 128.
67. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 841. Л. 2, 3, 5, 6.
68. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 972. Л. 23, 24.
69. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 342. Л. 32, 33.
70. РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 4. Д. 6. Л. 75–77.
71. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 840. Л. 57, 86–92.
72. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 118.
73. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 211.
74. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38.
75. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 110. Л. 76.
76. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 242. Л. 44, 45.
77. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 264. Л. 23.
78. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 271. Л. 21.
79. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 280. Л. 183.
80. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 291. Л. 123.
81. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 313. Л. 138.
82. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 354. Л. 18.
83. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 359. Л. 88, 106.
84. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 365. Л. 16.
85. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 376. Л. 153.
86. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 382. Л. 55.
87. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 400. Л. 108.
88. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 402. Л. 138.
89. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 412. Л. 37.
90. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 416. Л. 69.
91. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 417. Л. 37.
92. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 427. Л. 124.
93. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 458. Л. 41.
94. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 151.
95. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 198. Л. 238.
96. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 395.
97. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 440. Л. 67.
98. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 189.
99. *Шахурин А.И.* Крылья победы. М.: Политиздат, 1990.
100. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 156.
101. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 22. Л. 38.
102. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 43. Л. 116, 151.
103. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.
104. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.
105. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 99.
106. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 62. Л. 36.
107. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 116.
108. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 135. Л. 66.

109. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 142. Л. 117.
110. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 150. Л. 163.
111. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.
112. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 166. Л. 22, 112.
113. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 178. Л. 78.
114. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 187. Л. 148.
115. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 196. Л. 95.
116. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 370. Л. 6, 9, 197.
117. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 16.
118. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 387. Л. 30.
119. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 398. Л. 49.
120. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 408. Л. 16.
121. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 448. Л. 76.
122. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 98. Л. 76.
123. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 177. Л. 110, 111.
124. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 37.
125. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 282. Л. 135, 136.
126. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 409. Л. 37–39.
127. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 71. Л. 44.
128. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 73. Л. 180, 182.
129. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 175. Л. 117.
130. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 181. Л. 138.
131. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 197. Л. 168.
132. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 184.

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА¹

© 2020 г. Е. Т. Артёмов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

E-mail: iia-history@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

28 сентября 2017 г. исполнилось 75 лет со дня выхода постановления Государственного комитета обороны “Об организации работ по урану”, положившего начало Атомному проекту — одному из самых амбициозных в истории СССР. Статья посвящена реконструкции факторов, обеспечивших его успешную реализацию. Завершение проекта относят к концу 1950-х годов, однако основное внимание автор уделяет периоду с 1945 по 1953 г. С одной стороны, именно тогда были созданы научно-технические, материальные и организационные предпосылки для производства ядерного оружия, а с другой — это время можно назвать “золотым веком командной экономики”, когда её возможности проявились во всей полноте. Обращение к нему позволяет лучше понять, за счёт чего командная экономика в её классическом, сталинском варианте добивалась успеха и какие ограничения она имела.

Ключевые слова: советский Атомный проект, ресурсное обеспечение Атомного проекта, планирование и организация работ по Атомному проекту, командная экономика, материально-техническая база научных учреждений, ядерно-оружейный комплекс, управленческие кадры, целевая подготовка специалистов, мотивация персонала, серийное производство изделий.

DOI: 10.31857/S0869587320090029

В общественном сознании советский Атомный проект [1] ассоциируется с выдающимися прорывами в науке, технике, производстве. Нечаянно связанные с ним события вызывают повышенное внимание. Но они интересны не только сами по себе. Сегодня много говорят о неэффективности и нежизнеспособности “социалистической системы хозяйствования”: вопрос всегда “стоял лишь о том, когда и как она рухнет”. При-

знание отдельных успехов не меняет общей негативной оценки. В послевоенный период их в основном связывают с наращиванием возможностей военно-промышленного комплекса за счёт обескровливания гражданских отраслей экономики и потребительского сектора. А высокий уровень производства оборонных отраслей промышленности объясняют активным копированием зарубежных технологий, импортом высокопроизводительного оборудования, поставляемого в обмен на природные ресурсы и традиционные товары [2, с. 36; 3, с. 19; 4, с. 798–801].

Действительно, такая практика имела место. Особенно широко она применялась на начальной стадии индустриализации. Но для создания наукоёмких производств всего этого недостаточно. Требовались иные подходы, и они были найдены, благодаря чему СССР на протяжении десятилетий мог наращивать и поддерживать на высоком уровне качество своего арсенала. Конечно, возникают вопросы: за счёт чего военно-промышленному комплексу удалось добиться такого результата и почему наработанные подходы не были использованы в других отраслях экономики?

АРТЁМОВ Евгений Тимофеевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИИиА УрО РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2017. № 6. С. 138–154).

НАЦЕЛЕННОСТЬ НА РЕЗУЛЬТАТ

Советский Атомный проект носил ярко выраженный прикладной характер. Его генеральная цель заключалась в создании ядерного оружия и оснащении им вооруженных сил. Этим оправдывались все возможные издержки. Отсюда — безусловный приоритет проекта в ресурсном обеспечении. Неслучайно даже в официальных документах его именовали “задачей № 1”. Пожалуй, впервые в советской практике достижение намеченной цели связывали с опережающим развитием науки и техники. Это оказало решающее влияние на организацию работы. Её стратегия была выстроена в соответствии с программно-целевым подходом, или принципами проектного управления. Правда, единого документа, в котором формулировались бы цели и задачи проекта, определялись этапы и сроки их выполнения, фиксировались расчёты потребных ресурсов и т.д., не существовало. Но отсутствие официально утверждённых расчётов (“дорожной карты”) не отменяло главного: ориентация на конечный результат прослеживалась даже в решениях, принимаемых ситуативно [5, с. 492–513; 6, с. 85–109].

Разумеется, в процессе реализации задач проекта приоритеты менялись. Сначала все усилия были направлены на освоение ядерных технологий, определение путей и способов организации работы. Важную роль здесь играла информация, поступающая по линии разведки, хотя идею опоры на зарубежный опыт разделяли не все. Наиболее последовательным противником был академик П.Л. Капица, по мнению которого, в этом случае задача догнать ушедших вперёд конкурентов не имела решения. Однако он не нашёл поддержки у научного и административного руководства — Л.П. Берии, Б.Л. Ванникова, И.В. Курчатова и др. Они считали, что поиски собственного пути увеличивают риск неудачи и относят достижение конечной цели в неопределённое будущее. С их мнением согласился и И.В. Сталин. Так, освоение зарубежной информации и ориентация на технические и конструкционные параметры уже испытанных Соединёнными Штатами “изделий” были признаны необходимым условием скорейшего создания атомной бомбы [7, с. 476, 477]. Разумеется, речь не шла о простом воспроизводстве зарубежных наработок — их копирование рассматривалось как отправной шаг в совершенствовании заимствованных технологий. Таким образом рассчитывали перейти от догоняющей, имитационной модели развития ядерно-оружейного комплекса к модели инновационной.

Решение принципиального вопроса позволило приступить к созданию сырьевой базы проекта, налаживанию производства ядерной взрывчатки (плутония и урана-235), конструированию атомной бомбы и её испытанию. Одновременно

шло наращивание материально-технической базы научных учреждений, началась масштабная подготовка специалистов. Всё необходимое для формирующейся атомной отрасли стремились производить на отечественных предприятиях, не считаясь с затратами. За рубежом приобретали только те приборы, оборудование и специальные материалы, производство которых находилось на стадии освоения. Начало этого этапа можно отнести к выходу в августе 1945 г. постановления Государственного комитета обороны “О специальном комитете при ГОКО” [8, с. 11–14], а завершение — к подрыву на Семипалатинском полигоне в августе 1949 г. опытного ядерного боеприпаса.

После успешного испытания первой атомной бомбы основные усилия были сосредоточены на развёртывании серийного производства “изделий”. Для этого потребовалось многократно увеличить добычу ураносодержащего сырья и выпуск делящихся материалов — плутония и урана-235. Одновременно перешли к разработке ядерного оружия, на сей раз с опорой на собственные научные идеи и конструкторские решения. В одних случаях речь шла о глубокой модернизации заимствований, в других — об обосновании и реализации оригинальных подходов. В результате удалось разработать и запустить в серию атомные бомбы, заметно превосходившие по своим характеристикам первые американские образцы и их советский аналог. Тогда же началось проектирование новых видов изделий. Они предназначались для морских торпед, крылатых и баллистических ракет, ствольной артиллерии. Эти носители по сравнению с авиационной техникой обладали иными тактическими характеристиками, вследствие чего размещаемые в них боезаряды должны были отвечать более жёстким требованиям по массе, габаритам, ударостойкости, безопасности. К 1953 г. советский ядерно-оружейный комплекс вышел на самостоятельную траекторию развития [9, с. 50, 51].

Ярким свидетельством его растущих возможностей стала независимая разработка принципиально нового класса оружия — сверхбомбы с термоядерным зарядом. В отличие от создания атомной бомбы это была не столько инженерно-техническая, сколько научная проблема. Её решение потребовало определённой корректировки развития ядерно-оружейного комплекса: привлечения дополнительных научных сил, укрепления конструкторской базы, организации выпуска термоядерной взрывчатки (трития и дейтеридов) и т.д. Сложность задачи усугублялась перестройкой системы руководства Атомным проектом после смерти Сталина. Тем не менее, несмотря на все трудности, удалось добиться успеха. В августе 1953 г. прошло испытание “сахаровской слойки” (кодовое название первой в мире водородной

бомбы), в которой была инициирована термоядерная реакция, а в ноябре 1955 г. — первого “настоящего”, двухстадийного термоядерного заряда. Это создало предпосылки для конструирования боеприпасов неограниченной мощности для различных видов носителей. Их запустили в серию уже к концу 1950-х годов. Тогда же завершилось формирование военной составляющей ядерно-оружейного комплекса, отвечавшей за испытания и приёмку готовых изделий, их хранение и подготовку к боевому применению в случае принятия руководством политического решения [10, с. 108–113].

В РЕЖИМЕ РУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Результата удалось достичь благодаря специальной настройке институтов командной экономики. На самом вершине управленческой вертикали, созданной для руководства Атомным проектом, находился Специальный комитет при Совете министров СССР — директивный орган, отвечавший за реализацию проекта во всех деталях и подчинявшийся только председателю Правительства страны. Никакие партийно-государственные инстанции не имели права вмешиваться в его дела, Спецкомитет же (в рамках своей компетенции) мог давать поручения любым органам управления. Введение такого порядка означало существенное перераспределение полномочий во всей структуре властных отношений — и неудивительно, что это порождало недовольство “ущемлённых”. Пока сохранялась жёсткая централизация, его удавалось блокировать волевым способом. Ситуация изменилась после смерти Сталина. Спецкомитет ликвидировали 26 июня 1953 г., в день ареста его председателя Л.П. Берии. Оперативное руководство Атомным проектом возложили на вновь организованное Министерство среднего машиностроения, подотчётное Президиуму ЦК КПСС и Совету министров СССР [11, с. 558–561]. Однако такой дуализм сохранялся недолго: после смещения в 1955 г. с поста главы Совмина Г.М. Маленкова верховенство в проекте окончательно перешло к партийной ветви власти. В дальнейшем каких-либо директивных органов, сопоставимых по своим полномочиям со Спецкомитетом, не создавалось.

На заседаниях Спецкомитета рассматривались самые разнообразные вопросы — от утверждения сводных плановых заданий до оказания адресной помощи конкретным предприятиям и организациям. Много внимания уделялось строительству объектов, материально-техническому, финансовому и кадровому обеспечению работ, привлечению смежников, соблюдению должного уровня секретности и безопасности. Периодически обсуждались научно-технические проблемы создания и налаживания серийного производства ору-

жия и т.д. Принимаемые решения оформлялись в виде постановлений и распоряжений Совета министров СССР. За редким исключением их утверждал Сталин, ставя свой автограф на сопроводительных документах. Часто это интерпретируют как его повседневное, личное руководство Атомным проектом, что является преувеличением. Только с сентября 1945 г. по август 1949 г. Совмин принял свыше 1 тыс. постановлений по вопросам его реализации [12, с. 97]. Конечно, детально вникать в суть каждого из них руководитель государства был просто не в состоянии.

Кстати, подобная практика не ограничивалась Атомным проектом. Правительство выпускало иногда до сотни постановлений в неделю. “Читать ему (Сталину. — Е.А.) все эти бумаги... было бессмысленно. Потому что он... стал бы бюрократом”, — вспоминал В.М. Молотов. По его словам, всё держалось “на доверии к... замам, а то и наркомам, членам ЦК” [13, с. 315, 316]. Несомненно, что в оперативных вопросах проекта Сталин всецело полагался на Берия. Но при утверждении стратегических решений последнее слово оставалось за вождем.

Как правило, это происходило в ходе личных докладов Берии. На материалах, подготовленных к таким встречам, ставился гриф “особой секретности (важности)” и помечалось: “Только товарищу Сталину”. По итогам встреч на представленных документах в секретариате Спецкомитета делалась запись: “Докладывалось т. Берия Л.П. тов. Сталину лично. Возвращено с указанием положено”. Если согласовывались какие-то практические шаги, то Берия на документах собственноручно фиксировал: “Товарищ Сталин И.В. согласен. Подготовить проект решения” [11, с. 665–668; 14, с. 623]. Таким образом, общую картину хода и содержания работ представляли только они, а также ближайшие соратники Берии по Атомному проекту — Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, И.В. Курчатov, В.А. Махнёв, М.Г. Первухин. Это фактически лишало других руководителей партии и правительства даже права совещательного голоса. Определённое исключение составляли лишь Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский и Г.М. Маленков, в разное время входившие в состав Спецкомитета, но и они были не в курсе многих деталей.

Решения комитета готовили его штабные структуры и исполнительные органы — Технический (Научно-технический) совет и секретариат, Первое управление Госплана СССР (Управление по планированию и контролю специальных работ Спецкомитета), Учёный совет при президенте АН СССР, т.н. Бюро № 2 (занималось координацией “атомного шпионажа”, переводом и первичным анализом разведматериалов), Первое (ПГУ) и Второе (ВГУ) главные управления при

Совмине СССР. Привлечение соисполнителей осуществлялось по согласованию с руководителями их министерств и ведомств. Как правило, последние подстраивались под нужды проекта, но если считали, что выполнение дополнительных заданий приведёт к срыву отраслевых планов, то могли выступить против. Тогда в подготовленных предложениях появлялись такие фразы: “По проекту Постановления имеются возражения со стороны ряда министерств”, однако “ввиду особой важности... и безусловной необходимости... просим утвердить представленный проект Постановления... независимо от имеющихся возражений” [14, с. 683, 684]. В большинстве случаев этим всё и заканчивалось. Но если речь шла о масштабных изменениях производственных программ смежников, то вопрос выносился на заседание Спецкомитета. По свидетельству руководителя “атомного шпионажа” П.А. Судоплатова, поиски компромисса шли в ходе очень жёстких обсуждений. В этих спорах в качестве арбитра выступал Берия, который добивался “безусловного неукоснительного выполнения всех директив партии и правительства” по созданию ядерного оружия [15, с. 327–329].

В том случае, когда дело касалось перераспределения ресурсов в пользу Атомного проекта, мнения “ущемлённых” министерств и ведомств могли вообще не запрашивать. Характерный пример — подготовка постановления Совмина о создании очередного завода по производству металлического урана. ПГУ предложило разместить его на площадке строящегося автомобильного завода в Новосибирске, рассчитывая существенно сократить сроки ввода в строй. В сентябре 1948 г. обсуждение вопроса вынесли на заседание Спецкомитета. К тому времени Министерство автомобильной и тракторной промышленности СССР уже затратило на возведение автозавода 60 млн руб., но его руководство даже не проинформировали о готовящемся “изъятии” стройки. Спецкомитет согласился с предложением ПГУ. В итоге в постановлении Совмина появилась запись: “Обязать Министерство... передать в месячный срок Первому главному управлению при Совете министров СССР площадку строительства автозавода в г. Новосибирске со всеми зданиями и вспомогательными сооружениями”. С учётом дефицита электроэнергии в Западной Сибири и большой энергоёмкости производства металлического урана документ содержал ещё одно важное предписание: “Обязать Госнаб СССР (т. Кагановича) и Министерство электростанций (т. Жимерина) обеспечить завод № 250... электроэнергией в потребном количестве”. Все эти решения были исполнены точно в срок и в полном объёме [8, с. 311; 16, с. 162, 163].

Специфическую роль в организации работ играло сводное планирование: оно подстраивалось

под реально складывающуюся ситуацию и в основном выполняло информационные функции. В квартальных и годовых производственных планах фиксировались контрольные цифры по выпуску основной и смежной продукции в целом и материальном выражении, а также необходимые для их достижения ресурсы. Наиболее детально разрабатывалась инвестиционная программа, включавшая общий объём затрат на капитальное строительство и их распределение по объектам. Параллельно составлялись планы научно-исследовательских, проектных и конструкторских работ, имевших критически важное значение для выполнения производственной программы. Подготовленные штабными и исполнительными органами Атомного проекта контрольные цифры утверждались Спецкомитетом и отдельной строкой доводились до сведения Госплана, Минфина, Госнаба и привлечённых к работе министерств и ведомств. Установленные задания подлежали безусловному исполнению “независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства” [17, с. 207, 208]. Сам же Спецкомитет систематически корректировал утверждённые показатели в связи “с вновь открывшимися обстоятельствами” и ожидаемыми результатами. Иначе говоря, руководство проектом осуществлялось не в плановом порядке, а в ручном режиме [18, р. 268].

После испытания первой атомной бомбы было решено расширить горизонт планирования. В октябре 1949 г. Совмин СССР по представлению Спецкомитета принял постановление “О развитии атомной промышленности в 1950–1954 гг.” [16, с. 340–353]. Его целевая установка заключалась в производстве максимально возможного количества ядерных зарядов: “153 готовых изделий”. Далее устанавливались объёмы производства промежуточной продукции: добычи и обогащения урановой руды, выплавки металлического урана, выпуска делящихся материалов. Затем определялся объём капитальных вложений, необходимых для выхода на запланированный уровень производства. При этом какой-либо увязки с пятилетним общегосударственным планом не проводилось. Отсутствовали и задания смежникам на поставку материалов, приборов, оборудования, комплектующих. По умолчанию предполагалось, что атомная промышленность должна получать всё по потребности, независимо от общего состояния дел в экономике и возможностей других отраслей. Объём финансирования текущей деятельности даже не рассчитывался. Капиталовложения в развитие научно-производственной базы атомной отрасли на плановый период сначала установили в размере 20 млрд руб., а через год увеличили до 27 млрд. Фактические же затраты оказались и того больше [11, с. 102, 385–389, 635, 636]. Но главная задача “атомной пяти-

летки” была решена: в 1954 г., по имеющимся данным, Советский Союз уже обладал 150 ядерными боезарядами [19, с. 199].

Принятый порядок планирования и организации работы ставил Атомный проект в исключительное положение: для выполнения его заданий можно было мобилизовать столько ресурсов, сколько его руководство считало необходимым. Но сказанное отнюдь не означает, что результата стремились добиться любой ценой. Важный ограничитель запросов был встроен в саму структуру управления проектом: в его высший руководящий орган — Спецкомитет — входили люди, отвечавшие за общее состояние дел в стране. Те же Берия, Вознесенский, Маленков как государственные деятели просто вынуждены были учитывать нужды и возможности экономики. Отсюда их взвешенный подход при принятии затратных решений, нередко противоречивший требованиям исполнительных органов и штабных структур Атомного проекта. Ярким свидетельством тому является обвинение заместителя министра среднего машиностроения А.П. Завенягина в адрес Берии, прозвучавшее на июльском (1953) пленуме ЦК КПСС. Он инкриминировал ему неразумную экономию средств, утверждая: «Когда мы (ПГУ. — Е.А.) ставили вопрос о новом строительстве, Берия нам говорил: “К чёрту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку”» [20, с. 326, 327].

Так на практике происходило согласование запросов управленческих структур Атомного проекта с установленными им заданиями. Только Спецкомитет мог ограничить требования ядерно-оружейного лобби, не поступаясь амбициозными планами. Задача оказалась непростой, тем не менее её решение было найдено. Оно заключалось, с одной стороны, в насаждении жёсткой исполнительной дисциплины, а с другой — в создании конкурентной среды, побуждавшей добиваться наилучших результатов.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАЖИМ И КОНКУРЕНЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Решения Спецкомитета проводились в жизнь Первым главным управлением. В его ведении находились предприятия и организации, занимавшиеся добычей и переработкой урановых руд (впоследствии они были переданы Второму главному управлению), производством металлического урана, отдельных видов оборудования, специальных материалов, а также конструированием и изготовлением ядерных боезарядов. ПГУ отвечало и за развитие военной составляющей ядерно-оружейного комплекса: ему непосредственно подчинялись воинские части и учреждения, осуществлявшие натурные испытания, приёмку, хранение и подготовку изделий к боевому применению. Кроме того, оно выполняло надведомственные

функции: координировало деятельность многочисленных министерств и ведомств при выполнении ими “научно-исследовательских, проектных, конструкторских и практических работ по использованию внутриатомной энергии” [8, с. 12; 17, с. 197–201]. А чтобы ПГУ не проявляло самостоятельности, за всеми основными организациями, связанными использованием атомной энергии, наблюдали уполномоченные Совета министров СССР. Они комплектовались из числа генералов и офицеров спецслужб и подчинялись лично Берии как заместителю Сталина по Совмину [8, с. 420, 421, 466–470, 500–502]. Таким образом, управленческие и контрольные функции были сосредоточены в одних руках, чего в практике руководства советской экономикой ни прежде, ни позже не наблюдалось.

Жёсткий контроль за исполнителями позволял Спецкомитету оперативно реагировать на сбой при выполнении заданий. Санкции в отношении “провинившихся”, как и способы поощрения “отличившихся”, определялись по его усмотрению. Наиболее часто в разряд провинившихся попадали смежники: они привыкли к тому, что соблюдение установленных заказчиком технических параметров не является строго обязательным, что сроки отгрузки продукции можно перенести и т.д. Сказывался диктат производителя, считающийся одной из отличительных особенностей советской экономической системы. В Атомном проекте эту проблему решили в привычном духе: поставку некачественного оборудования, комплектующих и материалов, отступление от технических требований и т.п. стали интерпретировать как саботаж и вредительство. При желании “в злом умысле” можно было обвинить даже крупных хозяйственников. Так, в частности, произошло в случае с поставкой строящемуся комбинату № 813 (по обогащению урана) задвиги для вакуумного насоса, которую по каким-то причинам признали некачественной. Руководство предприятия-изготовителя пошло под суд, а начальника главка Министерства машиностроения и приборостроения, в ведении которого находился завод, уволили [21, с. 40, 41].

Были случаи, когда репрессиям подвергалось чуть ли не всё руководство отрасли. Так, в апреле 1949 г. Министерство геологии СССР обвинили в “политических и организационных ошибках”, обернувшихся срывом правительственного задания “по выявлению месторождений с богатыми и легкодоступными [урановыми] рудами”. В результате министра И.И. Малышева и его первого заместителя С.В. Горюнова сняли с занимаемых постов, а отдельные руководящие работники и крупные специалисты, якобы “злонамеренно... направлявшие геологические разведки по ложному пути”, подверглись уголовному преследованию [16, с. 282–285, 313–320]. Среди хозяйствен-

ных руководителей распространилось убеждение в том, что с Главгортстроем (одно из открытых наименований ПГУ) шутки плохи. Но всё же уголовное преследование руководящих работников было скорее исключением. От него ожидали в первую очередь демонстрационного эффекта. Поэтому большинство допущенных сбоев, как правило, оборачивалось вызовом на ковёр, чтобы мобилизовать ответственных исполнителей на их устранение.

Вот как об этом рассказывал Е.П. Славский, ставший впоследствии министром среднего машиностроения. Будучи заместителем министра цветной металлургии, он отвечал за поставку особо чистого графита для уран-графитовых реакторов. По его словам, это “была не работа”, а “хождение по лезвию бритвы. Малейший сбой – жизнью рискуешь”. Так, на заводе, которому поручили наладить производство графита, решили, что добиться его чистоты, предусмотренной техническими требованиями, невозможно. В результате начали поставлять графит неудовлетворительного качества. Под угрозой срыва оказалась вся программа получения плутония для атомной бомбы. Ответственных за “срыв правительственного решения” вызвали в Спецкомитет. “Мы вышли с заседания словно заново родились. Как будто только что стояли на стуле с петлёй на шее, и оставалось лишь его выбить из-под нас. А тут оказалось, что сняли петлю, и мы пошли работать”. Можно только догадываться, как они работали с непосредственным исполнителем – коллективом Московского электродного завода Министерства цветной металлургии. В воспоминаниях Славский скупно отметил: “Учинили там погром”. В направленном Спецкомитету отчёте говорилось иначе: “Принятыми организационно-техническими мерами и успешной рационализаторской деятельностью... трудности освоения сложного технологического процесса... преодолены” [22, с. 17–20; 8, с. 98, 99; 17, с. 488, 489; 14, с. 706]. Но как бы там ни было, задачу получения чистого графита решили в кратчайшие сроки.

Выполнение особо важных заданий руководители Атомного проекта контролировали лично, как говорилось, на месте. На строительстве комбината № 817 (по наработке плутония) неделями находились начальник ПГУ Б.Л. Ванников и его заместители. В период пусковых работ там практически постоянно жил заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышёв, контролировавший строительные организации. Сходный режим работы был и у И.В. Курчатова. Их присутствие позволяло оперативно решать постоянно возникавшие проблемы организационно-производственного и научно-технического характера. Для этого они широко использовали методы административного нажима в отношении строителей, поставщиков оборудования, эксплуатационни-

ков. В критические же моменты на комбинате появлялся Л.П. Берия. Его приезд становился серьёзным испытанием для всех. По воспоминаниям очевидцев, вёл он себя внешне корректно: говорил негромко, был немногословен, больше слушал пояснения специалистов. Но если он выражал недовольство чем-либо, то даже “высокие” начальники “впадали в панику” [23, с. 131, 132]. Дело в том, что критические замечания Берии нередко оборачивались отстранением от дел “провинившихся”, а то и их арестом. В любом случае, его рабочие поездки на объекты всегда давали результат.

Ресурсы административного нажима хорошо иллюстрирует пример с запуском газодиффузионного производства по получению оружейного урана на комбинате № 813. Его технологию советские специалисты разработали самостоятельно. Но на стадии пусконаладочных работ обнаружилось, что предприятие, в строительство которого вложили миллиарды рублей, не выдаёт конечного продукта нужной кондиции. Возник вопрос: “Кто виноват и что делать?” [21, с. 54–56]. Чтобы разобраться с проблемой, в сентябре 1949 г. на пусковой объект прибыли Берия, Ванников, Первухин, Малышев и Курчатова. Они сразу же начали “дознание” в виде “опросов-допросов” руководителей и специалистов [24, с. 72, 73]. Затем Берия провёл совещание с узким кругом лиц, отвечавших за технологию процесса и ввод в строй комбината. По воспоминаниям А.М. Петросьянца, курировавшего в ПГУ разделительное производство, совещание оказалось коротким, поскольку никто не мог вразумительно сказать, в чём дело. Берия прервал его, заявив примерно следующее (стенограммы, разумеется, не было): “Страна... дала вам всё, что вы просили. И мы теперь вправе ожидать от вас полного выполнения задания. Короче, дело обстоит так: даю вам срок три месяца... но предупреждаю, что, если вы не обеспечите... что от вас требуется, пеняйте на себя, а я заранее предупреждаю – сушите сухари”. Все присутствовавшие прекрасно знали, что председатель Спецкомитета слов на ветер не бросал. Поэтому выход из сложившейся ситуации у них был только один – решение проблемы [25, с. 85, 86]. Комбинату оказали всемерную помощь в доработке технологии, и уже к концу 1950 г. его суточная производительность заметно превысила проектную мощность. Это был выдающийся научно-технический результат [8, с. 407; 16, с. 348, 359, 363–365; 21, с. 57–65]. СССР овладел диффузионной технологией обогащения урана всего на четыре года позже США. И только ещё две страны смогли повторить их успех – Великобритания, запустившая в 1956 г. свой газодиффузионный завод, и Франция, которая ввела в строй аналогичное предприятие в 1967 г. [24, с. 75].

Жёсткий административный нажим на руководителей стал действенным способом побуждения их к решению поставленных задач. Но не меньшую роль играла принятая организация работы, которая шла сразу по нескольким направлениям. Официально подобная практика, именуемая параллелизмом, осуждалась. Однако в Атомный проект её ввели для того, чтобы оказывать стимулирующее воздействие на исполнителей: появлялась конкуренция, позволявшая ускорить выход на конечный результат. Добившиеся успеха руководители и коллективы повышали свой формальный и неформальный статус и могли рассчитывать на дополнительные преференции. В то же время направления, не оправдавшие ожиданий, утрачивали преимущества в ресурсном обеспечении и финансировании; более того, их вообще могли закрыть. Так, в частности, произошло с комбинатом № 814 (по обогащению урана электромагнитным способом). Его первую очередь сдали в эксплуатацию в конце 1950 г., но оказалось, что электромагнитный метод по эффективности значительно уступает газодиффузионному. Поэтому было принято решение сосредоточить производство обогащённого урана на комбинате № 813, а № 814 ликвидировать. Его здания и сооружения вместе с оборудованием и всей инфраструктурой передали вновь организованному заводу № 418 по серийному выпуску ядерных боеприпасов [11, с. 367, 368, 522; 26, с. 309, 310].

Конечно, практика ликвидации предприятий использовалась редко, в порядке исключения. Чаще исполнителям, не справившимся с заданием, давали шанс реабилитировать себя. В качестве примера можно привести организацию конструирования и изготовления оборудования для газодиффузионного производства. Решение этой задачи одновременно возложили на два «флагмана советской индустрии» — горьковский Машиностроительный завод № 92 Министерства вооружения и ленинградский Кировский завод Министерства транспортного машиностроения. К концу 1946 г. они изготовили по 20 газодиффузионных машин. В ходе испытаний явное превосходство показали горьковские образцы, поэтому ПГУ решило оснастить первую очередь комбината № 813 только ими. Но соперничество двух промышленных гигантов на этом не закончилось. На Кировском заводе сменили руководство конструкторских подразделений и провели масштабную реконструкцию. В результате вторую очередь комбината № 813 укомплектовали только их машинами, поскольку горьковский не сумел создать приемлемого аналога. Его директор (он же главный конструктор) лишился своих постов, а Министерству вооружения пришлось принимать срочные меры по укреплению конструкторско-производственной базы предприятия. Вскоре оно

смогло предложить новые, усовершенствованные образцы основного оборудования для бурно развивавшейся подотрасли атомной промышленности. Таким образом, в течение 1946–1952 гг. было разработано свыше 40 конструкций диффузионных машин, причём 17 из них запустили в серию, в том числе 9 производств ленинградского завода и 8 — горьковского [17, с. 88–91; 24, с. 79–83; 21, с. 38–40].

При создании ядерных боеприпасов также широко использовались элементы конкуренции. Работа над первой атомной бомбой сначала шла по двум конструктивным схемам — с плутониевой и с урановой начинкой. Когда же выяснилось, что последний вариант менее эффективен, от него отказались. Аналогичный подход, предусматривавший соперничество различных проектов, был реализован и при создании термоядерного заряда [12, с. 95, 98, 101; 27, с. 1248–1250]. До середины 1950-х годов конструированием ядерного оружия занималось только КБ-11 (ныне ВНИИ экспериментальной физики, г. Саров). Затем был создан ещё один ядерно-оружейный центр — НИИ-1011 (ныне ВНИИ технической физики, г. Снежинск). По официальной версии, это было сделано для повышения устойчивости процесса разработки критически важных средств вооружённой борьбы в случае прямого военного столкновения с «вероятным противником» [28, с. 39]. Однако, по мнению самих разработчиков, главная причина всё же заключалась в стимулировании соревновательности между организациями, чтобы «старый кот (КБ-11. — Е.А.) не дремал» [29, с. 242; 30, с. 52].

Жёсткая конкуренция администраторов и организаций позволяла выбраковывать тех, кто не сумел дать нужного результата. Но и эта система ещё не гарантировала от сбоев в осуществлении намеченного. Дело в том, что управление в ручном режиме давало возможность концентрировать ресурсы на избранном направлении, но оно не позволяло точно определить реальные потребности и внутренние резервы исполнителей. Поэтому у них всегда оставался шанс облегчить себе жизнь за счёт снижения требований и предоставления наверх недостоверной информации о своих возможностях. Эту проблему не мог решить даже самый тщательный контроль за ними. Другими словами, чтобы минимизировать издержки, свойственные директивным методам руководства, нужно было в полном объёме использовать человеческий фактор — найти квалифицированных людей, способных ответственно относиться к делу, и побудить их работать с максимальной отдачей.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ

Управленческие структуры Атомного проекта имели возможность привлечь к своей работе лю-

бого человека. Для этого они использовали разные способы. В большей мере принцип добровольности при мобилизации кадров соблюдался в отношении учёных. Научное руководство намечало тех, кто мог наилучшим образом решить ту или иную проблему. Дальше с ними проводили разъяснительные беседы: обещали “все возможности для научной работы — лучше, чем где-либо”, “лучшие материальные условия” и т.д. [31, с. 147]. Иногда говорили, что через год-два они смогут вернуться к прежней работе. Но такое происходило редко: руководство проекта весьма неохотно расставалось с устраивавшими его специалистами. И только после ликвидации Спецкомитета обозначился отток мобилизованных ранее известных крупных учёных [28, с. 51].

К администраторам и хозяйственным руководителям относились как к военнообязанным: их перебрасывали на новое место работы, не оставляя шанса отказаться. По воспоминаниям Славского, это выглядело следующим образом. Сначала Завенягин уведомил его о готовящейся мобилизации для работы в ПГУ. Не желая никуда переходить, Славский рассказал о состоявшемся разговоре своему министру П.Ф. Ломако. Тот “бросился” к А.И. Микояну, курировавшему тогда Министерство цветной металлургии, прося заступиться, и получил заверение: “Не волнуйся, если будет решение выпускаться... меня спросят”. Но никто ни о чём Микояна не спросил, и он умыл руки, сказав: “Слушай, кто теперь пойдёт к товарищу Сталину, чтобы он отменил решение?” [22, с. 18, 19]. Попав в систему ПГУ, сам Славский действовал аналогичным образом. Директор первого реакторного завода комбината № 817 Б.В. Брохович об этом вспоминал так. Сначала Славский сказал ему: “Ты попал в рай, по три месяца будешь отдыхать в Крыму и на Кавказе, лишь работай как следует”. Когда же Брохович стал отказываться, Славский не смог сдержаться и начал кричать: “Работать всё равно будешь. Под конвоем водить будем” [32, с. 43].

Конечно, чаще к несогласным применялись иные, но вполне действенные методы убеждения. Так, будущий главный инженер радиохимического производства комбината № 817 М.В. Гладышев попытался заручиться поддержкой своего партийного начальства — парторга ЦК НИИ-9, — чтобы избежать мобилизации, но получил однозначный ответ: если он не примет предложение, то его исключат из партии и уволят с работы. В результате “пришлось... смириться и покинуть Москву и институт навсегда” [33, с. 11, 12].

Нежелание многих руководителей и учёных переходить на работу в структуры Атомного проекта было вполне объяснимо. Кандидаты на ответственные должности в общем представляли, с чем им придётся столкнуться. Конкуренция ад-

министраторов не позволяла никому расслабляться. Даже отсутствие видимых сбоев в работе ещё не гарантировало стабильного положения. По каким-либо соображениям высшее руководство могло неожиданно передвинуть ответственных исполнителей на другую, в том числе нижестоящую, должность, возложить на них дополнительные обязанности и т.д. При этом “выйти из игры” по собственной инициативе было практически невозможно: для ответственного работника это означало, в лучшем случае, конец профессиональной карьеры. Как говорилось, “вход — рубль, выход — два”.

При отборе рядового инженерного и научно-технического персонала, управленцев среднего и низшего звена, квалифицированных рабочих также использовался индивидуальный подход. Однако с учётом массовости “контингента” он осуществлялся в несколько этапов. Сначала Секретариат ЦК ВКП(б) по поручению Спецкомитета устанавливал разрядку различным министерствам и ведомствам, областным комитетам партии — сколько и каких работников нужно откомандировать в распоряжение ПГУ. Подчёркивалось, что отбирать нужно лучших, то есть квалифицированных и дисциплинированных людей, не имевших в своей биографии каких-либо изъёнов. За это рекомендуемые несли персональную ответственность. На следующем этапе намеченные кандидаты тщательно проверялись органами госбезопасности. Затем в дело вступали кадровые службы управления. И только после одобрения последними отобранных работников направляли на предприятия атомной отрасли [8, с. 251, 252; 14, с. 420, 421].

Особое внимание уделялось целевой подготовке специалистов, организованной в ряде ведущих вузов [16, с. 210–216; 757–759; 11, с. 311–318]. При распределении выпускников их согласия никто не спрашивал. По воспоминаниям будущего научного руководителя и директора ВНИИ технической физики (г. Снежинск) академика Е.Н. Аврорина, после окончания физического факультета МГУ он просто получил предписание “поступить в распоряжение тов. Хмелевцева А.М.” (помощника начальника КБ-11 по кадрам) и оказался в Сарове. Вчерашних студентов сразу допускали к самой серьёзной работе. И если всё получалось, то профессиональное признание следовало незамедлительно. Так, Аврорина уже через год наградили орденом Трудового Красного Знамени, повысили в должности и т.д. [34, с. 12, 13].

Основной производственный персонал предприятий и организаций формировался, как правило, посредством группового приёма. На работу направляли целые выпуски учреждений профессионально-технического и среднего специально-

го образования. Значительную часть пополнения составляли бывшие военные строители — практически всех демобилизованных срочников оставляли работать на предприятиях, которые они до этого возводили [14, с. 421; 11, с. 72; 35, с. 156]. Потребности в младшем обслуживающем персонале и разнорабочих в основном покрывали за счёт местного населения, которое также проходило строгую проверку на благонадёжность и профпригодность. Такой порядок привлечения кадров можно назвать добровольно-принудительным.

Специфическую категорию работников составлял спецконтингент — заключённые, военнопленные, спецпоселенцы, репатрианты. В связи с режимными ограничениями их труд не использовался на основном производстве. Исключение составляли учреждения 9-го управления МВД СССР, где работали заключённые и военнопленные. Правда, их оказалось немного — не более 5% общей численности научно-технического персонала, занятого специальной тематикой, и их роль была невелика. Иная практика наблюдалась в уранодобывающей промышленности восточно-европейских стран, которая на 80% обеспечивала советский Атомный проект исходным сырьём: значительную часть её работников составляли военнопленные, депортированные и осуждённые по политическим мотивам [18, р. 278, 290].

В Советском Союзе спецконтингент использовался при возведении объектов атомной промышленности. Сначала он составлял свыше половины всех строителей, затем его относительная численность стала уменьшаться. Дело в том, что спецконтингент хорошо справлялся с выемкой грунта под фундаменты зданий и сооружений, прокладкой дорог и инженерных коммуникаций, заготовкой леса и подобными работами. Но как только заключённых переводили на более сложные участки строительства, начинались сбои. Поэтому было принято решение по их замене военными строителями, более дисциплинированными и мотивированными к производительному труду. А после амнистии 1953 г. военные строители вместе с вольнонаёмным персоналом стали составлять основную рабочую силу строительной индустрии атомной отрасли [36, с. 815].

Для принуждения спецконтингента к труду использовались жёсткие административно-репрессивные методы. Поощрение ограничивалось надбавкой продовольствия к основной норме питания и сокращением срока заключения для выполнявших и перевыполнявших производственные задания [16, с. 198, 199]. В отношении других участников проекта применялась более сложная система мотивации. Чтобы побудить проявлять инициативу, много и напряжённо работать, ответственно относиться к порученному делу, использовалось сочетание методов материального

стимулирования и морального поощрения; воспитания и убеждения; принуждения и насилия. Их содержание не было закреплено законодательно или прописано в каких-либо инструкциях. Но все участники Атомного проекта прекрасно знали о существовании неформальных норм и правил, позволявших применять к ним любые санкции и устанавливать поощрения, далеко выходящие за привычные рамки.

Разумеется, в мотивации отдельных категорий персонала существовала специфика, определявшаяся их местом и ролью в проекте. Так, успех всего дела во многом зависел от его ответственных исполнителей: управленцев высшего ранга, ведущих учёных и конструкторов, руководителей основных предприятий и организаций. Поэтому в материальном отношении им были созданы все условия для продуктивной работы. Они имели высокие должностные оклады, регулярно получали стимулирующие выплаты. За особо крупные достижения ключевым фигурам полагались премии, превышавшие в десятки, а то и в сотни раз среднемесячную зарплату врача или инженера [8, с. 53–56; 37, с. 501, 502]. И им было на что потратить свои доходы благодаря доступу к специальным распределителям и другим преференциям. Важную роль в мотивации атомной элиты играли нематериальные факторы. Участие в проекте открывало крупным учёным и хозяйственным руководителям заманчивые перспективы для профессионального и карьерного роста, решало проблему самореализации. Как вспоминал в одном из последних интервью выдающийся физик-ядерщик академик А.Д. Сахаров, “интерес вызывала грандиозность проблем, возможность показать, на что ты способен, прежде всего самому себе доказать” [38, р. 298]. Для творческих и амбициозных людей это значило очень много, они работали “с огромным увлечением и мобилизацией всех душевных и физических сил” [39, с. 61]. Оказывала воздействие и уверенность в значимости проекта для страны. Среди его участников было широко распространено убеждение, что, создавая ядерное оружие, они защищают Москву от судьбы Хиросимы и Нагасаки [40, с. 24, 25], поэтому они не испытывали морального дискомфорта от своей работы.

Рядовые участники в первую очередь ценили материальные стимулы. Согласно ретроспективному социологическому исследованию, проведённому в одном из закрытых атомных городов, три четверти его жителей, мобилизованных в то время, рассчитывали заметно улучшить свои жилищные условия, 70% — иметь достойную зарплату и хорошее снабжение и только 36% ориентировались на интересную работу [41, с. 38]. Руководство проекта учитывало такие настроения. Инженерно-технические работники и служащие получали повышенные против обычных пред-

приятный оклады. Оплата труда рабочих осуществлялась по специально разработанным тарифным сеткам. Практически все имели различные надбавки, квартальные и годовые премии. К этому добавлялись крупные разовые выплаты за вклад того или иного коллектива в решение значимых задач [14, с. 292, 293, 314–316]. Сходные принципы оплаты труда существовали у смежников, привлекаемых на плановой основе.

Материальное стимулирование не ограничивалось высоким уровнем оплаты труда. В советском обществе благосостояние человека во многом определялось его доступом к закрытым сетям распределения потребительских товаров и услуг. В этом отношении все участвовавшие в Атомном проекте коллективы находились в привилегированном положении. Так, по воспоминаниям главного конструктора ядерных зарядов академика Б.В. Литвинова, он, впервые попав на “объект” из Москвы, с удивлением обнаружил, что в магазинах имелось “практически всё, что может душа пожелать”, и всё было доступно, поскольку “платили... немало”. При прохождении преддипломной практики в КБ-11 ему сразу назначили должностной оклад лаборанта в размере 1 тыс. руб. с доплатой 75% к нему. Это был минимум, установленный для персонала научно-исследовательского сектора, но он чуть ли не втрое превышал среднемесячную заработную плату по народному хозяйству [42, с. 260, 287; 37, с. 501, 502]. Сложнее решалась жилищная проблема. Особенно остро она ощущалась в коллективах возводимых предприятий. Но благодаря интенсивному строительству обеспеченность атомной отрасли жилым фондом и объектами культурно-бытового назначения быстро росла, и уже в начале 1950-х годов заметно превысила общесоюзные стандарты [21, с. 288–290; 37, с. 176, 177].

Материальное поощрение производственной активности работников подкреплялось административным принуждением. Систематическое невыполнение заданий оборачивалось выговорами с ограничением доступа к материальным благам. Самовольно оставившие предприятие, допускавшие прогулы или неоднократные опоздания на службу, приговаривались к исправительным работам и даже к тюремному заключению. Особенно строго следили за соблюдением требований, предусмотренных технической документацией. Виновных в нарушении установленных норм ждали суд и исправительно-трудовые лагеря. Имелись случаи, когда “отсидевших положенное” возвращали на объект. Их злоключения наглядно демонстрировали другим жизненную необходимость соблюдения технологической дисциплины [33, с. 23, 24]. Количество наложенных взысканий варьировалось от предприятия к предприятию, но в целом было весьма значительным. Так, в КБ-11, где практиковался особо тщательный отбор работни-

ков, за девять месяцев 1950 г. различного рода взыскания получили 378 человек, или каждый десятый сотрудник, а 86 особо “злостных нарушителей” были отданы под суд [43, с. 45]. Санкции хорошо вписывались в атмосферу секретности, окутывавшую все аспекты научно-производственной деятельности, и вместе с интенсивной пропагандой советского патриотизма, постоянным напоминанием о сложной международной обстановке и т.п. оказывали дополнительное воздействие на работников.

Конечно, повышение уровня дисциплины ещё не тождественно росту эффективности трудовых усилий. В первую очередь сказанное справедливо для высокотехнологичного производства, которое предъявляет особые требования к работникам. Даже его рядовые участники должны обладать минимумом таких качеств, как инициативность, предприимчивость, сознательная ответственность. В условиях жёсткой иерархии управленческих отношений и произвола эти качества формировались с большим трудом. Важную роль в преодолении феномена “частичного работника” играло убеждение всех занятых в Атомном проекте в огромной значимости их дела, культивирование чувства солидарной ответственности за результаты работы. Кроме того, людей ставили в положение, вынуждавшее их проявлять инициативу и изобретательность при выполнении своих обязанностей — в противном случае они многое теряли и в материальном, и в статусном отношении. Так в коллективах атомной отрасли утвердилась своеобразная модель трудового поведения, в которой сочетались готовность неукоснительно следовать разным инструкциям, строго выполнять приказы и желание сознательно, ответственно подходить к порученному делу, работать с выдумкой. Широкое распространение этих установок играло важную роль в решении поставленных задач.

* * *

Главным результатом реализации Атомного проекта стало качественное усиление военной мощи страны. В 1957 г. в советском арсенале находилось уже 660 ядерных боеприпасов, обеспеченных необходимым количеством средств их доставки [19, с. 199]. Правда, основной вероятный противник — США — располагал в то время в несколько раз большими возможностями. Поэтому до паритета с ним было ещё далеко. Тем не менее благодаря Атомному проекту Советский Союз закрепил за собой статус сверхдержавы. Здесь, правда, возникает вопрос: во что он обошёлся стране? На сей счёт сегодня имеются лишь самые общие данные. Есть сведения, что в период четвёртой пятилетки (1946–1950) Атомный проект поглощал 3%, а в пятой пятилетке — 4% общего

объёма капитальных вложений в народное хозяйство [44, с. 240–245; 45, с. 164; 26, с. 556]. Однако в реальности затраты были больше, поскольку приводимые данные не учитывали вложения в развитие обеспечивающих производств, включённые в лимиты министерств-смежников.

Возможно, не все выделяемые средства тратились рационально. Как правило, командной экономике вообще отказывают в способности эффективно распоряжаться ресурсами [46, с. 103–111]. Но опыт Атомного проекта свидетельствует о другом. По имеющимся оценкам, — конечно, весьма приблизительным — стоимость создания и испытания первых бомб в США и СССР существенно не отличалась. Вполне сопоставимы и расходы на единицу конечной продукции после перехода к серийному выпуску изделий. По крайней мере, затраты на атомные программы — американскую в 1941–1950 гг. и советскую в 1945–1953 гг. — оказались примерно равны [47, с. 327; 48, с. 275, 276]. Следовательно, в некоторых случаях институты командной экономики могли действовать вполне эффективно. Всё зависело от адаптации свойственных ей управленческих практик к решению поставленных задач. Безусловный приоритет при распределении ресурсов, проектный принцип организации работы, ручной режим управления, поощрение конкуренции администраторов и организаций, действенные (хотя подчас жёсткие) способы мотивации труда — всё это позволило оптимизировать затраты и результаты. Но нельзя не отметить, что эти меры носили чрезвычайный характер: в совокупности они могли применяться лишь для точечных прорывов в развитии науки, техники, производства. Однако число приоритетных сегментов экономики нельзя было расширять до бесконечности. Неслучайно при решении даже таких первостепенных задач, как создание ракетной техники и радиоэлектронного вооружения (с начала 1950-х годов также находившихся в ведении Спецкомитета), использованные в Атомном проекте подходы применялись лишь частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 1. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1998.
2. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991.
3. Гайдар Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
4. Роузфилд С. Экономика военно-промышленного комплекса // Экономика России: Оксфордский сборник. Кн. 2. М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2015.
5. Мельникова Н.В., Бедель А.Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история. Ежегодник. 2014/2015 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2016.
6. Мельникова Н.В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории Атомного проекта СССР: Сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 1. С. 85–109.
7. Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Роль зарубежного опыта в реализации советского Атомного проекта // Экономическая история: Ежегодник. 2014/2015 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2016.
8. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Кн. 1. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999.
9. Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Военные приготовления и научно-технический прогресс: случай советского Атомного проекта // Экономическая история. 2015. № 1(28). С. 45–56.
10. Бирюков Н.С. Рождённые атомной эрой. 12-е Главное управление Министерства обороны Российской Федерации: Опыт создания и развития. М.: Чеховский полиграфический комбинат МО, 2002.
11. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Кн. 5. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005.
12. Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. 2001. № 1. С. 79–104.
13. Чувев Ф.И. Молотов: полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2000.
14. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Кн. 3. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005.
15. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-Пресс, 2005.
16. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Кн. 4. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003.
17. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Кн. 2. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000.
18. Артёмов Е.Т. Советский Атомный проект в системе “командной экономики” // Cahiers du Monde Russe. 2014. V. 55. № 3–4. Р. 267–294.
19. Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1: Советская военная мощь. М.: Российская академия ракетных и артиллерийских наук; Издательский дом “Оружие и технологии”, 2010.
20. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международного фонда “Демократия”, 1999.
21. Артёмов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург: Изд-во ООО “СВ-96”, 1999.

22. *Славский Е.П.* Из рассказов старого атомщика // Е.П. Славский. Страницы жизни. М.: ИздАТ, 1998.
23. *Новосёлов В.Н., Толстиков В.С.* Тайны “сороковки”. Екатеринбург: ИПП “Уральский рабочий”, 1995.
24. *Синёв Н.М.* Обогащённый уран для атомного оружия и энергетики. К истории создания в СССР промышленной технологии и производства высокообогащённого урана (1945–1952 гг.). М.: ЦНИИАтоминформ, 1991.
25. *Петросьянц А.М.* Дороги жизни, которые выбирали нас. М.: Энергоатомиздат, 1993.
26. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х томах / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Кн. 7. М.; Саров: Наука: Физматлит; РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2007.
27. *Гончаров Г.А.* Необычайный по красоте физический принцип конструирования термоядерных зарядов (к 50-летию со дня испытания первого отечественного двухступенчатого термоядерного заряда РДС-37) // Успехи физических наук. 2005. № 11. С. 1243–1252.
28. *Артёмов Е.Т., Волошин Н.П., Литвинов Б.В., Никитин В.И.* В целях усиления работ // Уральский исторический вестник. 2008. № 3(20). С. 38–58.
29. Лев и атом. Академик Л.П. Феоктистов: Автопортрет на фоне воспоминаний. М.: Воскресенье, 2003.
30. *Имамутдинов И.* Просто очень интересная наука // Эксперт. 2013. № 14.
31. *Сахаров А.Д.* Воспоминания. 1921–1971. Так сложилась жизнь. М.: КоЛибри, 2016.
32. *Брохович Б.В.* Химический комбинат “Маяк”. История. Серпантин событий (воспоминания). Озёрск: ПО “Маяк”, 1996.
33. *Гладышев М.В.* Плутоний для атомной бомбы (директор плутониевого завода делится воспоминаниями). Челябинск: ПО “Маяк”, 1992.
34. *Артёмов Е.Т., Волошин Н.П.* Академик Евгений Николаевич Аврорин. Человек, ковавший ядерный щит страны // Комсомольская правда. 2012. 10 июля.
35. *Савицкий И.М.* Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2011.
36. *Дерябин И.Е., Жуманов Р.А.* Строительная индустрия Минатома России // Ядерная индустрия России. М.: Энергоатомиздат, 2000.
37. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецов, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
38. *Holloway D.* Stalin and the Bomb: the Soviet Union and the Atomic Energy. 1939–1956. New Haven; London: Yale Univ. press, 1994.
39. *Цукерман В.А., Азарх З.А.* Люди и взрывы. Арзамас-16: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1994.
40. *Алтышулер Л.В.* Вся жизнь в Атомграде // Наука и жизнь. 1994. № 2. С. 24–32.
41. *Мельникова Н.В.* Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.
42. *Литвинов Б.В.* Грани прошедшего. М.: ИздАТ, 2006.
43. История создания ядерного оружия в СССР. 1946–1953 годы (в документах). В 8 томах. Т. 1. Кн. 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999.
44. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996.
45. *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006.
46. *Эрикссон Р.* Командная экономика и её наследие // Экономика России: Оксфордский сборник. Кн. 1. М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2015.
47. *Котельников Р.Б., Тумбаков В.А.* Атомный проект СССР – дерево целей, ресурсы, усилия, результаты (1945–1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940–1950 гг.). М.: ИздАТ, 1999.
48. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития. М.: Институт российской истории РАН, 2006.

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ¹

© 2020 г. Е. Ю. Зубкова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: elena.zubkova@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 27.06.2020 г.

В статье рассматривается “советская жизнь” как интегральная модель перспективного изучения социальной истории России/СССР советского периода. Необходимость методологического и предметного синтеза в исследовании феномена советского обусловлена как задачами развития исторического знания, так и вызовами постсоветской ностальгии, коллективной памяти о советском прошлом. По каким критериям можно структурировать/реконструировать “советскую жизнь”? Насколько удачным/неудачным оказался прошлый опыт создания интегральных моделей советской социальной реальности? Как он помогает оценить перспективы изучения советского проекта в целом? Статья — не только попытка ответить на эти вопросы, но и приглашение к обсуждению перспектив развития социальной истории России.

Ключевые слова: Россия/СССР, социальная история, советская жизнь, история повседневности, постсоветская ностальгия.

DOI: 10.31857/S0869587320090091

Советский проект в самых разных своих проявлениях всегда привлекал внимание экспертов — историков, политологов, социологов, культурологов. Социальная история, пережив в конце 1990-х годов своего рода историографический бум, превратилась в одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений исследований *феномена советского*. Её популярность во многом связана не только с широтой предмета, но и с восприимчивостью к междисциплинарным методам,

органичным — хотя часто непересекающимся — сосуществованием макро- и микроистории, а также некоторой общностью источниковой базы. За годы стремительного развития социальной истории России советского периода удалось накопить внушительный историографический багаж. Его комплексная инвентаризация — задача специального исследования. Однако уже сейчас очевидно, что этот опыт не просто нуждается в обобщении. Он должен стать стартовой площадкой для новых исследований, аккумулирующих знания о советской реальности и верифицирующих предложенные модели её объяснения. Поэтому главная перспектива развития *социальной истории советского* — синтез: методологический и предметный.

Разработка интегральных исследовательских стратегий — проблема, актуальная не только для социальной истории России XX в. Л.П. Репина, отслеживая тенденции мировой историографии, ещё в конце 1990-х годов обосновала необходимость междисциплинарного синтеза как новой познавательной ориентации социальной истории [1]. С тех пор на эту тему написано уже немало [2–4], и высказанные идеи успешно реализуются в конкретных исследованиях. Вместе с тем опыты

ЗУБКОВА Елена Юрьевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

¹ Статья впервые опубликована в журнале “Российская история” (2019. № 5. С. 3–14).

предметного синтеза, основанные на использовании интегральных предметных моделей для изучения феномена советского, пока являются скорее исключением. Отмечу три книги, весьма разные по замыслу, методологии и стилю. А.В. Юрчак использовал модель синтеза для реконструкции жизни *одного поколения* — позднесоветского [5]. Ю.Л. Слёзкин сделал практически то же самое, но в масштабе микромира, точнее *микроскопа* советского — “Дома на Набережной” [6]. Н.Б. Лебина предложила своего рода книгу-конструктор, из которого каждый читатель может собрать собственный *советский мир* [7, 8]. Мы проходим сейчас поисковый период, когда необходимость *конструирования советского* — создания целого из фрагментов — уже вполне осознана научным сообществом, но сохраняется дистанция между идеей и её воплощением. Европейский университет (Санкт-Петербург) с 2007 г. проводит ежегодные конференции и издаёт сборники статей в рамках проекта «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности». Примечательно, что участниками проекта являются аспиранты и молодые учёные, родившиеся или прошедшие социализацию в постсоветский период, для которых советский опыт уже не является территорией личной истории.

В данной статье, которая носит характер не столько постановочный, сколько импульсный и в чём-то провокационный, в качестве интегральной исследовательской модели предлагается феномен *советская жизнь*. Идея эта родилась не сегодня. Несколько лет назад готовился к изданию очередной том серии “Документы советской истории”, посвящённый *советской повседневности* послевоенных лет. Логика источника вывела сборник за привычные границы истории повседневности, но при этом его содержание более адекватно и объёмно отражало социальную реальность того времени — условия и стратегии существования граждан страны. Так появилось новое название — “советская жизнь” [9]. Однако возникают естественные вопросы. В какой степени это понятие поддаётся концептуализации? По каким критериям можно структурировать/реконструировать *советскую жизнь*? Насколько удачными/неудачными оказались прошлые опыты создания интегральных моделей советской социальной реальности? Как они помогают оценить перспективы изучения феномена *советского*?

ВЫЗОВЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ НОСТАЛЬГИИ

Весомый аргумент в пользу использования понятия “советская жизнь” для обозначения предмета исторического исследования дал современный опыт коллективного освоения советского прошлого. Одно из наиболее заметных явлений

на этом поле — постсоветская ностальгия. Историческая наука и коллективная память, как известно, представляют собой разные форматы, разные способы осмысления прошлого. Вместе с тем “историк всегда помнит о том, что конструируемое им прошлое раньше было чьим-то настоящим” [10, с. 5]. Советский период истории — особая территория познания: здесь прошлое всё ещё плотно сосуществует с настоящим, воспоминания не только не “остыли”, но и активно участвуют в создании образов ушедшей реальности.

Как правило, они насыщены положительным смыслом. Социологи Левада-Центра, изучающие отношение россиян к факту распада Советского Союза, уже на рубеже 1990–2000-х годов отмечали ностальгию по СССР как устойчивый феномен [11]. В начале 2000-х доля сожалеющих о распаде советского государства составляла 68–75% опрошенных. Спустя почти 20 лет, согласно опросу, проведённому в ноябре 2018 г., аналогичный ответ дали 66% респондентов (рост с 58% годом ранее) [12]. Появился особый показатель — “индекс ностальгии по СССР”, измеряющий таковую среди различных возрастных групп. Нас, впрочем, интересует не столько сам факт таких настроений, сколько их причины. Предлагаемый Левада-Центром выбор ответов не слишком широк и вынужденно — в целях фиксации динамики — ориентирован на более ранние опросы. Вместе с тем можно наблюдать одну характерную тенденцию: постепенное снижение доли политических (утрата принадлежности к великой державе) и экономических (разрушение единой экономической системы) мотиваций и увеличение удельного веса аргументов, связанных с условиями жизни и отношениями людей внутри социума. Ностальгия сохраняет преимущественно эстетическую природу, но в картине советской реальности, конструируемой в коллективной памяти, образ государства постепенно меркнет: *тоска по державе* уступает место *тоске по смыслам* [5, с. 45]. Может быть, поэтому люди, положительно оценивающие советский период истории, в том числе и своей личной истории, вовсе не пытаются вернуться “назад в СССР”?

Ещё более очевидно данную тенденцию демонстрирует российская блогосфера. Благодаря информационным технологиям Интернет стал едва ли не главной площадкой, где создаются и транслируются образы советского прошлого, организуются сообщества, объединённые общими воспоминаниями [13, 14]. Причём в виртуальном пространстве произошла своего рода мутация советского прошлого, которая материализовалась в феномене “народных музеев” [15–17]. Этот процесс всегда связан с отбором — хронологического периода, событий, символов прошлого. Интернет-сообщества и “народные музеи” в большинстве своём сфокусированы

на 1970–1980-х годах — территории воспоминаний последнего советского поколения. Другая особенность ностальгической музеефикации заключена в наполнении импровизированных экспозиций. Как полагает Р.Н. Абрамов, энтузиастами движет прежде всего стремление «выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощённые в устройстве повседневной жизни “простых советских людей”» [15, с. 4].

Один из первых и наиболее ярких проектов “народного музея” советской эпохи — “Музей социалистического быта”, открывшийся в 2011 г. в Казани. Расположенный в бывшей коммунальной квартире, он представляет собой внушительную по объёму коллекцию артефактов 1970–1980-х годов: предметов повседневности, одежды, детских игрушек, парфюмерии, музыкальных инструментов и т.д. Организаторы считают, что этот набор помогает понять, “чем совсем ещё недавно жила огромная многонациональная страна под гордым названием СССР” [18]. Инициаторы аналогичного проекта в Санкт-Петербурге пишут: “Цель музея — не показать достижения советского периода, а вызвать у людей тёплые воспоминания и положительные эмоции” [19]. Экспозиции вполне отвечают этой цели: несмотря на приглашение “совершить тур в светлое прошлое”, они не несут идеологической заданности и вовсе не чужды иронии/самоиронии над прошлым (например, среди экспонатов можно увидеть тунику, сшитую из пионерских галстуков, или куртку из обложек партийных билетов).

“Народный музей”, реконструирующий советскую жизнь, — не столько форма сакрализации прошлого, сколько, пользуясь выражением С. Бойм, “общее место” памяти [20] и показа вещного мира советского. Названия музеев социалистического быта лишь частично отражают как замысел инициаторов, так и состав коллекций. Не случайно в английском варианте они звучат более точно: “Museum of Soviet Lifestyle”. Советский стиль/образ жизни, безусловно, прочитывается в собраниях, но с точки зрения организации экспозиций они больше напоминают лавку древностей, способную разве что удовлетворить “антикварное” любопытство посетителей, но не предлагающую сколько-нибудь цельной картины социальной реальности [15, с. 11, 12]. Впрочем, организаторы музеев, не будучи профессионалами, и не ставили перед собой такой задачи. Другое дело — историки. Есть повод присмотреться к этому любопытному феномену: в конце концов, часто именно в сфере коллективных воспоминаний формируется своего рода социальный заказ: запрос, определяющий перспективную предметную область для исторических исследований.

Речь идёт о профессиональном ответе на ностальгический вызов, использовании *познава-*

тельного потенциала ностальгических настроений, а вовсе не о следовании за модой и создании истории в этом ракурсе. Тем более что в публикациях, превращающих прошлое “в любимый парк культуры и отдыха” [20, с. 295], недостаток как раз нет. В одной из работ, посвящённых “будущему ностальгии”, автор предложила развивать теорию и практику не *ретроспективной*, а *перспективной* ностальгии, когда “любовь к руинам сочетается с поиском свободы, а невестребованное прошлое открывает новые дороги в будущем” [21]. Траектория познания “перспективной ностальгии” в направлении освоения “непредусмотренного прошлого” часто идёт в обход общепринятых концепций, методик и особенно бинарных оппозиций [5, с. 38–44].

Одной из первых попыток преодоления бинарного восприятия советской социальной реальности и одновременно опережающей — в сравнении с профессиональной историографией — реакцией на “ностальгический вызов” является медиа-проект Л.Г. Парфёнова “Намедни”. Начатый в конце 1990-х годов как серия телевизионных фильмов, он продолжился в книжном и Интернет-вариантах и представляет собой “свод феноменов советского периода — попытку увидеть главные черты этой цивилизации”. Принцип его построения — монтаж событий, людей, явлений [22]. Критерии отбора обусловлены спецификой жанра журналистики (“то, без чего нас невозможно представить, ещё труднее понять”) и форматом подачи на ТВ (“телегеничность” [23]). Уже в силу этого обстоятельства такие сюжеты нельзя оценивать с точки зрения научной корректности. Однако реконструкция получилась хотя и не вполне отрефлексированной, но более объёмной и многогранной, чем в большинстве исторических трудов.

Произошло это за счёт совмещения разных оптик восприятия и презентации советского: “большой” и “малой” истории, политики и повседневности, внутренней жизни и мирового контекста. Наложение различных форматов реальности, синхронизация разномасштабных процессов и явлений свойственны картине мира и жизненным стратегиям “обычного” человека. Для него очередной “исторический” партийный съезд или международный кризис — чаще всего не более чем кулиса, на фоне которой протекает его собственная, обременённая заботами и наполненная радостями жизнь. Историки и культурологи рассматривают “Намедни”, как правило, в русле ностальгического дискурса, хотя и позиционируют его как разновидность *рефлексирующей* (или *иронической*) [20, с. 301, 302; 21]) ностальгии [24, с. 56; 14, с. 68, 69; 25]. Для нас же данный проект представляет интерес прежде всего как основанный на синтезе и синхронизации опыта реконструкции социальной реальности.

Проекты медийного конструирования и презентации “жизни в СССР” существовали и в советское время. Они носили почти исключительно идеологический характер: отечественные пресса, радио, телевидение приложили немало усилий, чтобы создать и транслировать позитивные представления о стране как для внутренней, так и для зарубежной аудитории. Самый яркий пример — журнал “Soviet Life”. Основанный по соглашению между правительствами СССР и США в 1956 г. и выходивший на английском языке, он первоначально носил название “USSR”, но уже в 1960-е годы, ориентируясь на запросы аудитории, изменил не только название, но и содержание: американского читателя интересовала не большая политика, а реальная жизнь людей. Слово сочетание “советская жизнь” вошло в международный лексикон. Так конструировался собирательный “экспортный” образ советского.

СЛОВА И СМЫСЛЫ

В настоящее время словосочетание “советская жизнь” используется скорее как фигура речи (в лучшем случае) или как привычный, обыденный речевой оборот. Специалисты, выстраивая концепцию исследования, предпочитают заменять его другими понятиями (в числе лидеров — “советская повседневность”). Именно так поступили, например, участники одного из наиболее интересных для нашей темы проектов последних лет — “Советское в повседневности: прошлое и настоящее” (руководители: Лора Л. Адамс и Г. Айтпаева), призванного разработать интегральные учебные курсы (“модели для сборки”), помогающие студентам “разбираться в *разнообразии советской жизни*” (!) [26, с. 12]. Его содержание, несмотря на название, выходит за рамки истории повседневности [27].

Н.Б. Лебина использует понятия “советский быт”, “обыденная жизнь” [8]. А.В. Юрчак реконструирует интегральную модель советской жизни применительно к конкретному периоду истории, опираясь на опыт конкретного, позднесоветского, поколения. В качестве концептуальной рамки он выбрал понятие “советская система”, или просто “система”, но вложил в него иное содержание. Для него система — сложная конфигурация отношений, институтов, идентификаций и смыслов, из которых складывается *пространство жизни граждан* [5, с. 36, 37].

Откуда возникло это странное неприятие, почти боязнь использования понятия “советская жизнь”? Безусловно, можно указать на целый ряд причин: идеологическое обременение, нечёткость содержательных границ, обыденность восприятия и отсюда якобы “ненаучность”. Однако трудно найти смысловую конструкцию, способную сохранять идеологический “нейтралитет”

(пример — та же “система”). Нечёткость границ, несмотря на скепсис критиков, когда-то не помешала, а тем более теперь не препятствует успешному развитию истории повседневности. Кажущаяся ненаучность понятия — всего лишь (точнее, в первую очередь) проблема *языка*. А язык научного исследования — это не столько *слова*, сколько *смыслы*, которые мы в них вкладываем. Поэтому самое время перейти от слов к смыслам.

Когда в 1960-х годах в Советском Союзе после более чем 30-летнего перерыва возобновились социологические исследования, Ю.А. Левада настаивал на системном подходе к изучению общества. В своих вызвавших большой резонанс, а потом объявленных крамольными лекциях по социологии он призвал рассматривать общественную жизнь как систему отношений, а отдельные её сферы — как части этой структуры (узлы системы): “Известно, что ни один человек не живёт и не действует только в сфере труда. Очевидно, ни один человек, независимо от профессии, не живёт только в сфере юридических или моральных отношений общества, каждый одновременно живёт и действует и в сфере производственной, и в сфере нормативной, юридической, моральной, эстетической и т.д.” [28, с. 15]. Точно так же жизнь трудно разделить на публичное и приватное, работу и досуг, духовное и материальное. Она не ограничивается сферой повседневности: это и повседневность, и одновременно разрыв с ней, когда повторяемость обыденных практик сменяется новыми опытами, впечатлениями, эмоциями. Неслучайно конкретные исследования истории советской повседневности нередко выходят за рамки собственно повседневной жизни.

Пытаясь реконструировать советскую жизнь, прежде всего необходимо изменить оптику восприятия объекта — от деталей к системе. Мне представляется, что в данном случае речь идёт о *системе бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определённых условиях — регулируемых (заданных) и возникающих спонтанно, обладающих устойчивыми признаками (закреплёнными в обыденных практиках и ритуалах) и одновременно подвижных, изменчивых*. Система строится по принципу *транспредметных*, перекрещивающихся проблемных полей — пространств/мест, практик, субъектов, атрибутов и символов. Такие поля имеют собственную, достаточно сложную конфигурацию: так, пространства представлены публичной, приватной, “третьей” сферой, общими и локальными форматами. Среди практик можно выделить потребительские, трудовые, досуговые, образовательные, родительские, селективные (включение/исключение), ритуальные, контрольные, “нормальные” (предписываемые), отклоняющиеся. Круг субъектов зависит от критериев социальной идентифика-

ции и методов исследования (демографический анализ, гендерный подход, история поколений и др.), ими могут выступать элитарные и маргинальные группы, женщины и мужчины, люди разных возрастных категорий (дети, молодёжь, пожилые), поколения, представители разных народов.

Множественность пространств, практик и субъектов позволяет фиксировать не только общие признаки условий и качества жизни в СССР, но и их специфику — социальную, гендерную, национальную, культурную, географическую. Жизнь в столице была иной, чем на периферии, в городе — не такой, как на селе, а жители советского Узбекистана и советской Эстонии существовали как будто в разных измерениях. Специфика гендерных ролей и стереотипов накладывала отпечаток на поведение человека на работе, в семье, на отдыхе, определяла особенности коммуникации, форматировала “мужские” и “женские” пространства. Неравный социальный статус и уровень достатка означали разную степень доступа к материальным ресурсам и благам. Важно за этим разнообразием не потерять предметный фокус, позволяющий маркировать “советскость” советской жизни (sic!).

Термин “*советскость*” (“sovietness”) вошёл в научный лексикон уже в конце 1990-х годов. Вместе с тем, как заметил М.Н. Губогло, ясности в его понимании нет до сих пор [29, с. 9]. Он используется в разных контекстах и в соответствии с разными методологическими принципами [29, 30], чаще всего в качестве характеристики социокультурной идентичности — либо применительно к общей категории “советский человек”, либо в более узком плане формирования надэтнической общности (“советского народа”) и характеристики межэтнических отношений в СССР и на постсоветском пространстве [31–34]. Системный анализ категории “советскость” в историческом контексте преемственности институтов и отношений власти, собственности, общества в СССР и современной России предложил Ю.С. Пивоваров [35–37]. Его понимание этой категории представляется мне вполне применимым и к задачам реконструкции особенностей советской жизни: *советскость как сочетание коридора возможностей и рамок ограничений* [36, с. 61, 62].

Советскость (советская специфика) не всегда артикулируется концептуально, но имплицитно присутствует в исследованиях советской повседневности. Одно из главных историографических направлений 2000-х годов — изучение вещного мира, символов (брендов) советского [7, 38, 39], одежды и моды [40–43]. Вопрос о том, что значит “быть советским”, Т. Джонстон вынес в название своей книги, посвящённой обществу 1920–1950-х годов [44]. Д. Фюрст использует термин “soviet-

ness” в монографии о последнем сталинском поколении [45]. Любопытно, что при обсуждении этих книг рецензенты акцентировали внимание на выявлении специфики “sovietness” и отклонений от неё [46, р. 947, 948; 47, р. 484, 485; 48, р. 1113–1115].

Вместе с тем в качестве идентификационного маркера системы бытования — советской жизни — концептуальные рамки советскости до сих пор фактически не использовались. Вероятно, первая эскизная попытка связать оба концепта — “советскость” и “советскую жизнь” — принадлежит В.А. Тишкову. Рассуждая об этнографии советскости, он писал: “В советской жизни многое было задавлено, прежде всего гражданские свободы и уважение к человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось: социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления: личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность” [49].

В реконструкции советской жизни как предмета исследования концепт “советскость” выполняет двойную функцию: социокультурную — как идентификационный маркер — и инструментальную, позволяющую выстроить систему координат жизнедеятельности социума (коридор возможностей и рамки ограничений). Советскость, безусловно, фиксирует специфику, однако она имеет сложную природу: задаёт норму, но одновременно допускает отклонения от неё. Представления об исключительности советского, в том числе почти абсолютной подконтрольности и управляемости сфер и субъектов советской жизни, её оторванности от основных тенденций модерности, сейчас могут быть отнесены к разряду историографических анахронизмов. Даже развитие сферы частной жизни в СССР, долгое время считавшейся едва ли не уничтоженной, в своей имманентной советскости вполне коррелировало с эволюцией приватности в западном мире [50]. Особенности советского рельефнее обозначились из постсоветской перспективы. Рамка советскости — и в частной, и в публичной сферах жизни — оказалась достаточно гибкой и проницаемой для того, чтобы граждане смогли приспособиться к постсоветской реальности. “По-видимому... по крайней мере какая-то часть публичной жизни в условиях государственно-социалистической диктатуры готовила граждан к этим переменам”, — к такому выводу пришли авторы книги о развитии публичной сферы в Советском Союзе [51, S. 10].

Но вместе с тем после распада СССР стало очевидно и другое: советскость не растворилась в постсоветской социальной реальности, а постоянно напоминала о себе. Уровень и качество жиз-

ни существенно изменились, а модели поведения, привычки, форматы коммуникации у многих людей остались прежними. Одними из первых эту тенденцию выявили социологи Левада-Центра, много лет изучавшие “советского человека” в динамике. Авторы проекта, задуманного в 1988 г. для описания “уходящей натуры”, спустя десятилетия оказались вынуждены признать, что “натура” никуда не уходит. Советский человек воспроизводится, причём и в постсоветских поколениях [52]. Он больше не стоит в очередях, не гоняется за дефицитом и даже не ищет утешения на кухне товарища, но во многом живёт по меркам советской жизни.

У каждого исторического феномена есть хронологические рамки. С какого момента мы можем отсчитывать советскую жизнь? В этом вопросе я снова солидарна с Ю.С. Пивоваровым: советская жизнь стала “нормальной”, то есть приобрела черты устойчивости, примерно с середины 1950-х годов [35, с. 61]. А до этого? Главный субъект советской жизни — советский человек — в качестве целевого проекта был задуман раньше. И чрезвычайщина, мобилизационные стратегии тоже неотделимы от советскости, по крайней мере на довольно длительном этапе истории страны и её граждан. Поэтому исторически корректно разделить советскую жизнь на “чрезвычайный” (сталинский) и “нормальный” периоды.

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ: СУБЪЕКТЫ, ПРОСТРАНСТВА, ПРАКТИКИ

Безусловно, система бытования советских граждан имела специфику. Моя задача — эскизно обозначить лакуны в историографии, которая до сих пор носит весьма избирательный характер. Это отразилось на выборе хронологического периода, субъектов, сюжетов. В последние годы фокус начал смещаться на послевоенный и позднесоветский периоды, но историографический мейнстрим по-прежнему сосредоточен на 1920–1930-х годах. Среди субъектов советской жизни пальму первенства уверенно держат “женская” и “детская” истории [53–56]. Существует своеобразный историографический эйджизм, когда остаётся вне поля зрения, например, жизнь представителей старших возрастов (исключением из общей тенденции являются публикации М.В. Ромашовой [57, 58]). Советская жизнь — ещё и история поколений, причём не в демографическом, а в социокультурном смысле этого понятия: постреволюционное, фронтовое (участники Великой Отечественной войны), послевоенное, “шестидесятники”, позднесоветское. У каждого поколения своя история и своя советская жизнь [5, 45, 59–63].

Столь же избирательно освоены и пространства советской жизни. Это касается и публичной,

и частной, и “третьей” сферы (“третьего места”, по теории Р. Ольденбурга [64]). Последняя играла исключительно важную роль в условиях подконтрольности публичной и частной жизни. Как особое пространство коммуникации оно берёт начало в “голубых дунаях” послевоенных лет, ставших последним прибежищем фронтового братства, потом находит продолжение в молодёжных кафе периода “оттепели” и переформатируется в мини-пространства — кухни, гаража, качалки. На таких мини-пространствах — дворах, подъездах и подвалах многоэтажек — сделал акцент А. Голубев [65]. О коммунальных квартирах, долгое время формировавших жизненный мир советского, написано уже довольно много, как и о пришедших им на смену “хрущёвках” [66, с. 224–244; 67–70; 71, S. 165–193; 72; 73, p. 145–170]. Но большинство мини-пространств пока остаются вне поля зрения историков.

Специфика советской жизни рельефно отразилась в её практиках, например, ритуальных: приём в пионеры, ВЛКСМ, партию, отбор кандидатов для зарубежных поездок, комсомольские и партийные собрания. Чистки — обязательный атрибут партийной жизни 1920–1930-х годов — сохранились в другом виде (например, разбор персональных дел за “аморальное поведение”) как часть контрольного механизма, который, казалось, формировал социальный порядок (лучший текст на эту тему — стихотворение “Красный треугольник” А.А. Галича).

Особая тема — потребительские практики. Насколько и когда применимо к советской реальности “западное” понятие “консюмеризм”? Можно ли назвать советского человека потребителем в том смысле, о котором писал Ж. Бодрийяр [74, 75]? В какой степени *homo soveticus* являлся *homo consumens*? А. Берелович пишет по этому поводу: в 1970-х годах советское общество “полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потратить” [76, с. 64]. *Общество потребления в условиях дефицита* — ещё один феномен, изучение которого, по сути, только началось [77]. 24 декабря 1953 г. советские газеты сообщили две новости — о расстреле Л.П. Берии и об открытии главного университета страны — ГУМа. Это знаковое совпадение отметила зарубежная пресса. Спустя несколько лет немецкий еженедельник “Der Spiegel” писал о “дороге к ГУМу” как предвестнике “оттепели” — возвращении жизни в СССР в “нормальное” состояние [78, S. 28–35].

Советские досуговые пространства и практики, особенно позднесоветского периода — ещё одна территория, ждущая освоения. Работа и досуг оказывались тесно связаны — хотя бы потому, что доступ ко многим досуговым и тем более ре-

креационным возможностям зависел от производственных показателей, а особенно от контактов/связей. С. Ловелл предложил ещё один параметр измерения советского — *время*: “Если вы хотите понять, что такое досуг, вам следует изучить, как люди осмыслили труд... как они делили своё время. То, что вы обнаруживаете, оказывается вовсе не плавным переходом от труда к досугу, а сложными взаимодействиями между различными *переживаниями времени*” (курсив мой. — Е.З.) [79, с. 167].

Советская жизнь — для кого-то часть личного опыта, для других, “постсоветских” — вообще *terra incognita*. В любом случае это повод, наконец, более пристально присмотреться к этому весьма любопытному феномену.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В течение двух лет я вела курс “Советская жизнь: пространства, субъекты, практики” для студентов магистратуры Высшей школы экономики. Среди моих слушателей были, условно, “медиевисты” и “новисты”, то есть те, кто занимался периодом до XX в. и даже не российской историей, и будущие специалисты по истории России XX–XXI вв. Во время наших семинаров я отметила интересную закономерность: анализ легче давался “новистам”, а с синтезом — конструированием из деталей целого — успешнее справлялись “медиевисты”. Дело в том, что “новисты” лучше знакомы с историографией, проработавшей советскую жизнь в деталях, но не предложившей пока стратегии сборки. “Медиевистам” проще, поскольку у них, меньше обременённых деталями профессиональной историографии, имелась свобода манёвра. И тем и другим помогли близкие люди, поделившиеся опытом жизни в советской реальности. Мы вместе пытались собрать этот конструктор. Что-то из этого довольно амбициозного и непредсказуемого проекта получилось, что-то нет.

Данная статья — не анализ историографии и даже не “инструкция по сборке”, а всего лишь приглашение к обсуждению, как мне представляется, очень важной и перспективной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 2 // Социальная история. Ежегодник 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7–38.
2. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004.
3. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
4. Репина Л.П. “Новая историческая наука” и социальная история. М.: ИВИ РАН, 2009.
5. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
6. Слёзкин Ю. Дом Правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019.
7. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
8. Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003.
10. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.
11. Седов Л.А. Ностальгия по СССР. <https://www.levada.ru/2007/12/23/1-a-sedov-nostalgia-po-sssr>
12. Ностальгия по СССР. <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgia-po-sssr-2/>
13. Абрамов Р.Н. “Советский чердак” российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // INTER. 2011. № 6. С. 88–103.
14. Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64–73.
15. Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
16. Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. 2013. № 6. С. 8–11.
17. Тимофеев Т.Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. 2014. № 5. С. 25–33.
18. Музей социалистического быта. <http://muzeisb.ru/>
19. Музей социалистического быта. <http://muzeisb.ru/muzei-socialisticheskogo-byta-v-sankt-peterburge/>
20. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
21. Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3. <http://www.nlobooks.ru/node/3725>
22. Парфёнов Л.Г. Намедни. Наша эра. <https://named-nibook.ru/volumes/1961-1970/>
23. Парфёнов Л.Г. “Наша история богата”. Интервью // Отечественные записки. 2004. № 5. <http://www.strana-oz.ru/2004/5/nasha-istoriya-bogata>
24. Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфёнова // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 52–58.
25. Gorbachev O. The *Namedni* project and the evolution of nostalgia in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 2015. V. 57. P. 180–194.

26. *Айтпаева Г., Адамс Л.Л.* Дом, работа и “советское” сквозь призму повседневности (на примерах России, Эстонии и Кыргызстана) // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2014. № 2. С. 12–20.
27. “Советская повседневность”. <https://sites.google.com/site/sovieteverydaylife>
28. *Левада Ю.А.* Сочинения / Сост. Т.В. Левада. М.: Карпов Е.В., 2011.
29. *Губогло М.Н.* Концепт “советскости” в этнолого-антропологическом контексте // *Вестник антропологии*. 2017. № 3. С. 204–221.
30. *Сомов В.А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // *Социологические исследования*. 2015. № 2. С. 12–20.
31. *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. М.: Собрание, 2010.
32. *Барбашин М.Ю.* “Советскость” в этносоциальном пространстве: этнические и институциональные процессы // *Политика и общество*. 2013. № 3. С. 368–372.
33. *Гайдук В.В., Смирнова К.И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2013. № 2. С. 79–87.
34. *Попов М.Е.* Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // *Национальная идентичность России и демографический кризис*. М.: Научный эксперт, 2007. С. 607–617.
35. *Пивоваров Ю.С.* “...И в развалинах век” // *Полис*. 2011. № 6. С. 52–77.
36. *Пивоваров Ю.С.* О “советском” и путях его преодоления (статья первая). *Советское Über alles* // *Полис*. 2014. № 1. С. 60–82.
37. *Пивоваров Ю.С.* О “советском” и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // *Полис*. 2014. № 2. С. 31–60.
38. *Лебина Н.Б.* Пассажиры колбасного поезда; Сделано в СССР: символы советской эпохи / Под ред. В. Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
39. Советские вещи: друзья, враги, предатели // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 1. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017
40. *Барлетт Д.* Fashion East: призрак, бродивший по Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
41. *Гурова О.Ю.* Советское нижнее бельё: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
42. *Журавлёв С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 гг. М.: ИРИ РАН, 2013.
43. *Zakharova L.* Soviet Fashion in the 1950–1960s: regimentation, Western influences, and consumption strategies // *The Thaw: Soviet society and culture during the 1950s and 1960s* / Eds. D. Kozlov, E. Gilburd. Toronto: University of Toronto Press, 2013.
44. *Jonston T.* Being Soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin, 1939–1953. Oxford: Oxford University Press, USA, 2011.
45. *Fürst J.* Stalin’s last generation: Soviet post-war youth and the emergence of mature socialism. Oxford: Oxford University Press, USA, 2010.
46. *Slavic Review*. 2012. V. 71. № 4. P. 947–948.
47. *The Journal of Modern History*. 2013. V. 85. № 2. P. 484–485.
48. *Journal of Social History*. 2014. V. 47. № 4. P. 1113–1115.
49. *Тишков В.А.* Этнография советскости // *Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования*. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 32–44.
50. *Зубкова Е.Ю.* Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // *Российская история*. 2011. № 3. С. 157–167.
51. *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten* / Hrsg. G. Rittersporn, M. Rolf, J. Behrends. Frankfurt a/M, 2003.
52. *Гудков Л.Д.* “Мы поняли, что советский человек никуда не уходит”. <https://www.levada.ru/2017/07/24/my-ponyali-chto-sovetskij-chelovek-nikuda-ne-uhodit>
53. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.: ИРИ РАН, СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
54. *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / Ред. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафонов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
55. *Kelly C.* Children’s world: growing up in Russia, 1890–1991. L.; New Haven, 2007.
56. *Kucherenko O.* Little soldiers. How Soviet children went to war. Oxford: Oxford University Press, 2011.
57. *Ромашова М.В.* “Дефицитная” бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 5. <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/3/6r.html>
58. *Ромашова М.В.* Мировая история старения: от античности до современности // *Вестник Пермского университета*. 2017. № 1. С. 189–197.
59. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Изд-во АСТ, 1996.
60. *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
61. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
62. *Hellbeck J.* Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge, Mass.; London : Harvard university press, 2006.
63. *Zubok V.* Zhivago’s children: The last Russian intelligentsia. Cambridge; L., 2009.
64. *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие ме-

- ста “тусовок” как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
65. Golubev A. Elemental materialism: Objectifying power and selfhood in the late USSR, 1961–1991. Diss. Vancouver, 2016.
 66. Герасимова Е. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 224–244.
 67. Лебина Н.Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
 68. Меерович М.П. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008.
 69. Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: О.Г.И., 2001.
 70. Boyt S. Common places: mythologies of everyday life in Russia. London : Harvard univ. press, 1994.
 71. Spaces in the Communal Apartment // Rittersporn G., Rolf M., Behrends J. (Hgs.). Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. S. 165–193.
 72. Obertreis J. Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln: Bohlau, 2004.
 73. Reid S.E. The meaning of home: “The only bit of the world you can have to yourself” // Borders of socialism. Private spheres of Soviet Russia. Basingstoke, 2006. P. 145–170.
 74. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006.
 75. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
 76. Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4. С. 59–65.
 77. Иванова А.С. Магазины “Берёзка”. Парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
 78. Die Straße zu “Gum” // Der Spiegel. 1957. № 29. S. 28–35.
 79. Ловелл С. Досуг в России: “свободное” время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136–173.

РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД НОВОЙ КНИГОЙ

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

© 2020 г. Г. Ю. Канарш

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.

После доработки 25.03.2020 г.

Принята к публикации 16.04.2020 г.

В статье обсуждается коллективный труд “Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты”, подготовленный Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН под общей редакцией члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Рецензент подчёркивает актуальность этой работы, отмечает теоретические новации, в том числе введение новых понятий в научный и философский дискурс, показывает, что многие главы книги содержат ценный в теоретическом и эмпирическом отношении материал. В то же время, по его мнению, некоторые концептуальные утверждения авторов нуждаются в более тщательном обосновании, в частности, идея перехода от государства всеобщего благосостояния к социальному государству. Анализ недостатков государства всеобщего благосостояния с позиций критической социальной теории, осуществлённый в некоторых главах, признаётся не вполне аргументированным. Вместе с тем убедительными, на взгляд рецензента, представляются рассуждения о модернизации как главной предпосылке становления социального государства в России.

Ключевые слова: социальное государство, государство всеобщего благосостояния, российское общество, капитализм, фордизм, постфордизм, социальное неравенство, социальная справедливость.

DOI: 10.31857/S0869587320070051

Несмотря на, как считается, значительно повысившиеся в последние десятилетия в России и в мире уровень и качество жизни (благодаря развитию современного капитализма), проблема социального государства по-прежнему остаётся животрепещущей. Если говорить о мировом контексте, то, как показало недавнее исследование компании Эдельман, представленное в январе 2020 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, население многих западных и незапад-

ных стран недоволено капитализмом, сетует на продолжающийся рост социального неравенства, боится потери рабочих мест в результате автоматизации производства, а также не доверяет социальным институтам, но доверяет своим работодателям-капиталистам [1]. Впрочем, некоторые исследователи считают такую ситуацию своего рода социальной шизофренией, поскольку растущее недовольство работников, в частности тем, что им платят не такую зарплату, как им хотелось бы, — это неудовлетворённость системой, несмотря на то, что она создаёт множество общественных благ [2].

Известно, что золотым веком капитализма на Западе был период 1950–1960-х годов, когда, в том числе благодаря разработанному американскими социологами и экономистами социальному проекту, в Европе реализовалась модель, получившая название “фордистский компромисс”. Но это был принципиально иной, нежели у знаменитого американского промышленника и капиталиста Г. Форда, проект, особенность которого заключалась в первую очередь в его социальной направленности. В 1960-е годы в западном

КАНАРШ Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии ИФ РАН.

мире складывается феномен, определяемый как государство благосостояния и пришедший на смену первому (довоенному) типу социального государства — минимально защищающему (с. 42). Этот классический тип социального государства стал возможен во многом благодаря тому духу сотрудничества, социальной солидарности, который утвердился в послевоенные десятилетия в национальных государствах Запада [3, p. 121–197].

Однако золотой век оказался довольно короток: кризис западной экономической системы, начавшийся в конце 1960-х годов, привёл к существенной перестройке капитализма и трансформации социального государства. В условиях нараставшей неопределённости (высокая инфляция, насыщение рынков товарной продукцией, обострившаяся международная конкуренция) капитализм постепенно утрачивал стабильные формы, которые он обрёл в рамках “фордистского компромисса”, и становился всё более гибким, высокоадаптивным в условиях стремительно меняющейся реальности. Это движение от устойчивого капитализма послевоенных десятилетий к гибкому капитализму 1980-х и последующих годов характеризовалось в литературе как переход от фордизма к постфордизму [4–7].

Модернизации системы индустриального производства соответствовали серьёзные изменения в социальной политике. Если в фордистскую эру государство выступало в качестве активного защитника интересов трудящихся через широкую систему социального обеспечения и высоких налогов на работодателей, то государство постфордистской эпохи уже совсем другое, значительно ослабившее свою социальную функцию. Это было связано с общей политикой либерализации, которую проводили западные страны, в первую очередь англосаксонские, начиная с 1970-х годов. Но не только государство постепенно уходило из социальной сферы — бизнес также стал строить отношения с обществом, ориентируясь прежде всего на свои интересы, которые, как оказалось, всё меньше совпадали с чаяниями широких масс трудящегося населения. Интересы бизнеса заключались в том, чтобы придать процессу производства максимальную гибкость, а для этого менялась система трудовых отношений: предприятия всё чаще переходили на систему субконтракта с работниками, постоянную занятость, характерную для фордистской эры, сменила нестабильная, произошла так называемая дуализация рынка труда, характеризующаяся относительным постоянством ядра рабочей силы и неустойчивостью её периферии.

Таким образом, переход к постфордизму с конца 1970-х годов (сами 1970-е годы стали периодом кризиса фордистской системы) значительно изменил характер взаимоотношений эконо-

мики и общества, экономики и государства, что выразилось в ослаблении функций социальной защиты в капиталистическом мире. Начиная с 1990-х годов эту ситуацию обострили процессы глобализации, а в последнее десятилетие её усугубляет стремительное развитие цифрового капитализма, для которого характерна тенденция к наращиванию роботизации и автоматизации производства, вследствие чего возникает реальная угроза сокращения рабочих мест [8].

Как видим, у значительной части населения мира есть вполне реальные основания для недовольства капитализмом. По оценке французских исследователей Л. Болтански и Э. Кьяпелло, сегодня капитализм находится на подъёме (они имеют в виду прежде всего финансовый, спекулятивный капитализм), тогда как общество переживает не самые лучшие времена: растёт безработица, снижается уровень социальной защищённости населения, переживают кризис институты семьи и брака [9].

Особая ситуация наблюдается в последние три десятилетия в России, которая с начала 1990-х годов тоже стала частью мировой капиталистической системы и испытывает на себе воздействие её трансформаций. В этом контексте важнейшим фактором, определившим экономическую и социальную динамику, явилось принятие правящими верхами неолиберальной идеологии, что, как известно, привело к резкому замедлению темпов экономического роста, обнищанию населения и разрушению производства. Несмотря на то, что нынешнее российское государство уже не рассматривается авторитетными исследователями как неолиберальное и олигархическое, в том числе и из-за значительного усиления роли государства в экономике [10, с. 9, 10], прозападные убеждения по-прежнему сохраняются у значительной части российского правящего класса, что хорошо видно по действиям экономического блока российского правительства. И это не может не сказываться на социальной политике государства.

Коллективный труд “Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты”, подготовленный Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН и выпущенный в 2019 г. под редакцией члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина¹, посвящён прежде всего, как следует из самого названия, осмыслению российской действительности с точки зрения возможностей утверждения в России государства благосостояния и в дальнейшем — социального государства (между этими двумя понятиями, по утверждению авторов, есть суще-

¹ Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общей ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019.

ственная разница). В преамбуле указывается на главное противоречие развития социального государства в России: очевидное несовпадение содержания ст. 7 Конституции РФ, гласящей, что российское государство является социальным, и тем, что происходит в реальности. А в реальности, констатируют авторы, мы имеем особый тип социального государства, который определяется ими как “формально правовое, социально слабое государство благосостояния низко-среднего уровня” (с. 39). Иными словами, социальное государство в России всё же есть, что показано также в работе [11], но оно явно не дотягивает до заявленного в основном законе страны. В то же время само наличие такого императива, по мнению авторов книги, делает российскую Конституцию весьма прогрессивным документом даже на фоне конституций многих развитых стран. Справедливости ради отметим, что на указанное противоречие ещё в середине 2000-х годов обращали внимание авторитетные российские исследователи, писавшие о социальном государстве [12, с. 345–364].

Авторы книги рассматривают изучаемую проблему обстоятельно: чётко формулируется предмет и задачи исследования, логично выстраивается его структура, само оно предваряется подробным анализом различных точек зрения на содержание понятия “социальное государство”, представленных в отечественной и зарубежной литературе. Также нельзя не отметить стремление к теоретическим новациям, характерное для авторского коллектива [13]. Например, в научный дискурс вводится новое понятие “конституционная социология и социальная философия”. Как поясняют авторы, “это новое направление, изучающее социально-философские и общесоциологические предпосылки становления и функционирования универсальных для граждан России принципов и норм правопорядка в обществе как социокультурном сообществе людей, роли государства в их осуществлении ради развития человека, общества, его региональных сообществ, организаций и первичных структур. Оно также выявляет специфику методов познания конституционного социокультурного порядка и его компонентов” (с. 17). Заметим, что предлагаемое направление академических исследований имеет аналогии с подобными дисциплинами из других областей знания, в первую очередь с конституционным правом и конституционной экономикой. Анализ конституции с точки зрения её содержания и реализации как исследовательский принцип наиболее последовательно проводится во введении и главе 3, написанных руководителем коллектива и ответственным редактором монографии членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным.

Ещё одна важная теоретическая новация авторов книги, раскрытая уже во введении. Речь идёт

о чётком разделении понятий “государство всеобщего благосостояния” и “социальное государство”. Ставится вопрос: правильно ли мы понимаем содержание двух частей конституционной нормы о социальном государстве? Как известно, в первой её части содержится утверждение, что российское государство должно обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека; во второй части — что оно должно обеспечивать необходимые меры социальной защиты. Необходимо выяснить соотношение этих двух частей конституционной нормы не по принципу дополнительности, когда вторая часть конкретизирует первую, а по принципу различного функционального содержания. В связи с этим, по мнению авторов, “есть основания рассматривать две части статьи 7 не только в логическом соотношении их содержания (наиболее общие положения первой части и их конкретизация во второй части), но и как характеризующие две основные функции социального государства, которые соответствуют разным историческим этапам эволюции общества и цивилизации и разным этапам социализации государства. Первая, общая часть данной статьи выражает *универсальную* функцию активной гуманизации общества, которую осуществляет собственно социальное государство, создавая условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Вторая, конкретизирующая часть статьи 7 формулирует частную функцию *социальной защиты* слабых слоёв населения, характерную для государства благосостояния. Возникают и развиваются эти функции в обратном порядке: от частной, защищающей функции — к универсальной, гуманистической” (с. 28, 29).

Во введении, главах 2 и 6, а также в других разделах подробно говорится о соотношении государства всеобщего благосостояния и социального государства. И это разделение, несмотря на его неожиданность (обычно указанные понятия рассматриваются как синонимы), логично: социальное государство выступает как качественно новый этап по сравнению с социально защищающим государством второй половины XX в., то есть соответствующее постиндустриальному этапу развития. Однако у внимательных читателей может возникнуть некоторое сомнение относительно эмпирической верифицируемости факта данного перехода (от государства благосостояния к социальному государству как новому типу). Что это — благое пожелание авторов, ратующих за дальнейшую гуманизацию общества, или фиксируемая тенденция, которую можно реально наблюдать? К слову сказать, в монографии нет ни одного примера страны или региона, в котором бы реально происходил или уже произошёл такой переход.

Посмотрим внимательно на ситуацию в современном мире, которая стремительно меняется.

Ещё совсем недавно, 10–15 лет назад, разговор о новом гуманистически активном социальном государстве показался бы чистой утопией. С одной стороны, уже с конца XX в., как отмечалось выше, происходит ослабление функций социального государства, а в конце 1990-х — начале 2000-х годов появляется даже известная концепция “третьего пути” для наиболее развитых европейских стран в условиях глобализации [12, с. 345–364]. Согласно этой концепции, важнейшим элементом обновлённого социального государства становится принцип *самоответственности индивида*, который отныне всё меньше рассчитывает на помощь со стороны государства. Функция социальной защиты возлагается уже не столько на него, сколько на структуры гражданского общества, поскольку в условиях глобализации государство стремительно теряет доступ к ресурсам, позволяющим ему быть социально активным. В условиях переустройства капитализма и социального государства в развитых странах, как представляется, достаточно сложно было говорить о переходе к новому, ещё более гуманному, типу взаимодействия государства и общества, экономики и общества. Единственный регион, где сохранилось сильное государство благосостояния, сочетающееся сегодня с развитым информационным обществом, — это Скандинавия [14]. Но и там речь должна идти скорее о модернизированном государстве всеобщего благосостояния, характеризующемся сильной социальной политикой, системой социального страхования, достойными пенсиями, пособиями и т.д. (модели социального государства в Европе и их трансформация рассмотрены в работах [15, 16]).

С другой стороны, в последнее десятилетие всё сильнее на Западе, да и в остальном мире начинается продвигаться идея радикально новой социальной политики, содержание которой определяется введением так называемого *безусловного основного дохода*. Локальные эксперименты с базовым доходом проводились в разные годы во многих странах (Италия, Финляндия, Нидерланды, Индия, Намибия). Широкую известность получил референдум 2016 г. в Швейцарии, на котором граждане страны должны были проголосовать в пользу или против внесения в конституцию страны положения о всеобщем базовом доходе. Помимо собственно экспериментов, развернулась широкая общественная и научная дискуссия относительно базового дохода, в рамках которой звучит множество аргументов как в пользу, так и против его введения [17]. В связи с обсуждаемой книгой хотелось бы отметить главное: один из ключевых аргументов в поддержку базового дохода — идея о том, что он может способствовать освобождению человека от экономической необходимости и таким образом сделать труд (если он сохранится в посттрудовом будущем) подлинно свободным. То

есть, не испытывая экономической необходимости трудиться ради пропитания, человек сможет развить свою активность, основываясь исключительно на собственных способностях и личных склонностях, что приближает идею посттрудового будущего, основанного на автоматизации и базовом доходе [18], к хорошо известной коммунистической идее. В этом контексте мысль о переходе к новому типу социального государства, высказанная авторами книги, действительно представляется весьма и весьма убедительной.

Обращаясь к другим темам, затронутым в монографии, нельзя не согласиться с важными утверждениями, приводимыми во введении. Прежде всего речь идёт о принципиальной роли концепта “человеческое достоинство”, которое определяется авторами через свободное развитие способностей человека (с. 35) и в большей мере соответствует новой стадии — социальному государству. Кроме того, верным представляется вывод авторов относительно природы государственности в СССР: как они считают, в Советском Союзе по ряду причин не было социального государства как такового, но проводилась сильная социальная политика. А социальная политика, справедливо утверждается в монографии, “более широкое понятие, чем социальное государство” (с. 36). Государственность в СССР была направлена не на классовый компромисс, как это предполагается в случае социального государства, а прежде всего на утверждение и историческое доминирование интересов одного класса — трудящихся. То есть интересы других классов в таком государстве не признавались и не могли быть признаны, что категорически не отвечает самому характеру социального государства. Об этом достаточно подробно говорится в других отечественных работах по рассматриваемой проблеме [11, 12].

Верными нам представляются и суждения авторов книги о природе современного российского капитализма, который характеризуется как олигархически-компрадорский (с. 37), несмотря на произошедшие после 1990-х годов значительные трансформации (обуздание олигархической “вольницы”, усиление роли государства в экономике и т.д.). В этом контексте авторы пишут о необходимости перехода от стратегии “модернизации для своих”, характерной, например, для многих латиноамериканских стран, к стратегии “модернизации для всех”, или модернизации в интересах большинства народа. Субъектом такой модернизации “в среднесрочной перспективе должно стать сильное демократическое правовое государство” (с. 38).

Весьма важным с точки зрения перехода к новому типу модернизации и особой роли социального государства видится тезис авторов о том, что

российскому обществу необходимо новое, соответствующее гуманистической культуре понимание человеческого достоинства. Одна из основных проблем России в том, что в ней исторически доминирует линия на утверждение не человеческого достоинства, а властного произвола (“авторитарная вседозволенность”, в терминах авторов книги), которая начинает быть нормой для нашей страны начиная с ордынского ига. В реальности это означает систематическое попрание человеческого достоинства, произвол вышестоящих по отношению к нижестоящим. Если мы хотим видеть Россию сильной современной страной, эта ситуация должна быть радикальным образом изменена.

Итак, уже во введении задана общая концептуальная рамка исследования и поставлены важные вопросы, которые рассматриваются в последующих главах. Первая глава книги, подготовленная Ю.Д. Граниным, посвящена исторической эволюции социального государства, начиная с XVI в. На мой взгляд, это один из лучших текстов по истории социального государства, написанных на русском языке. Автор опирается на большой историко-теоретический материал (работы М. Фуко, К. Поланьи, многих других исследователей западноевропейской экономической истории и мировоззрения) и представляет нам широкую панораму изменяющихся взглядов, представлений и исторических практик социальной политики в контексте развития капитализма в Западной Европе. С идеями и практиками сильной социальной политики, которые возникают только во второй половине XIX столетия, связаны имена таких выдающихся мыслителей, как К. Маркс и Дж.Ст. Милль. Ещё два ключевых имени той эпохи — немецкий мыслитель Л. фон Штейн и государственный канцлер объединённой Германии О. фон Бисмарк. Штейн теоретически обосновал в своих трудах идею консервативного социального государства под эгидой монархии, Бисмарк воплотил эту идею на практике.

Конец XIX — начало XX в. — время становления первого типа социального государства в Европе, названного авторами книги “минимально защищающим”. Согласимся с характеристикой, согласно которой этот этап, продолжавшийся вплоть до середины XX в., в целом может быть назван социалистическим, поскольку роль идей социализма в различных его вариантах и идеологических сочетаниях в этот период значительна. Интересно, что Россия, показавшая высокие образцы социальной политики сразу после революции 1917 г., как известно, пошла за Марксом, тогда как Западная Европа выбрала эволюционный путь. При этом умеренность и прагматизм, как показано Ю.Д. Граниным, были характерны не только для европейских либералов (Дж.Ст. Милль), но также для консерваторов (Бисмарк) и в немалой

степени для социал-демократов. Думается, в этом различии стратегических линий построения социального государства (эволюционной на Западе и революционной в России) видится несовпадение национальных характеров западных народов и россиян [19]. В качестве культурной девиации можно рассматривать фашистские режимы, сложившиеся в первой половине XX в. в Италии, Германии, Испании и Португалии, однако, как показано в книге, для этих режимов характерна сильная социальная политика и высокие темпы экономического развития. Достаточно подробно рассмотрена в данной главе эволюция социального государства в Европе во второй половине XX в., когда сложились три классические его типа: континентальное социальное государство на основе модели Бисмарка, англосаксонское на основе модели Бевериджа и североευропейское, или нордическое, на основе шведской модели. Эти три типа социального государства с некоторыми модификациями существуют до сих пор.

Экскурс в историю социального государства в Европе логично продолжает вторая глава, посвящённая его судьбе в эпоху глобализации. Однако неожиданно для себя мы сталкиваемся здесь не с анализом его эволюции, а скорее, с его оценкой, подчас довольно жёсткой, с позиций критической социальной теории (Ю. Хабермас и другие представители Франкфуртской школы). Так, задаваясь вопросом, насколько государство всеобщего благосостояния социально, автор этой главы Ю.М. Резник отвечает на него следующим образом: “Государство, которое объявляет себя социальным, не должно предоставлять ни одной социальной группе существенные экономические и политические привилегии. Оно становится на сторону большинства, выражая интересы основных классов или групп общества и поддерживая единство (социальное согласие) между ними. Именно в этом, а не только в оказании помощи нуждающимся, его практический смысл. *Но всего этого нельзя сказать о государстве всеобщего благосостояния*” (с. 98; курсив мой. — Г.К.).

Полностью согласимся с общетеоретической характеристикой социального государства, данной автором главы, однако не вполне понятно, почему он отказывает в способности выражать всеобщий интерес государству благосостояния. Тем более что далее в тексте мы вновь встречаем вполне адекватную характеристику: государство благосостояния — “это государство здравого смысла, которое в своей политике исходит из принципа разумного самоограничения” (с. 98). Совершенно верно, именно разумное самоограничение, классовый компромисс и идеология корпоративизма — столпы государства всеобщего благосостояния в Европе, что убедительно показано в предыдущей главе. Но Ю.М. Резник настаивает: “Государство всеобщего благосостояния

не является в полной мере социальным, поскольку оно выполняет лишь отдельные функции социального государства, не меняя в принципе свою природу” (с. 98). Мы согласны с концептуальным разделением государства благосостояния и социального государства, осуществлённым авторами книги, однако, в отличие от Ю.М. Резника, считаем, что государство благосостояния по своему выражало (и выражает) общий интерес и достойно выполняет важные функции социальной защиты.

Однако о какой природе социального государства говорит автор главы? С его точки зрения, природа государства благосостояния, несмотря на то, что оно находится на границе “системного” и “жизненного” миров, — сугубо классовая, и выражает оно прежде всего классовый (а точнее, класса капиталистов) интерес. В своих рассуждениях Ю.М. Резник ссылается на двух видных современных теоретиков — американца А.У. Гоулднера, осуществившего системную критику современного капитализма, и на немецкого философа Ю. Хабермаса, реализовавшего его более мягкий экзистенциальный анализ. Так, с точки зрения системной критики капитализма, в главе делается вывод о том, что “государство всеобщего благосостояния не смогло решить большинства проблем, которые на него возлагались общественностью. Оно так и остаётся бюрократической машиной, порождённой современным капитализмом со всеми его пороками” (с. 105). При этом, как утверждается (вслед за А.У. Гоулднером), для исторического государства благосостояния характерны ценности утилитаризма и прагматизма, которые свойственны в большей мере “системному” миру, нежели “жизненному” — миру гуманистических смыслов и ценностей. Государство всеобщего благосостояния стремится прагматически перестроить общество, пытаясь сделать большинство индивидов полезными с точки зрения капиталистической рациональности, в чём, на взгляд авторов, придерживающихся левых взглядов (Гоулднер, Хабермас), состоит его антигуманистическая направленность. Между тем утилитаризм и прагматизм — это не просто ценности “системного” мира, проецируемые на “жизненный” мир, но особенности западной, в частности американской, ментальности, которые обусловили возникновение капитализма и столь же эффективно им поддерживаются. Конечно, в определённые исторические периоды, например в XIX в., капитализм принимал антигуманистическую направленность, однако были и периоды, когда он служил общественным интересам (период “фордистского компромисса” на Западе или сегодняшний капитализм в Восточной и Юго-Восточной Азии), что, естественно, было связано с практиками социализации капитализма. Государство всеобщего благосостояния, возникшее на капиталистическом Западе, и не может быть

иным, то есть не утилитаристским и не прагматическим, поскольку оно неизбежно несёт на себе отпечаток западноевропейской культуры и рациональности. Поэтому критика государства благосостояния с позиций критической социальной теории не кажется убедительной. Хотелось бы также видеть в этой главе рассуждения автора о состоянии социального государства в эпоху глобализации, о чём заявлено в названии главы.

Впрочем, нельзя не согласиться с Ю.М. Резником в том, что государство благосостояния на Западе действует весьма утилитарно и прагматически, тогда как опекаемым им людям подчас требуется живое тепло и участие (с. 202). Но, думаю, иной тип государства благосостояния может состояться в лишь иной — незападной — культуре, с иными — непрагматическими — ценностями, иными душевными (характерологическими) особенностями людей. Гуманистический тип социального государства мог бы состояться на российской почве, которой чужд западноевропейский прагматизм.

Между тем, как показано во второй части рецензируемой книги, государство в России всё ещё далеко не только от высоких идеалов социального государства, но даже от прагматически утилитарных установок классического государства благосостояния Запада. В главах, написанных Л.А. Беляевой и Н.И. Лапиным, с опорой на статистику и социологические исследования последних лет показано, что основная социальная проблема российского общества состоит в чрезвычайно высоком уровне социального неравенства, фактически раскалывающего общество на две неравные части: одна — богатые и относительно благополучные слои, другая — слои, пребывающие в состоянии относительной и абсолютной бедности (более 40% населения). Этот сохраняющийся уровень неравенства недопустим, однако властью в России до сих пор не предпринимается серьёзных попыток снизить его.

В монографии подробно обсуждаются меры, которые необходимо предпринять для снижения неравенства и реализации справедливой социальной политики. Формулируется важный вывод о радикальном изменении ценностных ориентаций россиян: если в советский период люди целиком уповали на государство в деле социальной защиты, то сегодня в массе своей они не рассматривают государство как “подателя благ” и учатся быть самостоятельными. Однако это не означает, что государство должно самоустраниться из сферы социальной политики: наилучшими авторы считают действия в духе немецкого экономиста и государственного деятеля Л. Эрхарда, когда государство создаёт институциональные условия для социальной и экономической активности индивида, и в этих условиях человек самостоятельно

добивается успеха. И всё же думается, что в чистом виде рецепты немецкого экономиста, скорее всего, не могут быть реализованы в России, где значительная часть населения по-прежнему зависима от социальной поддержки государства. Оно будет вынуждено и в последующие годы осуществлять патерналистскую функцию по отношению к многочисленным группам наших граждан.

В главе 4, подготовленной членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным, обращают на себя внимание теоретические новации, в частности, говорится не просто о разрыве в уровне доходов, но о сравнительных “доходных весах” разных слоёв населения России. Сравнительные веса показывают не только экономическое значение той или иной страты российского общества, но и её социальную и политическую роль, обретаемую ею прежде всего за счёт той части налогов, которую она передаёт в бюджет государства. И здесь авторы книги вновь фиксируют чрезвычайно высокий социальный разрыв между бедными и богатыми — более чем в 15 раз. Н.И. Лапин использует предложенную им самим и рассчитанную учёными Вологодского научного центра РАН довольно сложную методологию социологического анализа, основанную на соотношении различных коэффициентов и позволяющую более тщательно изучить реальную ситуацию. Что важно, авторы приводят данные не только в целом по России, но дают и сравнительную социологическую характеристику различных регионов, существенно различающихся по уровню неравенства. Можно поддержать главный вывод: социальное неравенство сокращается вместе с повышением уровня модернизированности общества в целом или отдельного региона, что хорошо демонстрирует пример Москвы и Московской области.

Единственное замечание ко второй части книги: в главе 3 (весьма продуманной и содержательной) приводятся разные данные об уровне социального неравенства в России. Так, в одном месте говорится, что относительная бедность затрагивает более 20% населения; в другом — уже о более чем 40%. Видимо, этот разноречивый объясняется тем, что на протяжении 2010-х годов статистические данные и их интерпретация часто менялись: например, в первой половине десятилетия количество бедных в стране составляло более 40%, однако в 2016 г. оно сократилось до 20% за счёт увеличения социальных пособий, но с углублением кризиса во второй половине 2010-х годов показатель вновь вырос. Авторам следовало бы разъяснить причины и характер этих изменений.

Обратимся теперь к заключительной, третьей, части коллективного труда. Глава 5 (автор Н.А. Касавина) посвящена анализу понятий гуманизма и человеческого достоинства в контек-

сте становления социального государства. Справедливо утверждается, что социальное государство в России может состояться только при условии целенаправленной модернизации общества, которая создаёт материальные и социальные предпосылки для становления государства нового типа (с. 199). Глава 6 (автор Ю.М. Резник) продолжает тему главы 2, в ней обсуждается проблема перехода от государства всеобщего благосостояния к социальному, активно гуманистическому государству. По мнению автора, на настоящем этапе в России необходимо формировать институт государства благосостояния, уже реализованный в практике западных государств (с. 221).

Суть выводов, формулируемых в заключении книги, сводится к тому, что в настоящий момент в России реализуется консервативный проект социального государства, нацеленный на сохранение статус-кво и совместимый с высоким уровнем социального неравенства. Однако, как справедливо пишут авторы, этот приемлемый для власти подход противоречит интересам большинства граждан России, которые придерживаются ценностей гуманизма. Поэтому России необходим компромисс между гражданским обществом и властью, предполагающий преодоление чрезмерного неравенства и создание сначала всеобщего (защитающего) государства благосостояния, а затем и активно гуманистического социального государства. Двигателем такого развития должна стать планируемая и управляемая модернизация экономики страны. Судя по всему условия для реализации этой стратегии в современной России начинают формироваться [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёва О. Элита в Давосе обсудит проблемы бедных // Независимая газета. 2020. 21 января. С. 1, 4.
2. Иноземцев В. Мир заболел шизофренией // Московский комсомолец. 2020. 25 января. <https://www.mk.ru/economics/2020/01/24/bolshe-pолоviny-zhiteley-vedushhikh-stran-priznali-vred-kapitalizma.html>
3. Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1990.
4. Post-Fordism: a reader / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
5. Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартыанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
6. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной. Под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект-Пресс, 2004.
7. Шевчук А.В. Постфордистские концепции (критический анализ). Казань: КГУ, 2000.

8. *Форд М.* Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
9. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / Пер. с фр., под общей ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
10. История модернизации как предмет социально-философского анализа. Сб. статей / Отв. ред. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. М.: ИФРАН, 2014.
11. *Кочеткова Л.Н.* Философский дискурс о социальном государстве. М.: ИНФРА-М, 2012.
12. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
13. Атлас модернизации России и её регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016.
14. *Химанен П., Кастелс М.* Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / Пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. Послесловие Б. Кагарлицкого. М.: Логос, 2002.
15. Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь мир, 2011.
16. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
17. *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
18. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2019.
19. *Канарш Г.Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М.: Ленанд, 2020.
20. *Миронов С.* Вектор грядущих перемен. Развитие страны должно определяться народным запросом на справедливость // Независимая газета. 2020. 4 февраля. С. 7.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ Д.К. ЧЕРНОВА 2019 года —
АКАДЕМИКУ РАН Ю.В. ЦВЕТКОВУ

Президиум РАН присудил золотую медаль им. Д.К. Чернова 2019 года академику РАН Юрию Владимировичу Цветкову за совокупность работ “Плазменные процессы в металлургии и обработке материалов”.

Ю.В. Цветков внёс крупный вклад в развитие плазменной нанопорошковой металлургии. Им разработана методология исследования плазменных процессов, основанная на высокотемпературном термодинамическом анализе, математическом моделировании и экспериментальных кинетических исследованиях. Фундаментальные работы Ю.В. Цветкова позволили сформулировать теорию процессов восстановления элементов в различных агрегатных состояниях

вещества. Впервые в мировой практике реализован промышленный процесс плазменно-водородного восстановления оксидов вольфрама с получением ультрадисперсных (нанодисперсных) порошков вольфрама и производством на их основе твёрдых сплавов с повышенными механическими и эксплуатационными свойствами. Одно из интересных направлений работ Юрия Владимировича — развитие концепции металлургии будущего, основанной на создании экологически чистого энерготехнологического комплекса на базе плазменной техники.

Высокий инновационный потенциал конструктивных решений академика Ю.В. Цветкова обуславливает их способность к масштабированию, что позволяет создавать на их основе промышленные установки необходимой мощности и производительности.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ В.И. ДАЛЯ 2019 ГОДА — В.М. МОКИЕНКО

Президиум РАН присудил золотую медаль им. В.И. Даля 2019 года доктору филологических наук Валерию Михайловичу Мокиенко (Санкт-Петербургский государственный университет) за цикл “Больших словарей” русской фразеологии — поговорок, сравнений, пословиц: “Большой словарь русских погово-

рок”, “Большой словарь русских народных сравнений”, “Большой словарь русских пословиц”.

Достоинством перечисленных словарей являются отсылки к синонимическим оборотам, что облегчает читателю ориентацию в огромном материале источника, очерчивает параметры фразеологического пространства, близкого к описы-

ваемому выражению, позволяет показать богатство образов народной речи, передающих одну и ту же семантику. В этих словарях представлен уникальный по охвату языкового материала массив русских устойчивых единиц: свыше 40000 поговорок, то есть максимально полный свод русской национальной идиоматики во всех её функционально-стилистических сферах; 45000 русских сравнительных оборотов разного типа; самое большое собрание русских паремий конца XVIII — начала XXI веков — более 70000 пословиц.

Удостоенная медали трилогия стала заметным явлением современной фразеографии. Она демонстрирует высокий уровень развития лексикографической практики, сочетающейся с развитием лингвистической теории, с научным осмыслением различных по своей природе фразеологических единиц.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В.А. КАРГИНА 2020 ГОДА —
В.Г. КУЛИЧИХИНУ И А.Я. МАЛКИНУ

Президиум РАН присудил премию им. В.А. Каргина 2020 г. члену-корреспонденту РАН Валерию Григорьевичу Куличихину и доктору физико-математических наук Александру Яковлевичу Малкину (Институт нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева РАН) за цикл работ “Структурные и фазовые превращения при течении многокомпонентных полимерных систем”.

В представленном цикле работ обобщены многолетние исследования в области формирования структуры вещества вследствие самоорганизации и фазовых переходов при течении полимеров, а также влияния этих процессов на свойства полимерных материалов.

Научная база выполненных исследований — систематическое рассмотрение комплекса явлений, происходящих при течении растворов полимеров с различной жёсткостью цепей и композиций на основе смесей полимеров, а также систем с твёрдым наполнителем. Развита общая концепция о доминирующей роли упругости в проявлении нелинейности механических свойств при течении растворов и расплавов полимеров в интенсивных деформационных полях.

Удостоенные премии работы представляют собой последовательное развитие исследований — от установления фундаментальных экспериментальных и теоретических закономерностей структурообразования и фазовых превращений при течении полимерных систем до технологического воплощения ряда научных результатов.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.А. БАЛАНДИНА 2019 ГОДА —
В.М. КОГАНУ, П.А. НИКУЛЬШИНУ, А.А. ПИМЕРЗИНУ

Президиум РАН присудил премию им. А.А. Баландина 2019 г. доктору химических наук Виктору Мироновичу Когану (Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН), доктору химических наук Павлу Анатольевичу Никульшину (Всероссийский научно-исследовательский институт по переработке нефти) и доктору химических наук Андрею Алексеевичу Пимерзину (Самарский государственный технический университет) за цикл работ “Новые представления о катализе сульфидными переходными металлами: от моделей к промышленным катализаторам”.

Цикл работ представляет собой первое в России систематическое исследование структуры и динамической природы активных центров катализаторов на основе сульфидов переходных металлов. Оно направлено на формулирование принципов дизайна активной фазы и создания эффективных каталитических систем, обладаю-

щих высокой адаптационной способностью по отношению к различным видам нефтяного сырья или синтез-газу.

Авторы развили новое направление — катализ сульфидными переходными металлами, связанное с разработкой эффективных сульфидных катализаторов для гидрокаталитических превращений и синтеза спиртов из синтез-газа. Принципиальный результат выполненных работ — установление факта участия сульфидной серы катализатора в образовании сероводорода в процессе конверсии сераорганических соединений на поверхности сульфидов переходных металлов. Разработанная авторами концепция позволила не только предложить методы направленного дизайна катализаторов для гидроконверсии нефтяного сырья различного состава и синтез-газа в спирты и другие оксигенаты, но и способы управления каталитическими свойствами в этих реакциях.